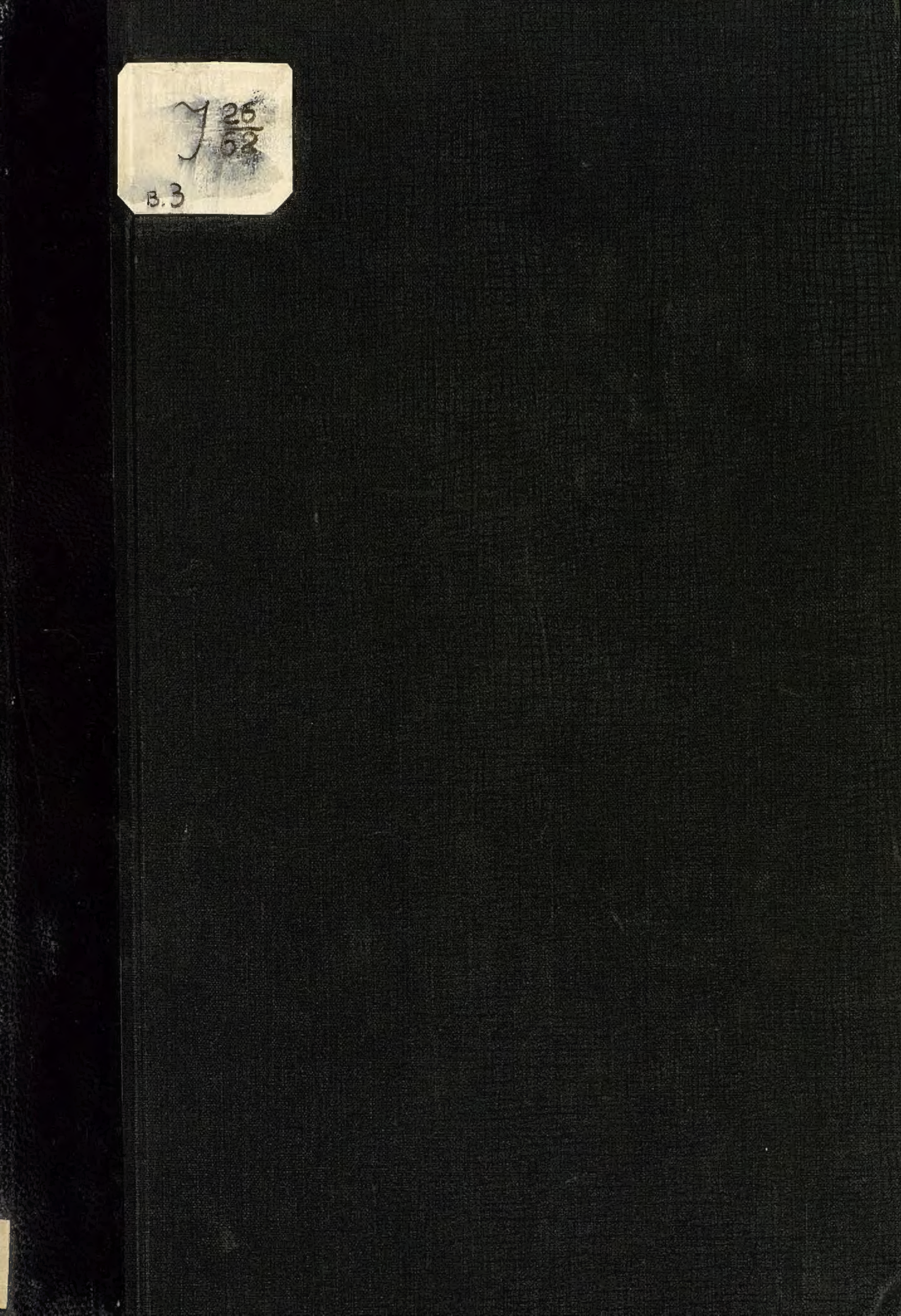

J 26/52
B.3

РУССКІЯ ДРЕВНОСТИ

ВЪ ПАМЯТНИКАХЪ ИСКУССТВА,

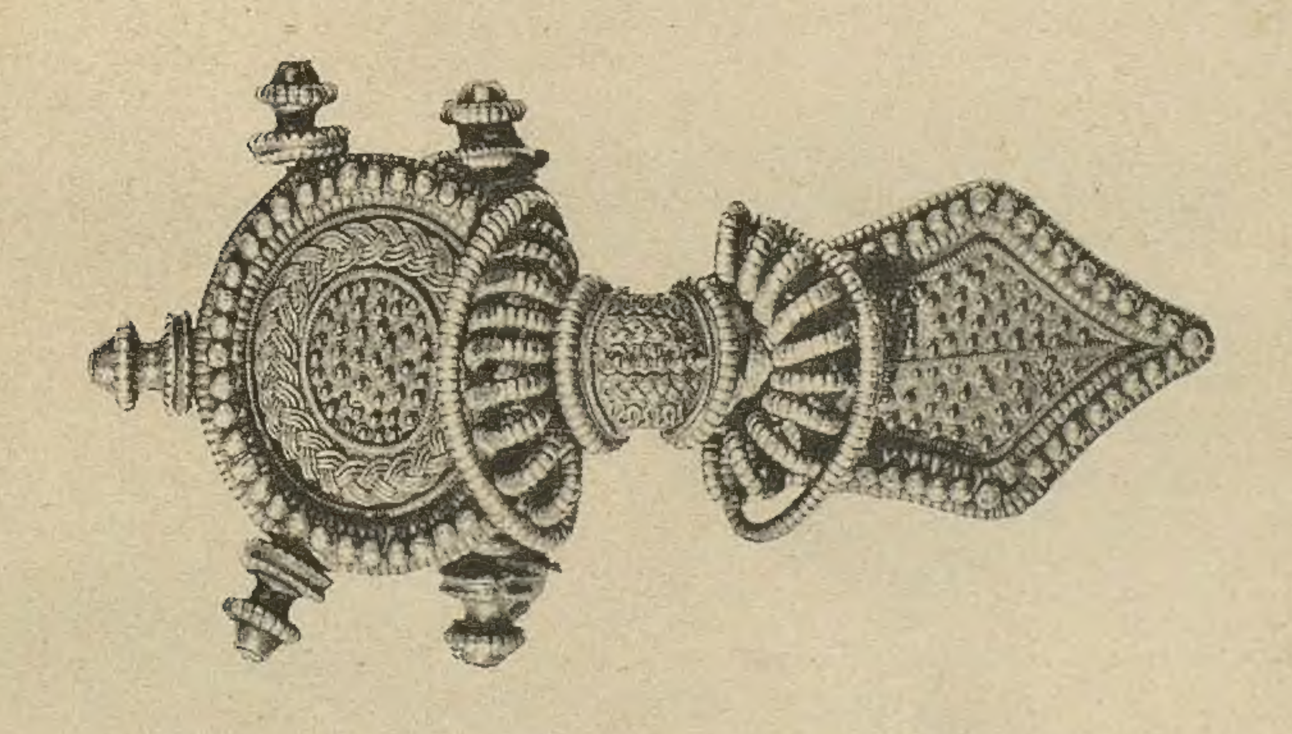
ИЗДАВАЕМЫЯ

графомъ И. ТОЛСТЫМЪ и Н. КОНДАКОВЫМЪ.

ВЫПУСКЪ ТРЕТІЙ.

ДРЕВНОСТИ ВРЕМЕНЪ ПЕРЕСЕЛЕНІЯ НАРОДОВЪ.

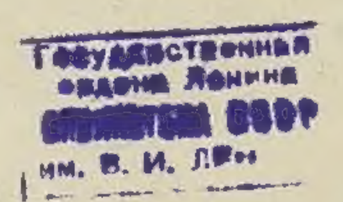
Съ 185-ю рисунками въ текстѣ.

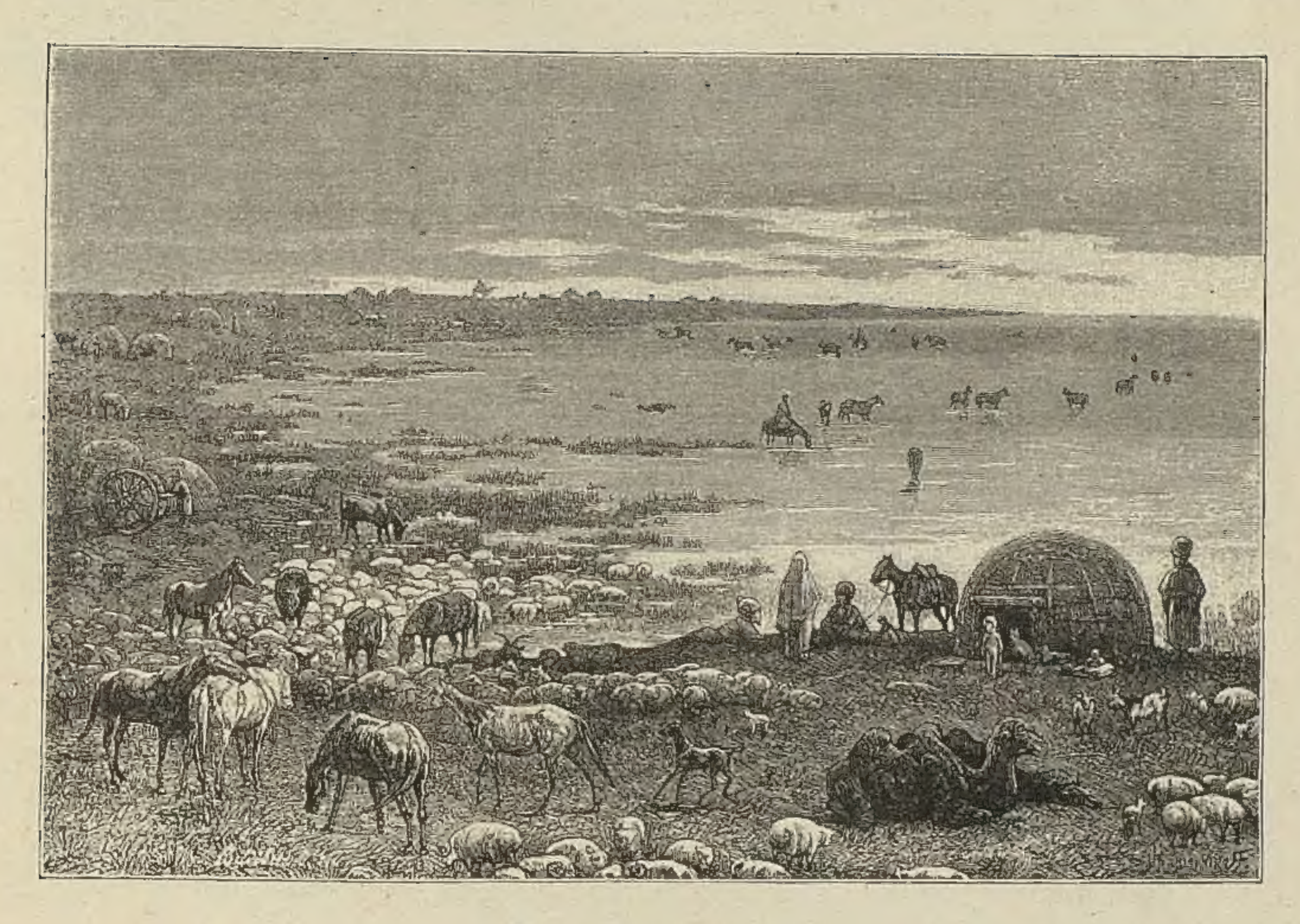
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1890.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 8 іюня 1890 года.

Типографія Министерства путей сообщенія (А. Бенке), Фонтанка 117.

1. Берегъ Каспійскаго моря.

Время раздѣленія Римской Имперіи на двѣ половины въ концѣ IV-го столѣтія по Р. Х. было началомъ слиянія западныхъ и восточныхъ варваровъ Европы въ общемъ культурномъ и политическомъ движеніи. Доселѣ, т. е. приблизительно до эпохи Константина и Ѳеодосія Великаго, закончившей періодъ дѣятельной борьбы культурнаго юга съ варварскимъ сѣверомъ, этотъ послѣдній существовалъ въ видѣ разрозненныхъ, мелкихъ и тѣсно замкнутыхъ варварскихъ мірковъ. Въ пятомъ столѣтіи, которое открываетъ собою начало «среднихъ вѣковъ», европейскій міръ находится въ рукахъ варваровъ. Варвары приходятъ въ движеніе и въ отдаленной Азіи, и въ конечныхъ пунктахъ Европы: основываются варварскія государства Франковъ, Бургундовъ, Визиготовъ, Саксовъ, Вандаловъ; организуются союзы и сплачиваются колоссальные таборы. Доселѣ производства варваровъ или ограничивались предметами первой потребности, или были стѣснены эксплуатаціею чужихъ торговцевъ; политическая жизнь ограничивалась службою Риму въ наемныхъ войскахъ, если не была вызываема набѣгомъ сосѣдей.

Отнынѣ многочисленныя племена, остановившіяся на полдорогѣ и густо населившія низовья Дона, Днѣпра и берегъ Дуная, могли перейти къ самостоятельной политической жизни, къ новымъ передвиженіямъ. Обширные народные союзы фор-

мируются одинъ за другимъ, то съ цѣлью перехода въ лучшія земли, то въ видахъ простаго набѣга. Берега Чернаго моря служатъ поприщемъ смѣлыхъ пиратовъ, и нерѣдко цѣлое племя переправляется на множествѣ лодокъ для грабежа Малой Азіи, Кавказа и Персіи и для отысканія новыхъ жилищъ.

Народности, занявшія Крымъ и берега Кавказа, устье Волги, Дона и Днѣпра не только безнаказанно совершаютъ свои набѣги, но и сами заправляютъ торговлею Византіи съ сѣверомъ и даже съ отдаленною Индіею черезъ Кавказъ.

Въ третьемъ столѣтіи совершается рѣшительное перемѣщеніе культурныхъ центровъ съ запада на востокъ: Римъ замѣняется надолго Византіею и Александріею, а Сасанидская Персія является источникомъ художественныхъ вкусовъ и бытовыхъ формъ. Роль посредницъ исполняютъ Малая Азія и Сирія, а византійскій бытъ и искусство переполняются заимствованіями восточныхъ костюмовъ и украшеній.

Въ эпоху Юстиніана римскіе императоры носятъ уже персидскія стеммы—короны въ видѣ металлическихъ обручей, съ матерчатою шапочкою внутри, осыпанною жемчугомъ, съ жемчужными подвѣсками, падающими по вискамъ. Домашній головной уборъ мужчинъ разнообразится восточными «тимпанами», камилавками, туфами, у женщинъ — высокими персидскими кокошниками. На шеѣ варвара-воина, прежняго наемника, нынѣ свободнаго вождя, почетнымъ знакомъ является маніакъ — металлическая гривна, или матерчатое оплечье, украшенное камнями и жемчугомъ. Широкія восточныя одежды и короткіе кафтаны подпоясываются драгоцѣннымъ поясомъ, который составляетъ видный предметъ въ ряду восточныхъ уборовъ, перенесенныхъ въ Европу. Восточные штаны и шаровары появляются наряду съ кожаными сапогами-чагами, съ длинными голенищами, или матерчатыми пестро-расшитыми.

Вліяніе персидскихъ нравовъ и заимствованіе Византіею азіатскихъ модъ не можетъ быть объясняемо ни сношеніями странъ, вообще рѣдкими и случайными, ни изнѣженностью высшаго сословія восточной Имперіи, вполнѣ сознательно и долго, но напрасно боровшагося съ этимъ наплывомъ восточныхъ вкусовъ.

Глубокія причины и неотразимая сила этого вліянія Персіи заключались въ его народномъ характерѣ: это вліяніе съ третьяго вѣка проникало непрестанно въ южную Европу черезъ посредство варваровъ и вмѣстѣ съ ними самими притекало къ грекоримской культурѣ.

Одежда и вооруженіе варваровъ, установившіеся въ своихъ типахъ, еще во времена Дарія и Ксеркса, перенимались нынѣ въ восточной Имперіи, такъ какъ въ тогдашнемъ ея состояніи того настоятельно требовали непрестанная борьба съ варварами и сожительство съ ними. Императорамъ Византіи приходилось перенимать богатые уборы головные, шейные и другіе, потому что ихъ давно уже носили варварскіе царьки. Такъ, древнѣйшая металлическая діадема, извѣстная намъ въ качествѣ женской короны, принадлежитъ кладу варварскаго царька, найденному въ Новочеркасскѣ. Оружіе варваровъ, ихъ мечи, копья, топоры, пики, шашки перенимались отъ наемниковъ для византійскихъ отрядовъ вмѣстѣ съ соотвѣтствующими доспѣхами — кольчугами, бронями, щитами, а затѣмъ все это становилось образцомъ вооруженія. Для многихъ этнографическихъ особенностей

древняго міра наступило время стать типомъ и обычаемъ. Разнообразныя одежды и облаченія персидской знати были самими Персами заимствованы отъ различныхъ народностей, входившихъ въ составъ сасанидскаго царства: таковы шишакъ и кольчуга, кафтанъ и чаги. Византійскій кабадъ велъ свое происхожденіе черезъ Персію отъ варваровъ закаспійскихъ, а расшитый пестрыми узорами скарамангій былъ, повидимому, славяно-болгарскою мѣховою одеждою. Перешедшіе отъ азіатскихъ варваровъ въ Византію въ древнюю Русь костюмы, предметы уборовъ и быта представляются множествомъ терминовъ, каковы: чаги, чакъ—латы, чувалъ—шуба, чуга, чеканъ, чукуфь, чубъ, чустріи—игры атлетическія (шустрый), чоха—шуба до пятъ, чуканъ — джигитовка.

Прокопій (Anecdota p. 32) замѣчаетъ, что Византійцы перенимали отъ Гунновъ въ эпоху Юстиніана и накидки, и штаны, и обувь, усвоивая и самыя названія костюмовъ и модничая варварскою наружностью. Подъ именемъ *Гунновъ* писатель разумѣетъ сѣверныхъ варваровъ, которыхъ другіе византійцы огуломъ зовутъ *готѳами* или даже *скиѳами;* вообще, пестрыя матеріи, парчи и всякое шитье продолжаетъ именоваться *фригійскимъ* или *варварскимъ,* ибо для константинопольскаго Грека всѣ эти прикладныя, промышленныя художества, процвѣтавшія на азіатскихъ окраинахъ византійской Имперіи, не составляютъ собственнаго искусства, какъ ясно опредѣляетъ Іоаннъ Златоустъ, а только варварскую роскошь. Такъ, Антіохійцы его времени носили расшитую обувь, шубы, крытыя золотыми матеріями, парчевыя одежды, золотые пояса; кони ихъ имѣли золотыя наборныя узды, а слуги щеголяли золотыми гривнами (маніаками).

Въ тѣсномъ смыслѣ, всѣ упреки въ роскоши, столь обильные въ проповѣдяхъ IV—V столѣтій, были протестомъ противъ варварскихъ вкусовъ, укоренявшихся въ греческомъ обществѣ по образцу нахлынувшихъ въ Имперію варваровъ. Классически образованные проповѣдники не понимали смысла богатыхъ личныхъ и конскихъ уборовъ и справедливо опасались за судьбы самого христіанства подъ вліяніемъ новыхъ нравовъ.

Дѣйствительно, сводя вмѣстѣ данныя археологіи варварскаго быта Европы въ эпоху переселенія народовъ, мы замѣчаемъ, прежде всего, мишурное, пестрое богатство личныхъ украшеній, какого не знаемъ вовсе въ древнемъ германскомъ быту. Цвѣтныя, расшитыя одежды; оружіе, покрытое драгоцѣнными камнями или цвѣтными стеклянными инкрустаціями; большія, особенно длинныя и фигурныя, золотыя или бронзовыя позолоченныя фибулы и броши, браслеты и серьги; на всѣхъ металлическихъ уборахъ — камни, или эмаль, или цвѣтныя стекла; золотой листикъ или позолота покрываютъ тонкую рѣзьбу по бронзѣ. Это пышное богатство, тяжелаго вкуса, расточающаго золото на востокѣ, поражаетъ въ кладахъ Кавказа, Румыніи и Венгріи, Тарсоса, Аидина въ Малой Азіи, мельчаетъ и бѣднѣетъ въ могилахъ Франковъ и Бургундовъ, Англо-саксовъ и Вестготовъ въ Испаніи и Африкѣ.

Варварскія или народныя древности начальнаго средневѣковья южной Европы, отъ предѣловъ Каспійскаго моря до Франціи, Англіи и Испаніи, связываются въ одно цѣлое общимъ стилемъ, господствующимъ со II-го столѣтія по VII-е включительно. Единство этого стиля открывается, прежде всего, манерою украшать

предметы цвѣтными камнями или стекляными инкрустаціями, покрывать поля геометрическимъ орнаментомъ, раздѣлывать оконечности звѣриными формами; стиль опредѣлялся техникою металлическихъ вещей — рѣзьбою, филигранью и сканью, и самымъ подборомъ предметовъ, ихъ формою и назначеніемъ.

Мѣстомъ средоточія этого стиля служила южная Россія: именно здѣсь застаемъ мы наиболѣе ранніе, извѣстные намъ образцы и здѣсь-же можемъ мы наблюдать различныя отношенія этого стиля къ искусству античному, восточному и примитивному или собственно варварскому. Связи съ античнымъ искусствомъ ясно наблюдаются на побережьяхъ Крыма и Кавказа; примитивныя формы задержаны глухими ущеліями Кавказскаго хребта; связи съ востокомъ принадлежатъ берегамъ Волги и Дона. Показанія монетъ или предметовъ измѣнчиваго античнаго вкуса опредѣляютъ до извѣстной степени вѣроятности время происхожденія памятниковъ, хотя, понятно, послѣднее слово о томъ, кто именно были тѣ варвары, которые принесли съ собою этотъ стиль, не можетъ быть теперь сказано.

Эпохѣ такъ называемаго переселенія народовъ, ставшаго извѣстнымъ западу въ IV вѣкѣ, предшествовало на востокѣ, въ предѣлахъ европейской и азіатской Россіи, продолжительное и непрерывное движеніе, отмѣченное исторіею лишь въ главныхъ своихъ фазисахъ. До эпохи Рождества Христова это движеніе опредѣляется въ Азіи основаніемъ индо-скиѳскаго царства и царства парѳянскаго; въ Европѣ — смѣною прежняго скиѳскаго населенія южной Россіи сарматскимъ или иранскимъ; передвиженіемъ готѳовъ на среднее теченіе Днѣпра, быстрымъ образованіемъ готѳскаго владычества въ III вѣкѣ по Р. Х., наконецъ, вторженіемъ гунновъ и паденіемъ греческой культуры въ южной Россіи. Исходнымъ пунктомъ движенія варварскихъ племенъ должно считать Среднюю Азію. Средняя Азія была и прародиною этихъ племенъ, и колыбелью ихъ полу-осѣдлой полу-земледѣльческой культуры, и рынкомъ, на которомъ одновременно появлялись металлы и драгоцѣнные камни Сибири, жемчугъ Индіи, шелкъ Китая, ковры, золотыя и серебряныя издѣлія Персіи и образцы античнаго искусства Сиріи и Александріи. Но въ то-же время это были рынки спеціально варварскіе, слаженные по вкусамъ разнообразныхъ племенъ, жившихъ отъ Сибири до границы Персіи. Всѣ извѣстія писателей о народностяхъ, сосредоточенныхъ въ этомъ узлѣ, говорятъ въ пользу относительно высокой культуры мнимыхъ варваровъ. Массагеты имѣли головные уборы, пояса и наручи, узды и сѣдла съ золотыми наборами; Аорсы получали свои товары съ караванами, шедшими изъ Индіи; Парѳяне поражали Римъ своею роскошью, и отъ нихъ именно римскіе вельможи заимствовались обычаемъ украшать жемчугомъ свои башмаки; Аланы и Авары щеголяли золотою посудой и утварью, а любовь къ золоту Гунновъ вошла въ пословицу. Шелковыя одежды и драгоцѣнные камни имѣли въ глазахъ варварскихъ полководцевъ особенно высокую цѣну. Когда готѳъ Аларихъ морилъ голодомъ вѣчный Римъ, жители, кромѣ золота, обязались выдать ему 4.000 шелковыхъ хитоновъ; когда Готѳы, преслѣдуемые Гуннами, переправлялись черезъ Дунай, то должны были перевозить съ собою и все свое имущество: у нихъ были и шелковыя одежды, и полотняное бѣлье, и шерстяные цвѣтные ковры. Дворецъ Аттилы, стоявшій въ

большомъ селеніи восточной Венгріи, былъ, по разсказу Приска, великолѣпнѣе другихъ его дворцовъ. Онъ былъ построенъ изъ бревенъ и досокъ, искусно вытесанныхъ, и обнесенъ деревянной оградой съ башнями. Внутри ограды было много домовъ; одни выстроены изъ досокъ съ рѣзною работой, другіе—изъ тесанныхъ и выровненныхъ бревенъ, вставленныхъ въ брусья, образующіе круги; начиная съ пола, они поднимались до нѣкоторой высоты. Между постройками была большая баня, сложенная изъ камня, издалека привезеннаго. Царскій домъ былъ выше другихъ и поставленъ на возвышеніи. Скамьи стояли у стѣнъ комнаты по обѣимъ сторонамъ. Въ самой серединѣ находилось ложе Аттилы; нѣсколько ступеней вели къ его постели; она была закрыта тонкими и пестрыми занавѣсами, подобными тѣмъ, которые были въ употребленіи у римлянъ и эллиновъ для новобрачныхъ. Около сидѣній были разставлены столы на три, четыре и болѣе лицъ. На пирахъ Аттилы подавали отличныя яства на серебряныхъ блюдахъ; только передъ самимъ Аттилою не было ничего кромѣ мяса на деревянной тарелкѣ. И во всемъ прочемъ онъ показывалъ умѣренность. Пирующимъ подносимы были чарки золотыя и серебряныя, а его чаша была деревянная. Одежда на немъ была также простая, и ничѣмъ не отличалась, кромѣ опрятности. Ни висящій при немъ мечъ, ни шнурки варварской обуви, ни узда его лошади не были украшены золотомъ, каменьями, или чѣмъ-либо драгоцѣннымъ, какъ водится у другихъ скиѳовъ. Посланникъ, присутствовавшій на подобныхъ пирахъ, передаетъ обряды чествованія гостей у Гунновъ и развлеченія, пѣніе былинъ, смѣхотворныя и вздорныя рѣчи юродиваго скиѳа и ломаніе горбуна-грека, коверкавшаго языкъ латинскій съ гунскимъ и готѳскимъ. Когда Аттила въѣзжалъ въ селеніе, его встрѣчали дѣвы, шедшія рядами, подъ тонкими бѣлыми покрывалами, которыя поддерживали съ обѣихъ сторонъ стоявшія женщины; въ ряду было до семи и болѣе дѣвъ, а такихъ рядовъ было очень много. Эти дѣвы, предшествуя Аттилѣ, пѣли скиѳскія пѣсни. Когда, говоритъ Прискъ, Аттила очутился около одного дома, мимо котораго шла дорога къ царскому дворцу, хозяйка вышла изъ дому со многими служителями, изъ которыхъ одни несли кушанье, а другіе—вино: это у скиѳовъ знакъ особаго уваженія. Аттила, сидя на конѣ, ѣлъ кушанье изъ серебрянаго блюда, высоко поднятаго служителями.

Прискъ впущенъ былъ въ домъ супруги Аттилы Креки. Полъ дворца былъ весь устланъ шерстяными коврами; вокругъ царицы, лежавшей на постели, стояло множество рабовъ; рабыни, сидя на полу противъ нея, испещряли разными красками полотняныя покрывала, носимыя варварами по верхъ одежды для красы.

Инстинкты туранскихъ племенъ всегда склонялись къ роскоши, наружному блеску и мишурѣ. Живя номадами въ палаткахъ, туранцы любили украшать обстановку золотыми кубками, серебряными блюдами; ставъ осѣдлыми, они сохранили прежніе вкусы. Неуклюжій и нехудожественный пошибъ, сохранившійся доселѣ въ современномъ Туркестанѣ, въ личныхъ мужскихъ и женскихъ и въ конскихъ уборахъ, есть только мумія того живаго, художественнаго стиля, который, черезъ посредство Готѳовъ, переданъ былъ западной Европѣ, со Скиѳами перешелъ въ Индію, былъ развитъ въ послѣдствіи Арабами и черезъ нихъ переданъ всему мусульманскому міру.

Очевидецъ Прискъ нашелъ у Гунновъ оригинальную культуру, своеобразный народный бытъ, привычки къ роскоши. Вся эта культура сложилась не въ Венгріи и даже не въ южной Россіи, но въ глубинѣ восточнаго Туркестана, откуда явился передовой таборъ сплоченной, колоссальной орды. Уже въ I — II вѣкахъ по Р. Х., по китайскимъ источникамъ, политика правителей Китая обратила вниманіе на Гунновъ, кочевавшихъ по восточной границѣ, которымъ, подъ видомъ платы за лошадей, китайцы платили дань шелкомъ. Пока кочевники сохраняли нравы своихъ отцовъ, они были грозою Китая; съ принятіемъ его цивилизаціи или, вѣрнѣе, ея даровъ, воинственныя силы Гунновъ слабѣли, и Китай успокоивался. Гуннскіе вожди стали брать въ жены китайскихъ царевенъ, привозившихъ съ собою всю свою обстановку и громадную свиту. Одной изъ царевенъ удалось провезти черезъ всѣ китайскія таможни шелковичныхъ червей, и у Гунновъ явилось производство шелка, настолько усилившееся, что подъ именемъ «Гуннскихъ» завѣсъ, пологовъ и ковровъ уже въ III — IV стол. по Р. Х. стали разумѣть въ Византіи дорогія шелковыя издѣлія, исполнявшіяся по лучшимъ персидскимъ рисункамъ и особенно цѣнившіяся, такъ какъ изъ Китая наиболѣе привозился или сырецъ, или же дешевыя издѣлія. О томъ свидѣтельствуетъ, хотя позднѣе, разсказъ византійца Менандра о посольствѣ изъ Византіи къ Дизавулу, хакану Турковъ въ 568 году (fr. 20): «Путешествіе пословъ было продолжительно. Какъ скоро они прибыли въ страну Согдаитовъ и сошли съ лошадей, то нѣкоторые Турки, видимо, нарочно для того поставленные, предлагали послу Зимарху купить у нихъ желѣза; я думаю, они это дѣлали, чтобы показать Римлянамъ, что въ странѣ ихъ есть желѣзные рудники, ибо обыкновенно говорятъ, что у нихъ трудно достать желѣзо... Нѣкоторые люди изъ этого племени, о которыхъ увѣряли, будто они имѣютъ способность отгонять несчастья, пришедши къ Зимарху, взяли вещи, которыя Римляне везли съ собою, положили ихъ вмѣстѣ, потомъ развели огонь сучьями дерева ливана, шептали на скиѳскомъ языкѣ какія-то варварскія слова и въ тоже время звонили въ колокола и ударяли въ тимпанъ надъ поклажей. Они носили вокругъ ливановую вѣтвь, трещавшую отъ огня, приходили въ изступленіе и произносили угрозы, отгоняя, казалось, злыхъ духовъ. Имъ приписывали силу предохранять и освобождать людей отъ зла. Отвративъ, какъ они полагали, всѣ несчастья, они провели самого Зимарха черезъ пламя и этимъ, казалось, и самихъ себя очищали. По совершеніи этихъ обрядовъ, Зимархъ пошелъ вмѣстѣ съ приставленными къ нему Турками къ горѣ, называемой Эктай, что въ переводѣ на эллинскій языкъ значитъ золотая гора, гдѣ находился самъ хаганъ. По прибытіи въ одну долину Золотой Горы, гдѣ было пребываніе Дизевула, Зимархъ и его спутники были немедленно призваны къ нему. Хаганъ находился внутри шатра и сидѣлъ на золотомъ сѣдалищѣ о двухъ колесахъ. (Послѣ аудіенціи) они обѣдали и весь тотъ день провели въ пированіи въ томъ самомъ шатрѣ. Онъ былъ сдѣланъ изъ шелковыхъ тканей, искусно испещренныхъ разными красками. Они пили вино, не такое, какое у насъ выжимается изъ винограда. Напитокъ, ими употребляемый, есть какой-то варварскій: земля Турковъ не производитъ виноградныхъ лозъ... На другой день Римляне приведены были въ другую палатку, обитую и испещренную также шелковыми покровами. Здѣсь стояли и кумиры, различные ви-

домъ. Дизавулъ сидѣлъ на ложѣ, которое было все изъ золота. На серединѣ этого помѣщенія были золотые сосуды и кропильницы и бочки, также золотыя... На слѣдующій день они пришли въ другую комнату, гдѣ были деревянные столбы, покрытые золотомъ, также и ложе вызолоченное, поддерживаемое четырьмя золотыми павлинами. Передъ комнатою на большомъ пространствѣ въ длину были разставлены телѣги, на которыхъ было множество серебра, блюда и корзины, и многія изображенія четвероногихъ, сдѣланныя изъ серебра, ничѣмъ не уступающія тѣмъ, которыя дѣлаютъ у насъ. Въ этомъ состоитъ роскошь турк-скаго князя...»

О могуществѣ и богатствѣ среднеазіатскихъ Турковъ VI вѣка свидѣтельствуетъ и Табари: въ царствованіе Гормизда IV (579—590) верховный царь Турковъ Шаба сдѣлалъ нашествіе на среднеазіатскія владѣнія Сасанидовъ съ 300,000 войска и дошелъ до Герата. Персидскій полководецъ Бахрамъ застрѣлилъ его изъ лука, а сына его, «бывшаго равнымъ отцу», разбилъ, заперъ въ одномъ замкѣ и принудилъ сдаться. «Забралъ онъ и большія сокровища, бывшія въ этомъ замкѣ. Гормизду пришлось послать 250,000 верблюжьихъ тюковъ золота, драгоцѣнныхъ камней, сосудовъ, оружія и прочей утвари». Персидскій разсказъ о томъ-же событіи прибавляетъ сюда золотой тронъ убитаго царя, такую-же корону и ковры.

Арабы, овладѣвъ Согдомъ и Самаркандомъ, захватили безчисленную добычу, состоявшую изъ золота, серебра, рабовъ и скота.

Въ 707 году Муфаддалъ овладѣлъ однимъ замкомъ, гдѣ онъ нашелъ огромныя богатства, которыя онъ раздѣлилъ между солдатами, изъ коихъ каждый получилъ по 800 диргемовъ.

Въ 709 году Кутаиба взялъ городъ Паикандъ въ Бухарѣ, наиболѣе близкій къ Джигуну (Аму-Дарьѣ), при входѣ въ пустыню, который назывался «городомъ торговцевъ», и «говорятъ, что взятіе Паиканда доставило Кутаибѣ столь большое количество женскихъ уборовъ изъ золота и серебра, что невозможно было высчитать ихъ цѣну... Когда слили вмѣстѣ всѣ золотыя украшенія, то Кутаибѣ показали слитокъ, вѣсившій 150,000 фунтовъ. Количество добычи въ Паикандѣ превосходило всю добычу, взятую во всемъ Хорасанѣ... Въ арсеналѣ Паиканда нашли большое количество оружія... Говорятъ, что между добычей Паиканда находился золотой идолъ, вѣсившій 50,000 фунтовъ, глаза котораго изображались двумя жемчужинами необычайной величины и красоты. Кутаиба, весьма удивленный видомъ этихъ жемчужинъ, спросилъ храмовыхъ стражей, откуда онѣ происходятъ. Тѣ отвѣтили: «однажды въ воздухѣ явились двѣ птицы надъ храмомъ и уронили изъ клювовъ эти жемчужины; затѣмъ онѣ улетѣли...»

Въ 713 году царь города Шомана, осажденный Кутаибой, зарылъ всѣ свои богатства, состоящія изъ золота, серебра и драгоцѣнныхъ камней...» При осадѣ Кутаибой Самарканда, Арабы пріобрѣли «богатую добычу, состоявшую въ оружіи, золотыхъ ожерельяхъ и прекрасныхъ лошадяхъ». Самаркандъ сдался съ условіемъ выдать всѣ украшенія, которыя находились въ храмахъ огня. Кутаиба велѣлъ принести идоловъ, всѣ украшенія и сжечь ихъ. Ему дали огня, и онъ сжегъ всѣ эти идолы собственною рукою. Изъ пепла вынули 50,000 фунтовъ слитковъ золота и серебра.

Приведенныхъ разсказовъ достаточно, чтобы представить себѣ процвѣтаніе и богатство варварскихъ племенъ и городовъ Средней Азіи въ эпоху Сасанидовъ.

2. Пустыня Кизилъ-Кумъ.

Имя Гунновъ, какъ имя Готѳовъ, имѣетъ для V-го столѣтія и въ устахъ византійца значеніе собирательное: не даромъ Прискъ замѣняетъ эти имена названіемъ Скиѳовъ. Въ лагерѣ Аттилы собрались всевозможныя варварскія племена, и, между тѣмъ, въ ихъ быту наблюдается какая-то общность, которую смутно сознаютъ даже древніе. Эта общность выступаетъ съ поразительною ясностью въ археологіи варварской Европы. Всѣмъ извѣстно, и большинство продолжаетъ донынѣ удивляться, что на пространствѣ отъ Дона до Франціи встрѣчаются въ древностяхъ этой эпохи все одни и тѣже типы, однѣ формы, одинъ стиль и даже одна и таже техника. Объяснять это господство одной культуры и одного стиля въ столь отдаленныхъ и разъединенныхъ мѣстностяхъ «римскимъ» вліяніемъ стало невозможно съ того времени, какъ центромъ культуры пересталъ быть Рейнъ, и стали извѣстны хотя въ общихъ чертахъ древности Венгріи и южной Россіи. Римскимъ вліяніемъ, будто-бы передвигавшимся постепенно вмѣстѣ съ римскими когортами на сѣверъ, думали объяснить рѣзкую перемѣну въ древностяхъ сѣверной Европы, совершившуюся въ первыхъ вѣкахъ по Р. Х. Правда, эта перемѣна, на первый взглядъ, замѣчается въ появленіи въ Скандинавіи римскихъ бронзъ, сосудовъ и статуэтокъ, стекла, монетъ. Однако, отдѣлка бронзовыхъ предметовъ накладными тиснеными листами серебра, орнаментація ихъ на

подобіе филиграни, жемчуга, а главное, появленіе *звѣринаго* стиля въ орнаментикѣ не могло быть объясняемо римскимъ вліяніемъ. Происхожденіе этого стиля стали приписывать пробужденію національнаго генія въ искусствѣ, и потому принимали за исходные пункты или центры образованія этого стиля то прирейнскія провинціи Римской Имперіи, то Скандинавію вообще, въ частности Данію или Швецію, то наконецъ Британію или Ирландію. Къ поверхностнымъ и односторонним̆ъ наблюденіямъ примѣшались патріотическія увлеченія, непозволявшія опознаться въ массѣ открывшагося сыраго матеріала. Роль этой орнаментики, проникнувшей глубоко въ народные вкусы средневѣковой Европы и образовавшей основы такъ называемаго романскаго стиля, открывалась и въ общей исторіи европейскаго искусства. Поэтому теоріи, подобныя напр. *меровингскому стилю* или *ирландскому орнаменту*, получали руководящее значеніе даже и въ вопросахъ древне-христіанскаго и византійскаго искусства, гдѣ, казалось-бы, варвары не играли роли, а напротивъ, верховенство Рима и Византіи устанавливалось самою исторіею и древностями.

Появленіе этихъ теорій совпало съ кореннымъ поворотомъ въ общемъ пониманіи варварскихъ древностей: отнынѣ было признано, что переселеніе народовъ было не однимъ только политическимъ внѣшнимъ событіемъ: народы эти принесли съ собою собственную культуру и въ своихъ могильникахъ оставили намъ полную картину своего быта и внутренней жизни. Но тѣмъ страннѣе было это единство, тождество культуры. Приходилось признать малопонятное руководство одного племени другимъ, но безъ мастерскихъ и фабрикъ, безъ торговли и промышленности, безъ ввоза и вывоза. Когда источники даннаго стиля искали на самомъ краю Европы, у Англосаксовъ, то пытались объяснить это, во-первыхъ, оригинальною мѣстною склонностью къ звѣриному орнаменту, во-вторыхъ, слабымъ распространеніемъ римской культуры и позднимъ введеніемъ христіанства. Однако, эта мѣстная любовь къ звѣриному стилю должна была основываться сама, прежде всего, на извѣстной къ нему привычкѣ: надо было, чтобы этотъ стиль былъ принесенъ въ Британію, если онъ тамъ не родился. Отсюда, попытки объяснить происхожденіе этого стиля естественнымъ или органическимъ путемъ, а не заносомъ извнѣ: предполагали, что мастера сначала придавали предмету или его части полный видъ животнаго или птицы, затѣмъ, идя путемъ схематизаціи, сокращали, отнимали ноги, торсъ, оставляли только голову, наконецъ одинъ только глазъ и т. д.

Но такого рода схематизація возможна только тогда, когда она имѣетъ дѣло съ готовымъ, развитымъ орнаментомъ, и стало быть, всѣ теоретическія соображенія требовали указать, кому принадлежитъ первоначальный развитой, не тронутый схемою звѣриный орнаментъ. Между тѣмъ, во всѣхъ странахъ варварской Европы наблюдался только процессъ искаженія и уничтоженія: вмѣсто звѣрей, только ихъ головы—орнаментъ представлялъ систему головъ. Такъ, эту систему содержатъ древности Франковъ, Алеманновъ, Бургундовъ, Лонгобардовъ: орнаментика представляетъ только птичью фигуру, образъ животнаго, длиннотою напоминающій змѣю или, скорѣе, ремень, плетеніе съ головою на концѣ. Единственное отличіе отъ древностей англосаксонскихъ была въ томъ, что здѣсь чаще всего встрѣчалась птичья голова.

Сходство древностей западнаго континента по основному прiему заставляетъ видѣть въ нихъ одну группу. Эту группу стали считать, въ свою очередь, производною и родиною ея стиля принимать Скандинавiю, гдѣ будто-бы этотъ стиль сложился декоративнымъ путемъ. Правда, и здѣсь нельзя было, въ виду множества памятниковъ въ земляхъ придунайскихъ, ограничивать одною Данiею и Швецiею предполагаемую родину: для нея брали всю восточную окраину Римской Имперiи, отъ Данiи до устьевъ Дуная и Чернаго моря; съ этой границы стиль, перейдя вмѣстѣ съ народами въ собственную Германiю, будто-бы развился окончательно на Рейнѣ.

Послѣднее построенiе исторiи звѣринаго стиля прикасается уже одною стороною къ дѣйствительности: теорiя уже не принуждаетъ закрывать глазъ на древности Венгрiи, южной Россiи и Кавказа и, видимо, готова признать за ними первенство. Эта теорiя только въ хвостѣ своихъ выводовъ и заключенiй пытается удержать первенство за Скандинавiею: извѣстно, что восточнымъ пограничнымъ съ Германiею племенемъ были Готы, отъ Вислы протянувшiеся до Чернаго моря и подѣлившiеся на западныхъ и восточныхъ — Грейтунговъ и Тервинговъ; извѣстно также, согласно легендѣ Iорданиса, что Готѳы пришли къ Черному морю, двигаясь съ сѣвера изъ Скандiи, этого «завода для выдѣлки народовъ». Такимъ оборотомъ вопроса разомъ ставилось натуральное происхожденiе стиля, и удерживалось скандинавское его изобрѣтенiе.

Послѣдующимъ изложенiемъ будетъ показано, что всѣ перечисленныя теорiи и взгляды не имѣютъ въ настоящее время никакого оправданiя въ памятникахъ и должны уступить мѣсто историческому, сравнительному изученiю варварскихъ древностей, начиная съ ихъ источниковъ въ искусствѣ востока и греко-римскомъ, и идя по пути самихъ народовъ изъ глубины Азiи черезъ южную Россiю и по теченiю Дуная до краевъ Европы.

Это сравнительное изученiе должно опредѣлить роль каждой стадiи или стоянки новаго искусства на пути его перехода изъ Азiи въ Европу. Мы не знаемъ въ настоящее время прародины племенъ, какъ не находимъ и азiатской родины этого стиля, но условное предположенiе ея средоточiя въ обширныхъ областяхъ Средней Азiи можетъ быть подтверждено множествомъ косвенныхъ доказательствъ. Древности Сибири оказываются, черезъ посредство Средней Азiи, въ тѣсномъ родствѣ съ искусствомъ сѣверной Индiи и сѣвернаго Кавказа. Первая стоянка новаго стиля открывается на берегахъ Дона, слѣдующая по теченiю Дуная, а затѣмъ уже наблюдается быстрое распространенiе его по Рейну. Развитiе того-же стиля и его продолжительное существованiе въ Скандинавiи и Британiи легко объясняется тѣмъ, что эти страны въ данную эпоху являлись своего рода «медвѣжьими углами» Европы, гдѣ всякая манера задерживалась, безъ стѣсненiй и перемѣнъ, надолго и проходила все развитiе до крайнихъ предѣловъ.

Разборъ памятниковъ убѣждаетъ, что ходъ варварскаго искусства можетъ быть прослѣженъ, сообразно съ путями переселенiя народовъ, въ послѣдовательности времени, при чемъ востокъ выступаетъ ранѣе запада, югъ прежде сѣвера, Средняя Азiя прежде Сибири, Кавказъ прежде береговъ Дона, теченiе Днѣпра ранѣе Вислы и Дунай прежде Рейна.

3. Долина р. Заравшана.

Всѣ свѣдѣнія о Средней Азіи, сообщаемыя историками Александра Македонскаго, ограничиваются географіею страны. Мы получаемъ лишь косвеннымъ путемъ понятіе о ея жителяхъ, благодаря сходству въ частностяхъ и общей картинѣ съ современнымъ положеніемъ: тѣ-же отношенія горожанъ къ сосѣднимъ кочевникамъ; тѣ-же набѣги, покорность и постоянныя возстанія, въ зависимости отъ присутствія войска, жестокое усмиреніе мятежей; та-же необходимость въ содержаніи гарнизоновъ по кремлямъ городовъ и сооруженіи цѣлыхъ укрѣпленій и лагерей изъ глины, высушенной на солнцѣ.

Походы Александра Македонскаго на дальній востокъ дали Грекамъ удобный случай повторить о его странахъ много диковинныхъ разсказовъ.

Начиная съ запада, по направленію похода, писатели указываютъ обширную область Гирканію, лежащую слѣва отъ пути, ведущаго въ Бактры (изъ Персіи), и отдѣленную съ юга высокими и лѣсистыми горами, а на сѣверѣ простирающуюся до Каспійскаго моря. Страна эта покрыта тѣнистыми высокими лѣсами и орошена всюду горными ручьями.

Подробнѣе говоритъ о плодородіи Гирканіи Діодоръ: «войдя въ Гирканію, Александръ достигъ деревень, называемыхъ богатыми, да и въ дѣйствительности таковыхъ. Вѣдь страна эта своими плодами далеко превосходитъ плоды другихъ

странъ. Такъ, говорятъ, что каждая виноградная лоза приноситъ метретъ (около 40 литровъ) вина, а изъ смоковницъ иныя деревья даютъ по 10 медимновъ сушеныхъ винныхъ ягодъ; зерна, оставляемыя при жатвѣ, падая на землю, выростаютъ не сѣянными и, наконецъ, приносятъ обильный урожай» (XVII, 75). Александръ сталъ здѣсь лагеремъ близь города, называемаго «Створатнымъ», на нѣсколько дней, такъ какъ городъ этотъ былъ богатъ и заключалъ въ себѣ изобиліе всего съѣдобнаго. Отсюда на протяженіи 20 стадій царь шелъ почти по непроходимой тропинкѣ, надъ которой возвышался лѣсъ. Въ 30 стадіяхъ дальше лежалъ городъ Арвасъ.

Часть горъ населяло племя Тапуровъ, давшее имя свое и горамъ (Арріанъ III, 23, I; Курцій VI, 4, 25). «Городъ Гирканіи, въ которомъ былъ дворецъ Дарія», упоминаемый Курціемъ (VI, 5, 22), очевидно, тотъ-же, что и «величайшій городъ Гирканіи, Задракарта, гдѣ у Гирканцевъ былъ дворецъ», о которомъ упоминаетъ и Арріанъ (III, 23, 25), и Страбонъ подъ именемъ Карты (XI, 7, 2). «Сосѣднимъ съ Гирканіей былъ народъ Марды, суровый по образу жизни и привыкшій къ разбоямъ» (Курцій VI, 5, 11); «не было никого (кромѣ Александра), кто бы вторгнулся войною въ ихъ землю, вслѣдствіе неудобства страны (для похода) и потому, что Марды были бѣдны и воинственны вслѣдствіе бѣдности; большинство ихъ бѣжало въ горы, которыя въ ихъ странѣ очень высоки и обрывисты» (Арріанъ III, 24, 2—3). «Пройдя приморскія земли Гирканіи, Александръ вступилъ въ землю Мардовъ и опустошалъ страну ихъ пожарами» (Діодоръ, XVII, 76). «Они бросили ближайшія (къ границѣ) деревни; а во внутренность страны войско Александра могло войти не безъ великихъ трудовъ. Страну защищаютъ хребты горъ, лѣса и утесы. Путь же по ровному мѣсту варвары преградили новымъ видомъ укрѣпленія: здѣсь густо насажены деревья и вѣтки ихъ, покуда еще нѣжны, нагибаются вновь и садятся въ землю; отъ другаго корня вѣтки снова пускаютъ побѣги. Но имъ не даютъ рости, срѣзываютъ и переплетаютъ другъ съ другомъ; чаща покрывается густою зеленью и скрываетъ землю. Эти чащи вполнѣ преграждаютъ путь. Былъ одинъ только способъ — открыть узкій проходъ, вырубая деревья, но и это было сопряжено съ большимъ трудомъ, такъ какъ частые узлы дѣлаютъ стволы крѣпкими, а вѣтки, переплетшіяся между собою, дѣлаютъ тщетными удары, благодаря гибкости прутьевъ. Жители, привыкшіе, подобно звѣрямъ, ползать подъ этими вѣтками, поражали изъ лѣсу врага, бросая копья изъ засады» (Курцій, VI, 5, 13—17). Александръ принужденъ былъ поворотить на югъ и подняться изъ Средней Азіи на Иранское плоскогоріе, откуда уже вторично войти въ Среднюю Азію долиной

4. Серебряная монета Сасанидскаго царя Ардешира I. (226—240 г. по Р. Х.). На лиц. ст. изображеніе царя; на об.— алтарь огня.

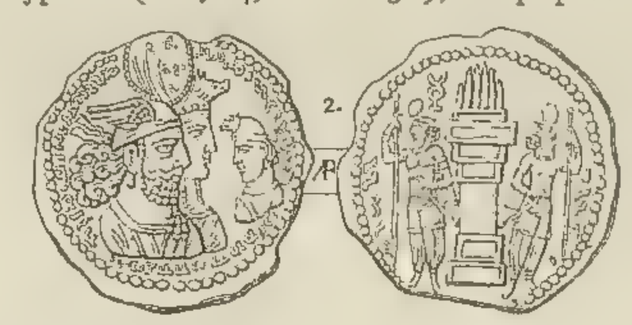

5. Серебряная монета Сасанидскаго царя Сапора I (240—271 г. по Р. Х.). На лиц. ст. изображеніе царя; на об.— алтарь огня, охраняемый двумя жрецами.

Кабула, прямо въ Бактрію. Горы, ограничивающія Бактріану съ запада и юга, т. е. сѣверный Афганистанъ, населены были горцами Парапамисадами. По словамъ Курція (VII, 3, 5), это «грубое племя и среди варваровъ самое дикое. Суровость страны сдѣлала твердымъ характеръ людей. Хижины строятъ они только изъ кирпичей и съ такою-же крышею; онѣ шире внизу, а въ самомъ верху сводятся на подобіе корабельнаго киля. Свѣтъ идетъ сверху черезъ отверстіе».

«По выходѣ изъ Кавказа Александръ вступилъ въ Бактріану, преслѣдуя Бесса, который съ Персами и Бактрійцами, въ числѣ около семи тысячъ, и съ Даями перешелъ р. Оксъ (Аму-Дарья), сжегъ суда, на которыхъ переправился, и удалился въ городъ Навтакъ, въ области Согдіанѣ» (Арріанъ, III, 28, 8—9).

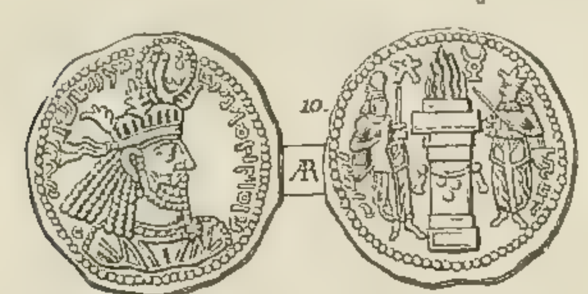
У Курція (VII, 4, 5—6), на пиру Бессъ похваляется, что «онъ хочетъ отступить въ Согдіану, что рѣка Оксъ будетъ противопоставлена врагу, какъ стѣна, покуда не соберутся сильные, вспомогательные отряды отъ сосѣднихъ народовъ, что придутъ къ нему на помощь и Хорасміи, и Даи, и Саки, и Инды, и Скиѳы, живущіе по ту сторону Танаиса, среди которыхъ нѣтъ ни одного столь малаго роста, чтобы его плечи не были на одной высотѣ съ теменемъ Македонскаго воина». На томъ-же пиру магъ Кобаръ, говорившій противъ плана Бесса, прибавилъ, что «у Бактріанцевъ есть пословица, что трусливая собака болѣе лаетъ, чѣмъ кусается, и что чѣмъ глубже рѣка, тѣмъ съ меньшимъ шумомъ течетъ она» (Курцій, VII, 4, 13). По описанію Курція (VII, 4, 26—31), «природа Бактріаны не одинакова. Въ одномъ мѣстѣ многочисленныя деревья и виноградныя лозы производятъ изобильные и хорошіе плоды, землю щедро орошаютъ частые ручьи, почва наиболѣе мягкая засѣяна житомъ, а остальная оставлена для пастбища. Въ другой мѣстности — сухіе пески; когда задуютъ вѣтры отъ Понтійскаго моря, то они сметаютъ (въ кучи) весь песокъ, сколько его ни лежитъ на поляхъ. Тогда песокъ издали имѣетъ видъ большихъ холмовъ и всякіе слѣды прежнихъ дорогъ пропадаютъ. Поэтому тѣ, кто проходитъ черезъ эти пустыни подобно мореплавателямъ, по звѣздамъ направляютъ свой путь, и ночная тьма является тамъ яснѣе дня, ибо днемъ страна эта непроходима: не находятъ слѣдовъ, по которымъ идти, да и блескъ солнца помрачается мглою. А если кого захватитъ вѣтеръ, дующій съ моря, то засыпаетъ пескомъ. Но въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ земля благопріятнѣе (оазисы), тамъ живетъ огромное множество людей и лошадей: вѣдь Бактріане выставили 30,000 всадниковъ. Сами Бактры, столица этой области, лежатъ подъ Паропамизомъ. Мимо стѣнъ протекаетъ рѣка Бактръ, давшая имя и городу и (всей) странѣ». «Александръ изъ города Драпсаки двинулся затѣмъ въ Аорнъ и Бактры, величайшіе города въ Бактріанѣ» (Арріанъ III, 29, 1). Первый изъ этихъ городовъ упоминается съ нѣсколько измѣненнымъ именемъ у Страбона (XV, 2, 10 и XI, 11, 2), у Птоломея и Амміана и у Стефана Византійца, и отождествляется съ нынѣшнимъ селеніемъ Эндерабъ; имя втораго

6. Серебряная монета Сасанидскаго царя Варахрана II (275 — 292 г. по Р. Х.). На лиц. ст. изображеніе царя съ царицею и наслѣдникомъ престола; на об.—алтарь огня, охраняемый дважды изображеннымъ царемъ.

есть въ сущности имя нарицательное, такъ какъ городъ того-же имени упоминается въ Индіи (Курцій VIII, 11, 2) и оба имени происходятъ отъ санскритскаго слова, которое значитъ ограда, палисадъ и т. п., т. е. укрѣпленное мѣсто. Бактры лежали на мѣстѣ нынѣшняго Балха.

Оставивъ въ городахъ этихъ гарнизоны, самъ Александръ двинулся къ рѣкѣ Оксу. Такое малое количество упоминаемыхъ городовъ Бактріаны, въ сравненіи съ многочисленными городами Согдіаны, объясняется именно пустынями, занимавшими и тогда значительную часть области.

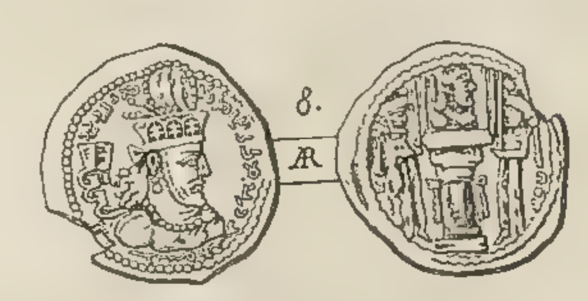
7. Серебряная монета Сасанидскаго царя Нарзеха (292 — 301 по Р. X.). На лиц. ст. изображеніе царя; на об. — алтарь огня, охраняемый царемъ и жрецомъ.

Такая-же разница замѣтна и нынѣ: тогда какъ къ югу отъ Аму-Дарьи находится лишь одинъ значительный оазисъ Балхъ, къ сѣверу отъ нея являются двѣ густо населенныхъ долины Заравшана и верховьевъ Сыръ-Дарьи. Между Аму-Дарьей и Балхомъ тянется пустыня, о переходѣ черезъ которую войсками Александра разсказываетъ Курцій. «Александръ съ войскомъ налегкѣ, говоритъ онъ, вошелъ въ пустыни Согдіаны (по обычному представленію Согдіана начиналась лишь *за* Оксомъ), ведя войско ночными переходами. Войско, отчаявшись найти воду, чувствовало жажду еще прежде, нежели являлась сама жажда. На протяженіи четырехъ стадій здѣсь не было вовсе воды; зной лѣтняго солнца раскалялъ пески; мгла, происшедшая вслѣдствіе чрезмѣрной раскаленности земли, закрывала солнце, и видъ равнинъ становился подобнымъ виду обширнаго и глубокаго моря. Ночной путь казался легче, такъ какъ тѣло освѣжалось росою и утреннимъ холодомъ, но когда съ первымъ лучемъ начиналась жара, люди падали духомъ, пили безъ мѣры воду, и вино, и даже масло. Отягощенные, они не были въ состояніи ни нести оружіе, ни продолжать путь, и болѣе счастливыми казались тѣ, у кого не было воды» (Курцій, VII, 5, 1 — 8). Тѣмъ не менѣе, войско достигло Окса (Аму-Дарьи).

«Рѣка Оксъ течетъ изъ Кавказа и есть величайшая изъ азіатскихъ рѣкъ, до какихъ только доходилъ Александръ и его спутники, кромѣ рѣкъ Индіи. Впадаетъ Оксъ въ большое море (Каспійское), что у Гирканіи. Переправиться черезъ рѣку казалось сначала невозможнымъ: шириною она была, по крайней мѣрѣ, въ шесть стадій, глубина значительная, дно песчаное и теченіе столь быстрое, что сваи легко вырывались теченіемъ изъ земли. Александръ, собравъ кожи, покрывавшія палатки, велѣлъ наполнить ихъ сухимъ хворостомъ и прочно сшить, такъ, чтобы въ кожи не заливалась вода. Когда онѣ были наполнены и зашиты, то оказались достаточными для переправы войска въ пять дней» (Арріанъ, III, 29. 2 — 4). Способъ Александра ничѣмъ не отличался отъ нынѣ употребляемой переправы на турсукахъ (кожаныхъ мѣшкахъ для воды), или просто лежа на нихъ, или подвязавъ нѣсколько турсуковъ подъ плотъ, связанный изъ хвороста.

За Оксомъ начиналась Согдіана. «Область Согдіана по большей части пустынна; почти на восемьсотъ стадій въ ширину въ ней тянутся обширныя пустыни; на большомъ протяженіи въ прямомъ направленіи (т. е. отъ востока на

западъ) несется бурная рѣка, которую туземцы называютъ Политиметомъ (т. е. многопочтеннымъ). Берега заставляютъ рѣку течь въ узкомъ руслѣ, а затѣмъ принимаетъ ее пещера и рѣка мчится подъ землею. Признакомъ скрытаго теченія является шумъ протекающей воды, такъ какъ самая земля, подъ которой течетъ такая рѣка, не орошается вовсе ни малѣйшею влагой ея» (Курцій, VII, 01, 1—3). У Арріана описаніе этой рѣки, которая, безъ сомнѣнія, есть теперешній Заравшанъ, ближе къ дѣйствительности: «Александръ прошелъ всю страну, по которой протекаетъ орошающій ее Политиметъ; а гдѣ пропадаетъ вода, слѣдующая затѣмъ страна — уже пустыня. Скрывается-же рѣка, хотя она и обильна водою, въ пескахъ; и другія большія рѣки пропадаютъ въ тѣхъ странахъ такимъ-же образомъ: Епардъ, текущій черезъ землю Мардовъ, и Арей, которому одноименна область Аріевъ (рѣка Гери-Рудъ), и Етимандръ, текущій черезъ землю Евергетовъ (рѣка Гильмендъ)» (IV, 6, 6). Благодаря ручьямъ, бѣгущимъ съ горъ, которыя образуютъ восточную границу, въ Согдіанѣ были даже лѣса. Тамъ были устроены охотничьи парки, какъ у Персовъ, — «парадизы»: «ничто лучше не доказываетъ богатства варваровъ въ этихъ странахъ, какъ стада благородныхъ звѣрей, заключенныя въ большихъ рощахъ и лѣсахъ. Для этого выбираютъ тамъ пространные лѣса, орошаемые множествомъ постоянныхъ ручьевъ, окружаютъ стѣнами и башнями, строятъ въ нихъ убѣжища для охотниковъ. Лѣсъ оставался нетронутымъ въ теченіи четырехъ поколѣній. Когда Александръ велѣлъ начать охоту въ одномъ парадизѣ, то было убито 4,000 звѣрей и онъ пировалъ со всѣмъ войскомъ въ лѣсу» (Курцій, VIII, 1, 11—19). Изображенія охоты въ такихъ парадизахъ встрѣчаются, какъ на стѣнахъ ассирійскихъ дворцовъ, такъ и на сасанидскихъ рельефахъ, высѣченныхъ на скалахъ.

8. Серебряная монета Сасанидскаго царя Сапора III (384 — 386 г. по Р. Х.). На лиц. ст. изображеніе царя; на об. — алтарь, охраняемый двумя жрецами, на которомъ водруженъ бюстъ Ормазда.

9. Золотое изображеніе колесницы изъ Аму-Дарьинскаго клада.

Какъ нынѣ густо населена долина Заравшана, въ которой находится Самаркандъ и Бухара, и верхняго теченія Сыръ-Дарьи (Ташкентъ, Ходжентъ, Коканъ), такъ было и во времена Александра: въ Согдіанѣ упоминается цѣлый рядъ городовъ; изъ нихъ главнымъ является Мараканда, имя котораго объясняютъ словами Меру — кандъ, т. е. городъ священнаго огня, и который безъ сомнѣнія тож-

дественъ съ Самаркандомъ. Арріанъ называетъ Мараканду «царскимъ дворцомъ Согдіанской области» и упоминаетъ объ его акрополѣ (IV, 3, 6 и др.), а Курцій говоритъ, что «стѣна города длиною въ 70 стадій, кремль же опоясывается другою стѣною» (VII. 6, 10). Плодородная долина Заравшана въ окрестностяхъ Мараканды была густо населена: «Александръ... опустошилъ и пожегъ ближайшія деревни» (Курцій, VII, 6, 11), такъ какъ онѣ были укрѣплены. Отъ Мараканды Александръ двинулся къ Сыръ-Дарьѣ и замыслилъ основать на этой рѣкѣ «крайній» городъ, назвавъ и его также своимъ именемъ. Александру казалось, что и мѣстность будетъ способствовать процвѣтанію города, и что онъ будетъ построенъ въ удобномъ мѣстѣ, какъ на случай похода на Скиѳовъ, если придется его предпринять, такъ и для защиты страны отъ набѣговъ живущихъ по ту сторону варваровъ» (Арріанъ, IV, 1, 3). Уже древніе историки совершенно основательно утверждали, что безчисленныя Александріи, основанныя Александромъ въ разныхъ концахъ свѣта, а въ числѣ ихъ и эта «крайняя» Александрія, были скорѣе лагери, населявшіеся отчасти гарнизономъ, отчасти инвалидами (такъ Арріанъ IV, 4, 1). Эта постройка города произошла уже послѣ покоренія долины Заравшана. «Александръ окружилъ стѣною все пространство земли, которое занято было лагеремъ, и стѣна вышла въ 60 стадій длиною. Работа совершена была столь быстро, что на семнадцатый день послѣ того, какъ они были начаты, окончены были даже крыши города. (Курцій, VII, 6, 25). Александрія стояла на Сыръ-Дарьѣ, гдѣ-либо около Ходжента. Въ той-же долинѣ находилось и нѣсколько сильныхъ туземныхъ городовъ. Взявъ пять городовъ въ два дня и продавъ жителей въ рабство, Александръ двинулся къ самому большому изъ нихъ — Кирополю; онъ былъ укрѣпленъ высокою стѣною. Придвинувъ машины, Александръ думалъ сначала бить стѣны, но замѣтивъ, что русло рѣки, протекавшей черезъ городъ, было сухо и не преграждалось стѣнами, онъ ворвался въ городъ съ небольшимъ отрядомъ и отворилъ войску ворота. При первомъ взятіи города варваровъ пало до 8,000, а прочіе — всѣхъ сбѣжавшихся въ городъ было до 15,000 способныхъ носить оружіе — затворились было въ акрополѣ, но сдались вслѣдствіе недостатка воды (Арр. IV, 3, 4). Александръ разрушилъ городъ племени Мемаценовъ на Сыръ-Дарьѣ. Всѣ эти города, лежавшіе среди густо населенной мѣстности, стояли въ долинѣ верхняго теченія Сыръ-Дарьи, въ бывшемъ Коканскомъ ханствѣ.

10. Серебряная статуэтка, изображающая Персидскаго царя, изъ Аму-Дарьинскаго клада.

Кромѣ варварскихъ городовъ и крѣпостей, описатели александровыхъ походовъ помѣщаютъ въ Согдіанѣ и греческое поселеніе: «Александръ,— говоритъ Курцій, прибылъ къ городку, жителями котораго были Бранхиды: они вышли изъ Милета, по приказанію Ксеркса, возвращавшагося изъ Греціи, и поселились здѣсь, такъ какъ разграбили ради Ксеркса храмъ, называющійся Дидимеонъ (храмъ Аполлона близь Милета). Они не забыли еще отеческихъ нравовъ, но говорили уже на двухъ языкахъ, испортивъ нѣсколько свой языкъ чуждымъ. Съ большою радостью встрѣтили они царя и передали ему и себя, и городъ» (VII, 5, 27—29). Но вслѣдствіе старинной ненависти Милетцевъ, бывшихъ въ его войскѣ, къ этому роду, Александръ «велѣлъ разграбить городъ,— убѣжище предателей, — и самихъ ихъ перебить всѣхъ до одного. Они избивались всюду безоружные и жестокость не могла быть обуздана ни жреческими повязками, ни мольбами. Стѣны разрушили до самаго основанія, дабы не осталось и слѣдовъ города. Даже священныя рощи и дубравы не только срубили, но даже выкорчевали» (VII, 5, 32—35).

11. Концы золотаго браслета съ изображеніемъ головы козла; изъ Аму-Дарьинскаго клада, видъ въ профиль и сверху.

Таковы исключительно географическія свѣдѣнія о той части Средней Азіи, которая находилась подъ персидскимъ владычествомъ и послѣ смерти Александра перешла подъ власть его преемниковъ. Только Страбонъ говоритъ о нравахъ и обычаяхъ культурныхъ племенъ Средней Азіи: «жители Бактріи и Согдіаны въ старину немногимъ отличались по образу жизни и нравамъ отъ кочевниковъ; нѣсколько мягче были нравы Бактрійцевъ, но и о нихъ немного хорошаго разсказываютъ Онесикритъ и его товарищи (спутники Александра). Стариковъ и больныхъ тамъ бросали на съѣденіе собакамъ-«могильщикамъ», такъ что внутренность города была полна человѣческими костями. Прекратилъ такой обычай самъ Александръ. Нѣчто подобное разсказываютъ и о Каспіяхъ: они морятъ голодомъ родителей, запирая ихъ, когда тѣ достигнутъ возраста свыше семидесяти лѣтъ» (Страбонъ XI, 11, 3). О такихъ обычаяхъ, освященныхъ религіознымъ ученіемъ Зороастра, упоминаетъ и Плутархъ: «у Гирканцевъ собаки, а у Бактрійцевъ птицы поѣдаютъ, по обычаю, мертвыхъ». О вліяніи Александра на туземные обычаи, казавшіеся Грекамъ варварскими, тотъ-же авторъ говоритъ: «Посмотри на образовательную дѣятельность Александра: Гирканцевъ научилъ онъ брачнымъ обычаямъ, Арахозянъ — земледѣлію, Согдіанцевъ научилъ кормить своихъ отцовъ, а не умерщвлять, Персовъ — чтить матерей, а не брать ихъ въ жены» (Плутархъ «О счастьи или добродѣтели Алекс. Вел.», I, гл. V).

12. Концы браслета изъ Аму-Дарьинскаго клада, съ изображеніемъ барановъ.

Курцій характеризуетъ Бактрійцевъ такъ: «Бактрійцы самые смѣлые среди варваровъ, и ихъ суровые нравы сильно не согласуются съ персидской роскошью; они постоянно вооружены и живутъ недалеко отъ воинственнѣйшаго народа Скиѳовъ, привыкшаго жить грабежемъ» (IV, 6, 3—4). Онъ же описываетъ «страшный видъ Скиѳовъ и Бактрійцевъ, ихъ волосатыя лица и косматыя головы» (IV, 13, 5).

13. Золотой браслетъ съ головой козла на концахъ и кусокъ отъ другаго браслета съ львиной головкою; изъ Аму-Дарьинскаго клада.

Съ юга и востока культурныя страны Средней Азіи, покоренныя Александромъ, граничили съ высокими горными хребтами, съ сѣвера же и запада, въ пустыняхъ и степяхъ, кочевали племена, носившія общее имя Саковъ (у Персовъ), или Скиѳовъ (у Грековъ). Имя Массагетовъ въ эпоху Александра еще сохранялось преданіемъ. По словамъ Курція (VIII, 1, 8), земля Массагетовъ была смежна съ землею Даговъ (н. Дахистанъ) и Хорасміевъ (н. Хоарезмъ), т. е. къ сѣверо-западу отъ Бактріаны и Согдіаны.

14. Золотая массивная фигурка оленя изъ Аму-Дарьинскаго клада.

Хорасміи, которые Скиѳами не называются и были, быть можетъ, осѣдлымъ племенемъ арійскаго происхожденія, въ столкновеніе съ Александромъ не приходили. Царь Хорасміевъ изъявилъ свою покорность новому повелителю всего персидскаго царства, такъ какъ покорность эта ни къ чему его не обязывала по отдаленности страны. О подданствѣ этомъ говорятъ и Арріанъ, и Курцій. «Прибылъ къ Александру и Фарасманъ, царь Хорасміевъ, съ полутора тысячами всадниковъ. Фарасманъ говорилъ, что онъ живетъ рядомъ съ народомъ Колховъ и женщинами Амазонками и, если Александръ пожелаетъ идти на Колховъ и Амазонокъ, на эти народы, сосѣдніе съ Евксинскимъ Понтомъ, то онъ обѣщалъ быть путеводителемъ» (Арріанъ, IV, 15, 4—5). Не болѣе свѣдѣній даютъ историки Александра о сосѣдяхъ Хорасміевъ Даяхъ или Дагахъ. Мѣсто жительства ихъ Арріанъ

опредѣляетъ такъ: «Даи, живущіе по сю сторону Танаиды» (т. е. Сыръ-Дарьи) (III, 28, 8). Онъ-же называетъ ихъ конными стрѣлками изъ луковъ (V, 12, 2), а Курцій описываетъ особый военный пріемъ ихъ: «лошади ихъ несутъ въ битвѣ двухъ воиновъ» (VII, 7, 32). Позднѣе Даи играли видную роль въ эпоху Парѳянскаго владычества.

«Массагеты, говоритъ Страбонъ, одни живутъ на горахъ, другіе на равнинахъ, третьи въ рѣчныхъ болотахъ, четвертые на островахъ среди болотъ. Рѣка Араксъ потопляетъ ихъ землю, течетъ многими руслами и впадаетъ нѣсколькими устьями въ море, что къ сѣверу, и однимъ въ Гирканскій заливъ. Массагеты хорошіе пѣхотинцы и всадники, употребляютъ луки, мечи, панцыри и мѣдныя сѣкиры, пояса у нихъ золотые, какъ и діадемы... Живя на островахъ и не имѣя посѣвовъ, ѣдятъ они коренья и дикіе плоды, одѣваются древесною корою, такъ какъ не имѣютъ стадъ, пьютъ сокъ, выжатый изъ древесныхъ плодовъ. Обитатели болотъ питаются рыбою, одѣваются въ шкуры тюленей, выходящихъ изъ моря. Горные жители питаются также плодами деревьевъ, овецъ имѣютъ мало и не убиваютъ ихъ, ради шерсти и молока. Одежду красятъ снадобьями, дающими прочные цвѣта. Жители равнинъ не обрабатываютъ земли, а питаются стадами и рыбой, какъ кочевники, по-скиѳски. Вообще, у всѣхъ этихъ народовъ одинъ образъ жизни, о которомъ я часто говорилъ, и похороны у нихъ схожи, и нравы, и самая жизнь, грубая и невѣжественная, дикая и воинственная, но честная и безкорыстная» (XI, 8, 6—7). Въ этой характеристикѣ, основанной на Геродотѣ (I, 202), Страбонъ смѣшалъ подъ именемъ Аракса нѣсколько рѣкъ, а подъ именемъ Массагетовъ — разныя племена, иныя культурныя, другія полудикія. Имя Массагетовъ во времена Страбона имѣло, явно, столь-же общее значеніе для Средней Азіи, какъ имя Скиѳовъ для южной Россіи.

Сосѣдями Массагетовъ были Саки. Они, вмѣстѣ съ Каспіями, составляли 15-ый округъ Даріева царства и платили 250 талантовъ (Геродотъ, III, 93). Геродотъ описываетъ ихъ вооруженіе: «Саки, скиѳское племя, имѣли на головѣ остроконечныя шапки изъ плотнаго войлока, стоявшія прямо, одѣты были въ штаны, имѣли туземные луки, короткіе мечи, наконецъ сѣкиры (сагары)» (VII, 64). По словамъ Ксенофонта, Саки, терпя угнетеніе отъ Ассиріянъ, присоединились къ воевавшему противъ Ассиріи Киру, выставя 10,000 пѣшихъ и 2,000 конныхъ стрѣлковъ (Кироп. V, 3). Птоломей, а также Амміанъ Марцеллинъ, помѣщаютъ Саковъ за Яксартомъ, упоминая въ землѣ ихъ «убѣжище для отправляющихся торговать къ Серамъ», т. е. въ Китай, и «каменную башню»; часть страны занимали кочевники, не знавшіе городовъ и жившіе въ пещерахъ. Эліанъ разсказываетъ, что языкъ Саковъ особый, отличный по звукамъ отъ скиѳскаго (de nat. anim. V, 51), что Саки въ бѣгствѣ стрѣляютъ, оборачиваясь назадъ, въ непріятелей (ib. IV, 2) и что «кто изъ нихъ хочетъ жениться на дѣвушкѣ, долженъ вступить съ нею въ борьбу; если побѣдитъ она, то побѣжденный становится ея плѣнникомъ и поступаетъ въ полное ея распоряженіе; только поборовъ дѣвушку, юноша можетъ взять ее въ свою власть. Во время траура Саки удаляются въ подземныя храмины» (Var. hist. XII, 38).

Климентъ Александрійскій упоминаетъ, что «Сакскія женщины, когда обра-

щались притворно въ бѣгство, стрѣляли съ коней, оборачиваясь назадъ, какъ дѣлали это и мужчины» (Strom. IV).

Завоеванія Александра надолго измѣнили страну. Были основаны города, въ нихъ оставлены греческіе гарнизоны, которые, смѣшавшись съ туземцами и внеся къ нимъ греческую культуру, съумѣли не только сохранить свою національность, но даже пріобрѣсти перевѣсъ надъ туземцами и основать самостоятельное Греко-Бактрійское царство.

15. Золотая массивная фигурка лани, изъ Аму-Дарьинскаго клада.

Послѣ Александра, его средне-азіатскія владѣнія перешли, съ окончаніемъ усобицъ его полководцевъ, къ Селевку Никатору. Сатрапы платили Селевкидамъ дань и поставляли вспомогательныя войска для ихъ постоянныхъ войнъ. Изрѣдка Селевкиды начинали въ широкихъ размѣрахъ культивированіе странъ. Такъ, дивясь «прекрасной растительности Маргіаны, Антіохъ Сотеръ (сынъ Селевка) окружилъ (часть ея) стѣною въ 1,500 стадій и основалъ городъ Антіохію» (Страбонъ, XI, 10, 2). Пространство, обнесенное стѣною, было ничто иное, какъ парадизъ; въ оградѣ его помѣщался не царскій звѣринецъ, а городъ съ его землями. Очевидно, положеніе городовъ было не безопасно, и переходы конныхъ варварскихъ отрядовъ черезъ Оксъ и Яксартъ были обычнымъ дѣломъ. Когда при Антіохѣ II началось возмущеніе сатраповъ, то первымъ отложился намѣстникъ Бактріи «Ѳеодотъ, правитель *тысячи бактріанскихъ городовъ*». Число преувеличено, но всетаки указываетъ на процвѣтаніе страны и могущество сатраповъ ея, такъ какъ только спустя 18 лѣтъ Селевкиды могли начать войну съ бунтовщиками. Отпала и Парѳія. Парѳія занимала горную мѣстность къ востоку отъ Гирканіи, отдѣляя Маргіану (Мервъ) отъ иранскаго плоскогорья; ея центрами являются современные города Мешхедъ и Нишапуръ. Характеръ страны разнообразенъ: «въ предѣлахъ Парѳіи, — говоритъ Юстинъ (XLI, 1), господствуетъ разомъ и сильный зной и холодъ: на горахъ (лежитъ) снѣгъ, въ равнинахъ свирѣпствуетъ зной». Жители «говорятъ на языкѣ среднемъ между скиѳскимъ и мидійскимъ: онъ составился изъ смѣшенія обоихъ. Парѳяне всегда верхомъ: на лошадяхъ и бьются, и пируютъ, и исправляютъ общественныя и частныя дѣла. Если не ведутъ съ другими войнъ, то между собою враждуютъ. По природѣ Парѳяне молчаливы. Оружіе ихъ стародавнее, скиѳское». По Юстину (LXI), Парѳяне «были скиѳскими изгнанниками... такъ какъ по-скиѳски бѣглецовъ называютъ «парѳы».

О томъ, какъ Парѳія отложилась отъ Македонянъ, Страбонъ приводитъ два разсказа: «Арсакъ, скиѳъ изъ (племени) Даевъ, съ кочевниками Парнами, живущими на р. Охѣ (нынѣ Атрекъ) вторгнулся въ Парѳію и овладѣлъ ею» (XI, 9, 2),

«а Бактріане иначе разсказываютъ, будто Арсакъ возмутилъ Парѳію» (XI, 9, 3), наконецъ Юстинъ, что «Арсакъ, привыкшій и прежде жить разбоемъ, напалъ на Парѳянъ съ шайкой, убилъ ихъ сатрапа и овладѣлъ верховною властью» (XLI, 4). Это произошло около 250 г. до Р. Х. Новое царство сыграло крупную роль во всемірной исторіи, и Арсакиды стали властителями всей Азіи, что за Евфратомъ. «Нынѣ, говоритъ Страбонъ, — они властвуютъ надъ столькими землями и народами, что стали соперниками Римлянъ. Причина того жизнь и нравы Парѳянъ, имѣющихъ хотя и много варварскаго и скиѳскаго, но вполнѣ разумныхъ въ управленіи и искусныхъ въ войнѣ» (XI, 9, 2). Братъ Арсака Тиридатъ устроилъ парѳянское царство, построилъ крѣпости и города и основалъ крѣпкій городъ Дара (гдѣ нынѣ Мешхедъ), котораго окрестнымъ садамъ дивится Юстинъ (XLI, 5).

16. Единственная по величинѣ между древними золотыми монета Бактрійскаго царя Евкратида (ок. 200 лѣтъ до Р. Х.).

Но рядомъ съ парѳянами усиливалось и процвѣтало бактрійское царство, какъ разсказываетъ Страбонъ (XI, 11, 1): «Отложившіеся Эллины настолько усилились, благодаря плодородію почвы, что овладѣли и Аріаной (Гератъ) и «Индами», и покорили больше народовъ, чѣмъ Александръ. Они не только захватили Паталену (часть Индіи), но и другое прибрежье. Бактріана стала красою всей Аріаны; до Серовъ (китайцевъ) и Фриновъ простерли Греки свою власть». Антіохъ сирійскій понялъ, что греко-бактрійское царство — крайній оплотъ противъ напора варваровъ и заключилъ съ царемъ Бактріи Евтидемомъ наступательный и оборонительный союзъ. Союзъ съ могущественнымъ Сирійскимъ царемъ сразу возвысилъ Бактріану: начало II-го столѣтія до Р. Х. было наиболѣе цвѣтущимъ періодомъ для Бактріаны; монеты Евтидема находятъ отъ Мерва до Индіи. Сынъ Евтидема Димитрій (за 200 лѣтъ до Р. Х.) сдѣлалъ много завоеваній въ современномъ Афганистанѣ. Слѣдовавшій за нимъ Евкратидъ происходилъ, повидимому, изъ бактрійскихъ намѣстниковъ; разбивъ царскія войска, онъ вторгся въ Индію и завоевалъ ее. Онъ скоро былъ убитъ, но успѣлъ основать городъ своего имени. По словамъ Аполлодора, приводимымъ у Страбона (XV, 1, 3), «царь Евкратидъ владѣлъ тысячью городовъ». Онъ былъ убитъ сыномъ, а парѳянскій царь Митридатъ (174 — 136) овладѣлъ почти всѣмъ царствомъ.

Скиѳы, покоривъ Бактрійское царство, основали свое, простиравшееся на сѣверную Индію и получившее имя Индоскиѳскаго. Памятниками этого царства являются доселѣ только монеты съ весьма грубыми изображеніями и именами царей, въ родѣ слѣдующихъ: Май, Азъ, Азилисъ, Спалирисъ, Индоферъ, Кадфисъ, Канерки, Ооерки, Базодео, но что были это за цари, гдѣ и когда они жили, остается неизвѣстнымъ. Въ китайскихъ источникахъ разсказывается, что во II вѣкѣ до Р. Х. въ нынѣшнемъ Тангутѣ жилъ народъ Юэтчи или *Юэти*, рядомъ съ ними *Усунь*, а въ западной части Джунгаріи народъ *Се*; около 160 г. до Р. Х. народъ Хунну, жившій къ сѣверу отъ Юэтчи, потѣснилъ ихъ; они выселились и въ свою очередь потѣснили народъ Се, который передвинулся дальше на западъ. «Когда Хунну разбили Да-Юети, то тѣ заняли на западѣ государство Дахя, а Се заняли на югѣ государство Гибинъ (или Арахозію — Афганистанъ)». Китайскія имена пробуютъ объяснить: Да-Юэти — Великіе Юэти — Массагеты — Великіе Геты; Дахя — земля среднеазіатскихъ Скиѳовъ Даевъ; Се — Саки. Такимъ образомъ, китайскія извѣстія были бы вполнѣ согласны съ греческими разсказами о разрушеніи кочевниками Греко-Бактрійскаго царства.

17. Золотая монета царя Ооерки; на лиц. ст. изображеніе царя, на об. храмъ съ изображеніями боговъ.

Хронологія событій опредѣляется В. В. Григорьевымъ: занятіе Саками Гибини около 120 г. до Р. Х., конецъ владычества ихъ въ Индіи около 260 г. по Р. Х.; но сами Индійцы относили, повидимому, событія эти ко временамъ болѣе позднимъ, съ чѣмъ согласно и мнѣніе нѣкоторыхъ новыхъ ученыхъ: такъ Лассенъ («Индійскія Древности») относитъ нашествіе Юетчи приблизительно къ 85 г. до Р. Х.

Кто были Скиѳы, занявшіе Бактрію и Согдіану, не знаемъ. Трогъ Помпей въ оглавленіи 41-й книги называетъ племена Саранками и Асіанами, а Страбонъ Асіями, Пасіанами, Тохарами и Сакаравлами, пришедшими *изъ-за Яксарта*, изъ страны близкой къ владѣніямъ Саковъ. Изъ свода всѣхъ свѣдѣній мы получаемъ только одно общее заключеніе: что завоеватели принадлежали обоимъ племенамъ Саковъ и Массагетовъ. Далѣе, это не была безпорядочная, наскоро сплоченная орда, а твердо организованная дружина, ставшая во главѣ царства, какъ въ древности въ Ассиріи, Мидіи и пр. Вождямъ этой дружины была близко знакома греческая культура.

Такъ, монеты первыхъ индоскиѳскихъ царей приближаются наиболѣе къ типу греко-бактрійскихъ, а позднѣе этотъ типъ уступаетъ мѣсто азіатскому. На монетахъ Спалириса изображается огонь на жертвенникѣ; кругомъ алтаря-огня избранныя молитвы, почему и необходимо считать царя огнепоклонникомъ или, по крайней мѣрѣ, культъ огня наиболѣе принятою эмблемою религіи. Самыя любопытныя данныя монетъ заключаются въ изображеніи животныхъ: слона, горбатаго быка, что свидѣтельствуетъ о завоеваніи Индіи.

Въ I вѣкѣ по Р. Х. династія индоскиѳскихъ царей мѣняется: повидимому, послѣдующіе цари были буддистами, и одинъ изъ нихъ — Канишка († 48) особенно ревностнымъ. Въ тоже время завоеватели, видимо, тѣсно слились съ мѣстнымъ

населеніемъ сѣверной Индіи. Когда Индоскиѳское царство прекратило свое существованіе, въ I—II столѣтіяхъ по Р. Х., или уже въ VI вѣкѣ, не знаемъ, но въ населеніи сѣверозападной Индіи не безъ основанія видятъ потомковъ скиѳскихъ завоевателей.

Эти близкія отношенія Средней Азіи и ея племенъ къ Индіи многое объясняютъ въ художественной преемственности, которую замѣчаемъ между скиѳскими звѣриными оригиналами и развитою отъ нихъ индусскою орнаментикою. Сама по себѣ Средняя Азія была лишь рядомъ оазисовъ, ничѣмъ между собою не связанныхъ. Эти оазисы были населены осѣдлымъ и кореннымъ арійскимъ племенемъ; окружавшія ихъ и постоянно вторгавшіяся полуосѣдлыя племена продвигаясь далѣе черезъ Среднюю Азію, здѣсь культивировались или, скорѣе, усвоивали себѣ наиболѣе сильный и устойчивый «скиѳскій» типъ.

Этотъ типъ сталъ для одного времени — первыхъ трехъ столѣтій по Р. Х., или до времени выступленія Гунновъ на историческое поприще — господствующимъ на пространствѣ отъ западной Сибири до Персидскаго залива и Индіи.

18. Золотая монета царя Базодео. На лиц. ст. изображеніе царя; передъ жертвенникомъ; на об.— изображеніе индусскаго божества Окро со священнымъ быкомъ — Зебу.

По словамъ Страбона, племена, живущія на сѣверъ отъ Яксарта, «всѣ скиѳскія, потому что похожи одно на другое».

Это сходство всѣхъ «скиѳскихъ» племенъ, указанное древнимъ авторомъ, какъ бы ни было оно также общимъ мѣстомъ, здѣсь въ значительной степени поясняетъ намъ, съ одной стороны, отсутствіе у древняго писателя болѣе точныхъ свѣдѣній и характеристикъ, съ другой — значеніе разсматриваемой эпохи въ жизни варваровъ Азіи.

Это — періодъ господства надъ Азіей Парѳянъ, стоявшихъ, повидимому, въ близкихъ, даже родственныхъ отношеніяхъ къ среднеазіатскимъ кочевникамъ. Сходство ихъ со Скиѳами замѣтно и на изображеніяхъ Парѳянскихъ царей на монетахъ: головы ихъ покрыты башлыками или митрою, украшенной рядами круглыхъ камней или жемчуга со звѣздою по срединѣ. Завоевавъ страны съ процвѣтавшей тамъ персидской и греческой культурой, Парѳяне не могли не подчиниться сильному вліянію обѣихъ: вліяніе первой видно въ персидскихъ именахъ, въ царскихъ костюмахъ; второй — въ греческихъ легендахъ монетъ, самомъ типѣ ихъ и даже званіи «филеллинъ», которое постоянно встрѣчается въ греческихъ надписяхъ парѳянскихъ царей. Памятниковъ искусства Парѳянъ сохранилось мало. Наиболѣе оригинальны глиняные, поливные гробы, украшенные рядами грубыхъ человѣческихъ изображеній, приписываемые Парѳянамъ и найденные Лофтусомъ въ Варкѣ въ Месопотаміи. Найденныя тамъ-же терракотты относятся къ обычнымъ греко-азіатскимъ типамъ. Чешуйчатые желѣзные панцыри Пароянъ были, видимо, ассирійскаго происхожденія; интересно упоминаніе о «шлемахъ изъ блестящаго Маргіанскаго желѣза» — вѣроятно вороненой стали, которою и досelѣ славится Хорасанъ. Подобные шишаки изображены въ керченскихъ катакомбахъ (см. вып. II, стр. 67, 68), а синяя окраска ихъ указываетъ на это «блестящее маргіанское желѣзо». Могилы парѳянскихъ царей находились, по словамъ Исидора Харакен-

скаго (Mans. Parth. 12) близъ Нисеи, нынѣшняго Нишапура, но въ позднѣйшее время цари хоронились, кажется, въ Арбелахъ (Діонъ Кас. LXXVIII, 1).

Едва-ли можно будетъ найти гробницы эти неразграбленными, такъ какъ арабы разыскивали и разрывали даже бѣдныя могилы Варка, ради находимыхъ въ нихъ золотыхъ вещей. Между ними интересны пластинки золота, покрывавшія иногда лицо покойниковъ; въ Месопотаміи-же найдены были и настоящія золотыя маски, относимыя ко временамъ Пароянъ и представляющія любопытную аналогію съ золотыми масками въ позднихъ варварскихъ могилахъ южной Россіи (см. вып. I, стр. 66—68). Арабы, разрывавшіе могилы, разсказывали Лофтусу о какихъ-то большихъ золотыхъ остроконечныхъ уборахъ. Если то были шлемы, то ихъ можно сравнивать съ одной босфорской золотой шапкой (вып. I, стр. 46). При недостаткѣ матеріала, мы должны представлять себѣ пышность двора пароянскихъ царей по разсказамъ классическихъ писателей о сокровищахъ, которыя несли при тріумфахъ римскихъ полководцевъ, побѣждавшихъ, правда весьма рѣдко, Пароянъ.

19. Золотая бляха изъ Аму-Дарьинскаго клада.

Есть слѣдующее описаніе царскаго дворца у Филострата (II—III в. по Р. Х.) временъ Пароянскаго владычества: «Крыша дворца была покрыта мѣдью и ярко блестѣла. Во дворцѣ были комнаты для женщинъ и для мужчинъ и портики, блистающіе серебромъ, и пологами шитыми золотомъ, и листами чистаго золота, вложенными въ стѣны подобно картинамъ. Сюжеты вышивокъ были взяты изъ греческой миоологіи и исторіи греко-персидскихъ войнъ... Одна комната для мужчинъ имѣла купольный потолокъ, сдѣланный на подобіе неба, цѣликомъ сложенный изъ синихъ изразцовъ, которые цвѣтомъ и блескомъ похожи на небо. Золотыя изображенія боговъ, на сводѣ казались подобіями звѣздъ на тверди. Въ этой комнатѣ царь отправляетъ свое правосудіе. Четыре золотыхъ магическихъ колеса висятъ съ потолка и грозятъ царю божескимъ мщеніемъ, если онъ возгордится выше мѣры. Колеса эти зовутся «гласомъ боговъ» и помѣщены на ихъ мѣста магами, посѣщающими дворецъ» (Vita Apoll. Tyan. I, 25). Стало быть, дворцы Пароянъ украшались по персидскимъ и греческимъ образцамъ.

Парояне или, вѣрнѣе, покоренныя Пароянами племена вели оживленную торговлю съ Римомъ. Предметами вывоза были, главнымъ образомъ, ткани и пряности. Но ткани производились въ Вавилонѣ, гдѣ эта отрасль промышленности процвѣтала издревле, а потому кажется, что сами Пароянe не играли особой роли ни въ торговлѣ, ни тѣмъ болѣе въ промышленности и искусствѣ. Поэтому, едва-ли можно искать среди многочисленныхъ вещей Аму-дарьинскаго клада

вещей пароянскихъ, хотя по времени кладъ этотъ и относится къ періоду пароянскаго господства въ Азіи: бактрійскія монеты съ одной стороны, вещи, подобныя золотымъ сибирскимъ съ другой, наконецъ издѣлія съ чертами персидскаго стиля — даютъ право разсматривать кладъ этотъ, какъ собраніе пред-

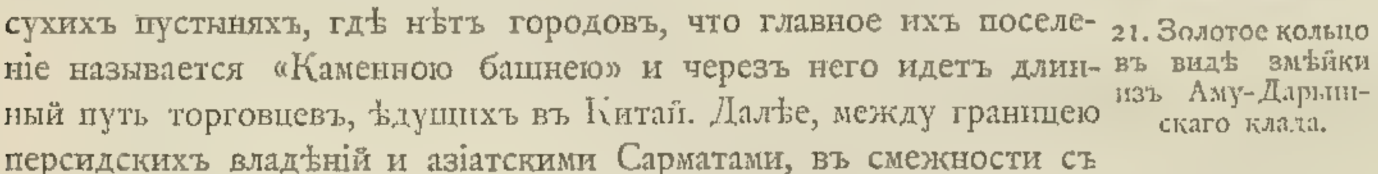

20. Золотая рыба изъ Аму-Дарьинскаго клада.

метовъ, носящихъ отчасти характеръ греческаго стиля, отчасти работанныхъ заяксартскими варварами, со временъ Геродота привыкшими къ золотымъ уборамъ, и затѣмъ вещей, пришедшихъ изъ древней Персіи. Эти три художественныхъ источника дѣйствительно сливались въ Бактріанѣ — мѣстѣ находки клада; ближайшіе же сосѣди ея, Пароянe, не оставили, повидимому, никакого культурнаго вліянія, будучи заняты лишь покореніемъ культурныхъ странъ Азіи.

Около 226 г. по Р. Х. пароянское царство было низвергнуто Персами, и предводитель ихъ Ардеширъ положилъ основаніе могущественному царству Сасанидской династіи. Средняя Азія утратила свое господствующее политическое положеніе, войдя въ составъ царства.

Позже восточныя окраины Средней Азіи, занятыя Гуннами и связанныя съ Китаемъ, начинаютъ играть важную роль. Къ концу IV столѣтія относится сочиненіе Амміана Марцеллина, описывающаго, въ свою очередь, Среднюю Азію, но онъ не отмѣчаетъ въ ней особыхъ перемѣнъ. Нѣсколько опредѣленнѣе говоритъ этотъ писатель о варварахъ: онъ знаетъ, что Саки живутъ въ сухихъ пустыняхъ, гдѣ нѣтъ городовъ, что главное ихъ поселеніе называется «Каменною башнею» и черезъ него идетъ длинный путь торговцевъ, ѣдущихъ въ Китай. Далѣе, между границею персидскихъ владѣній и азіатскими Сарматами, въ смежности съ землями Аланъ живутъ Скиоы. «Въ сторонѣ отъ прочихъ и сами разсѣянные по безконечной пустынѣ, Скиоы привыкли къ бѣдности и простотѣ. Разныя племена населяютъ эти страны, и перечислять ихъ лишнее дѣло» (XXIII, 6).

21. Золотое кольцо въ видѣ змѣйки изъ Аму-Дарьинскаго клада.

Таковы свѣдѣнія автора о побережьяхъ Аральскаго и Каспійскаго морей, а Сибирь онъ знаетъ только въ образѣ невѣдомой «снѣжной пустыни».

Позднѣе Прокопій выставляетъ на видъ культурность среднеазіатскаго осѣдлаго населенія, описывая племя Эфталитовъ, которыхъ, по ошибкѣ или вслѣдствіе усвоенной привычки выражаться, называли Гуннами, хотя, видимо, съ ними не было у тѣхъ ничего общаго. Мы уже видѣли обиліе разсказовъ, переходя-

щихъ въ баснословіе, о богатствѣ страны: оно составляетъ до извѣстной степени историческій фактъ, но ничѣмъ пока не засвидѣтельствовано въ древностяхъ страны, еще вполнѣ намъ неизвѣстныхъ.

Въ мартѣ 1885 года проф. Н. И. Веселовскимъ, производившимъ по порученію Императорской Археологической Коммисіи раскопки во многихъ мѣстностяхъ Туркестанскаго края, открыто было на Афросіабовомъ городищѣ, прилегающемъ къ г. Самарканду съ сѣверной стороны, въ видѣ неправильнаго четыреугольника верстъ 5 въ окружности, много замѣчательныхъ древностей, подтверждающихъ прежнія догадки о существованіи въ Средней Азіи въ глубокой древности различныхъ художественныхъ производствъ, носящихъ на себѣ вліяніе культуры греческой (со времени Александра Великаго), и персидской, преимущественно династіи Сасанидовъ.

22. Терракоттовая фигурка изъ Афросіаба.

Изъ этихъ находокъ наиболѣе обращаютъ на себя вниманія глиняныя лошадки, верблюды, головки льва́, людей (мужчинъ и женщинъ) и нѣсколько туловищъ безъ головокъ; глиняные черепки съ масками людей и животныхъ (льва и козла).

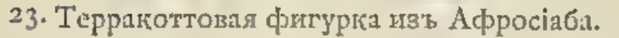
Въ теченіи 1887 — 88 гг. въ Археологическую Коммисію были доставлены около сотни терракоттовыхъ фрагментовъ и множество мелкихъ бронзовыхъ древностей изъ вещей, относящихся къ личному убору. Холмъ Афросіаба, въ которомъ сдѣланы были перечисленныя находки, представляетъ въ существѣ дѣла гору мусора. Главная масса предметовъ, въ этомъ холмѣ находимыхъ, относится къ разряду простыхъ и грубыхъ черепковъ, которые вмѣстѣ съ кухонными отбросами и углемъ печей составляютъ слой древне-греческихъ поселеній. Эта масса черепковъ Афросіаба ясно относится къ двумъ эпохамъ: греко-восточной культуры послѣ временъ Александра Македонскаго и эпохѣ великаго Тамерлана.

Черепки перваго періода носятъ на себѣ обычный типъ греческой посуды, но между ними никогда не встрѣчается посуды чернаго лака, — доказательства принадлежности поселенія ко времени позже втораго столѣтія до Р. Х. Особый, чрезвычайно обильный типъ черепковъ изъ свѣтлосѣрой глины, съ орнаментомъ выдавленнымъ вглубь и затѣмъ обожженнымъ, относится къ сасанидскому періоду. Кромѣ предметовъ изъ глины, также велико число предметовъ личнаго мужескаго и женскаго убора, исполненныхъ почти исключительно изъ

бронзы. Большинство этихъ предметовъ относится къ типу уборовъ поздне-греческой эпохи, представленному могильниками сѣвернаго Кавказа. Къ этому основному типу примѣшиваются также предметы позднѣйшаго времени, и по орнаментацiи нѣкоторыхъ, какъ напр. бляхъ отъ наборныхъ ременныхъ поясовъ, легко различить ихъ отношенiе къ сасанидскому или мусульманскому перiоду.

23. Терракоттовая фигурка изъ Афросiаба.

24. Фигурка плакальщицы изъ Афросiаба.

Наиболѣе важный разрядъ предметовъ, извлекаемыхъ изъ городища Афросiаба, относится къ виду греческихъ погребальныхъ терракоттъ и пепловыхъ урнъ. Является своего рода любопытной загадкой, какъ произошло это образованiе мусора Афросiаба изъ подобнаго рода предметовъ?

Большинство терракоттъ представляетъ собою головки статуэтокъ; рѣже имѣемъ цѣлыя статуэтки, или торсы, еще рѣже головки животныхъ и цѣлыя ихъ фигурки; иногда головка оказывается приставленною къ крайне грубому, совершенно примитивно вылѣпленному торсу, какъ показываетъ рис. 22. Сама эта головка носитъ на себѣ всѣ черты поздне-греческаго искусства: здѣсь волосы обработаны совершенно скульптурно, представлены обстриженными въ кружокъ и указываютъ на моды, господствовавшiя въ Малой Азiи и Сирiи во времена Селевкидовъ. Лицо съ его продолговатымъ оваломъ, широкимъ и умѣреннымъ лбомъ, большими, глубоко посаженными глазами, тонкимъ греческимъ носомъ безъ переносицы, маленькимъ ртомъ, но съ сочными губами указываетъ на идеалъ аттическаго типа. Взглядъ на небо, мечтательно напряженный, нерѣдко страдальческая улыбка на этомъ лицѣ обнаруживаетъ характеръ малоазiйскихъ школъ гре-

ческаго искусства III и II-го вѣка до Р. Х. Такія головки могли бы быть посажены на изящно драпированный корпусъ эфеба или гимнаста. Очевидно, что холмъ Афросіаба съ его вѣковымъ мусоромъ скрылъ въ себѣ или нѣсколько древнихъ горшечныхъ мастерскихъ, или же остатки колоссальнаго греко-азіатскаго некрополя, быть можетъ, даже находившагося нѣкогда въ нѣдрахъ этого холма, согласно съ обычаемъ, сложившимся еще въ равнинахъ Месопотаміи. Почему именно головки статуэтокъ составляютъ наиболѣе обильные остатки между терракоттами,— вопросъ, который приходилось археологамъ постоянно задавать себѣ на почвѣ Италіи, Греціи и древняго Востока и который постоянно оставляетъ по себѣ нѣчто загадочное. Ясно, однако же, что торсъ нашей статуэтки является посильною работою новѣйшаго времени. Юное населеніе Самарканда издавна копается въ этомъ мусорѣ, выбираетъ лучшіе куски, оттачиваетъ черепки, дѣлаетъ новые прилѣпы и вообще эксплуатируетъ, какъ умѣетъ, древнее кладбище.

25. Терракоттовая головка изъ Афросіаба.

Къ тому-же древнѣйшему греческому типу терракоттъ относится серія статуэтокъ болѣе слабыхъ по формѣ, но болѣе интересныхъ по содержанію. Мы встрѣчаемъ между ними, во-первыхъ, цѣлый рядъ терракоттъ спеціально погребальнаго назначенія: флейтщиковъ, флейтщицъ и плакальщицъ; затѣмъ идутъ болѣе грубо, но вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе живо исполненныя фигуры того-же содержанія: женщина царапаетъ себѣ ногтями лицо, рветъ волосы. Сюда же относятся и такъ называемыя гротески, въ которыхъ одна часть представляетъ собою дѣйствительно пугало съ львиной головой, съ безобразной маской, или прямо театральной харею. Или же подъ видомъ гротесковъ мы имѣемъ грубо сдѣланныя дѣтскія игрушки и необыкновенныя по мастерству, хотя крайне небрежно, наскоро и легко исполненныя изъ желто-сѣрой глины фигурки животныхъ. Между ними

26. Терракоттовый фрагментъ изъ Афросіаба.

по преимуществу головки верблюдовъ, замѣчательно натуралистически выполненныхъ (рис. 32).

Вторая эпоха представляетъ намъ паденіе греческой культуры и помѣсь греческихъ типовъ съ азіатскими. Большинство фигурокъ, правда, изображаетъ по прежнему или богиню съ цвѣткомъ и яблокомъ, или мужское божество съ палицею въ лѣвой рукѣ (эмблема Бахуса и Персіи); но это мужское божество имѣетъ на головѣ или скиѳскій башлыкъ, или высокую сирійскую шляпу въ видѣ трубы, или легкій тюрбанъ; голова, шея, грудь завѣшаны всевозможными ожерельями, побрякушками, цѣпями и цѣпочками украшены громадными серьгами, вѣнцами и кокошниками съ крупными камнями. Самый типъ измѣняется въ пользу позднѣйшаго персидскаго стиля, становится одутловатымъ (фиг. 23), или представляетъ разнообразныя черты мѣстныхъ варваровъ. Особо характерной примѣсью является въ этомъ случаѣ формы стиля, господствовавшаго въ Индіи, около эпохи Р. Х.

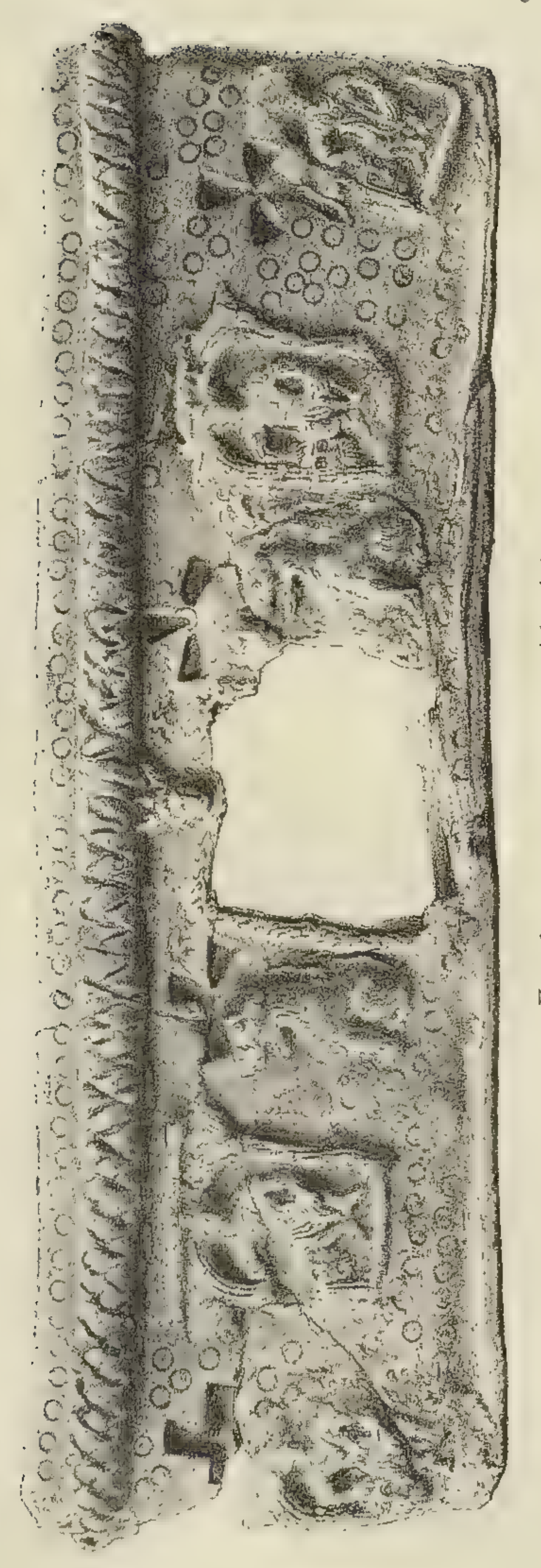
27. Терракоттовая фигурка изъ Афросіаба.

Вновь мѣняется стиль и ясно усваиваетъ себѣ всѣ черты персидскаго искусства, сасанидской эпохи; большинство предметовъ этого стиля составляютъ черепки пепловыхъ урнъ. Эти пепловыя урны бываютъ овальныя и четыреугольныя, и въ формѣ палатки или юрты, покрыты грубо выдавленнымъ на нихъ орнаментомъ, иногда въ формѣ крестовъ, которые, однако, совсѣмъ не имѣютъ христіанскаго значенія, а вырѣзаны въ стѣнкахъ урнъ единственно для предохраненія отъ разрыва во время обжиганія. Образецъ подобной урны (лишенной крышки) представленъ на рис. 29. Стѣнки покрыты грубой орнаментикой; кресты, исполненные клиньями, не имѣютъ христіанскаго значенія; по срединѣ дверь, уподобляющая урну вѣчному жилищу; по сторонамъ двери однимъ и тѣмъ-же шаблономъ выдавлены два льва; на верху голова съ тремя пучками перьевъ въ коронѣ; средній пучекъ имѣетъ видъ круглаго шелковаго шарика, который находимъ на головахъ персидскихъ царей. Мы имѣемъ здѣсь, очевидно, воспоминаніе головы Гермеса Психопомпа. Слѣва и справа въ аркѣ — изображеніе сидящаго персидскаго царя, который держитъ въ правой рукѣ отрубленную голову варвара. Это изображеніе повторено четыре раза. Костюмъ персидскаго монарха указываетъ на первые времена существованія сасанидской династіи: одинъ обломокъ представляетъ намъ монарха въ казакинѣ, намъ извѣстномъ по барельефамъ Индіи и самый типъ царя — индусскій, что, быть можетъ, указываетъ на связи Самарканда съ индо-скиѳской монархіей.

28. Терракоттовая фигурка изъ Афросіаба.

Не смотря на все разнообразіе указанныхъ типовъ, эпоха существованія Са-

29. Погребальная глиняная урна изъ Афросіаба.

маркандскаго городища или некрополя, сохраненнаго до насъ въ холмѣ Афросіаба, не была особенно продолжительна и ея крайніе предѣлы могутъ быть положены между II столѣтіемъ до Р. Х. и III столѣтіемъ послѣ Р. Х. Всего, однако, вѣроятнѣе, что эта эпоха ограничивается однимъ, много двумя столѣтіями. Средоточіемъ этой эпохи, или, вѣрнѣе, ея важнѣйшимъ художественнымъ типомъ должно считать натуралистическія фигурки животныхъ, которыхъ основнымъ источникомъ было возродившееся восточное искусство.

Во многихъ мѣстностяхъ Средней Азіи указаны нынѣ и монументальные памятники древнѣйшей эпохи, сохранившіеся въ развалинахъ. Недостаетъ лишь научныхъ раскопокъ, чтобы различнымъ свидѣтельствамъ древнихъ о культурной высотѣ этихъ странъ дать реальную почву.

Разслѣдованія одного англичанина въ пещерномъ городѣ близь Пекус-дека, въ мѣстѣ, называемомъ Руфтуматъ, и возлѣ Тахты-базара, открыли въ одной изъ пещеръ золотыя вещи и много монетъ, между прочимъ Антимаха, Эрмія и Эвкратида. При разысканіяхъ и теперь попадаются иногда среди мусульманскихъ вещей бронзовыя статуэтки, подобныя сѣверно-кавказскимъ и тѣмъ, которыя найдены были солдатами при копаніи могилъ для убитыхъ подъ стѣнами Карса и находятся нынѣ въ Тифлисскомъ музеѣ. Закаспійская область, по словамъ А. В. Комарова, сплошь покрыта курганами. Особенно замѣчательные изъ нихъ по величинѣ находятся въ степяхъ противъ горныхъ ущелій. Кур-

ганъ близь Анпау, разслѣдованный Комаровымъ, имѣлъ видъ удлиненнаго креста и имѣлъ 2.400 саж. въ окружности и 8 саж. высоты. Весь онъ состоялъ изъ остатковъ сожженныхъ тѣлъ, частью просто положенныхъ въ землю, частью сложенныхъ въ горшкахъ изъ мешхедскаго камня. Въ другомъ курганѣ оказался кирпичный выштукатуренный склепъ съ галлереею, также содержавшій въ себѣ костяки. Въ курганѣ близь Ялатика костяки были найдены въ глиняныхъ кадкахъ въ сидячемъ положеніи; при нихъ находились глиняныя пряслицы, головныя булавки изъ кости, мѣдныя кольца, стеклянныя и коралловыя бусы и пр. При проведеніи желѣзной дороги тамъ было выкопано много различныхъ предметовъ, между прочимъ бронзовое копье, подобное кавказскимъ, бронзовый шестоперъ о семи перьяхъ, бронзовыя привѣски отъ лошадиной сбруи, золотое кольцо съ сирійскимъ гранатомъ, лампочки, булавки и пр.; на всѣхъ этихъ вещахъ находились изображенія преимущественно птицъ.

30. Головка изъ Афросіаба.

Могильные курганы во множествѣ разсѣяны по степнымъ равнинамъ Западной Сибири вплоть до верховьевъ Енисея и Абаканской степи. Монголія усѣяна курганами. Эти памятники, по преимуществу, кочевниковъ, погребавшихъ съ покойникомъ его имущество и драгоцѣнности, издревле привлекали къ себѣ кладоискателей. Иные курганы разграблены еще во времена, близкія къ самому погребенію, и людьми, знакомыми съ устройствомъ могилы. Грабители дѣйствовали тайно, по ночамъ, воровскими минами, такъ какъ кочевники чтутъ могилы предковъ: о томъ свидѣтельствуютъ угрозы Скиѳовъ Дарію. Одно кочевое племя смѣняется другимъ и это насыпаетъ новые курганы, отчасти пользуясь курганами предшественниковъ и увеличивая высоту ихъ. Иначе отнеслись къ могильнымъ памятникамъ кочевниковъ осѣдлые обитатели, занявшіе ихъ земли въ эпоху довольно позднюю, и какъ христіане, смотрѣвшіе на кочевниковъ враждебно. Расхищеніе древнихъ могилъ въ Сибири началось вскорѣ послѣ поселенія Русскихъ. Такъ, по докладу 1670 года царю Алексѣю Михайловичу, «въ 177 году (1669) въ вѣдомостяхъ изъ Тобольска показано, что около рѣки Исети и въ окружности оной Русскіе люди въ татарскихъ могилахъ или кладбищахъ выкапываютъ золотыя и серебряныя всякія вещи и посуду»... «и такія вещи около Исету и въ прочихъ мѣстахъ, гдѣ оной народъ, называемый Чюды, жилъ, въ ихъ могилахъ и нынѣ находятся». Въ другомъ актѣ по тому-же дѣлу говорится, что «русскіе люди раскапываютъ татарскія тризны и находятъ всякое серебро и золото въ судахъ (т. е. сосудахъ) и слиткахъ».

31. Головка обезьяны изъ Афросіаба.

32. Головка верблюда изъ Афросіаба.

Въ этомъ древнѣйшемъ, кажется, упоминаніи о раскопкахъ древнихъ могилъ въ Сибири любопытно, что ихъ относили то къ Татарамъ, то къ Чуди, которая, по сказаніямъ, и доселѣ живущимъ въ Сибири, при появленіи Русскихъ (когда выросла бѣлая береза), ушла въ вырытые ею подкопы и, подрубивъ подпорки, погребла себя со всѣмъ добромъ. О «чудскихъ ямахъ» говоритъ арабскій путешественикъ Ибнъ-Даста: народы около Булгаръ «на зиму поселяются въ ямахъ,

33. Алтай, долина Бухтармы.

покрывъ ихъ деревянными крышами и присыпавъ сверху землею». Чуди приписывали и вещи, находимыя на западныхъ склонахъ Урала, и слѣды рудокопныхъ и плавильныхъ работъ, открытые на Уралѣ и Алтаѣ при возникновеніи тамъ въ началѣ прошлаго вѣка горныхъ промысловъ. Той-же миѳической Чуди приписывали въ Сибири и курганы, называя ихъ чудскими буграми, и городки, какъ сообщаетъ о курганахъ по Иртышу, между Тобольскомъ и Тарой, Фалькъ, бывшій тамъ въ 1770 году. Шведскіе офицеры, взятые въ плѣнъ и поселенные въ Сибири, Миллеръ и Таббертъ (онъ-же Страленбергъ) разсказываютъ, что, по словамъ Остяковъ, нѣкоторые идолы получены ими отъ Чуди; по словамъ Миллера, писавшаго въ 1716 году, идолы эти были большею частью отлиты изъ бронзы въ видѣ гуся съ распущенными крыльями, дѣвушки съ вытянутой рукой, змѣй и т. п.; по словамъ Страленберга, идолы эти были отлиты вполнѣ искусно и нѣкоторые изъ нихъ были болѣе полулоктя высотою.

Въ ремезовской лѣтописи находится краткое описаніе идола Остяковъ, стояв-

шее въ Бѣлогорьи, на р. Оби, въ 1582 году: «ту бо у нихъ молбище болшея богыне древней: нага съ сыномъ на стулѣ сѣдящая...» Извѣстны также разсказы о какой-то «Золотой Бабѣ», которой поклонялись Вогуличи, стоявшей гдѣ-то на восточномъ склонѣ Урала и изображенной на картѣ Герберштейна. Любопытно описаніе ея въ книжкѣ «Russia seu Moscovia etc», вышедшей въ 1630 году: «Въ Обдорской области не далеко отъ устья рѣки виденъ древнѣйшій идолъ, вырубленный изъ камня, знаменитѣйшій въ этихъ областяхъ и весьма почитаемый тамошними племенами; Русскіе зовутъ его золотою бабой, такъ какъ

34. Менгиры въ Абаканской степи.

онъ имѣетъ видъ старухи, держащей на колѣняхъ младенца, а рядомъ съ нею стоитъ другой ребенокъ, котораго туземцы называютъ ея внукомъ». Разсказы о Чуди въ Сибири обычное выраженіе или риторическій оборотъ о неизвѣстныхъ предметахъ. Русскіе, при завоеваніи Сибири, имѣли дѣло съ Татарами, Остяками, Калмыками и Киргизами или Кайсаками, но ни одна лѣтопись не упоминаетъ о встрѣчѣ Русскихъ съ Чудью. Въ степяхъ западной Сибири, связанныхъ съ южною Россіей и Среднею Азіей, могли жить и Арійцы, и Монголы, и Финны между ними, но такъ какъ родство первоначальныхъ обитателей Средней Азіи и южно-русскихъ степей нынѣ не подлежитъ сомнѣнію, то древности, общія этимъ странамъ, не могутъ быть относимы къ Финнамъ.

Историческія извѣстія о Западной Сибири столь скудны, что единственными источниками нашихъ свѣдѣній являются памятники. Но большинство кургановъ уже разграблено Русскими въ началѣ прошлаго вѣка, а найденныя въ нихъ вещи пропали безслѣдно. Самая малая часть ихъ сохранена заботами Петра Великаго и составляетъ понынѣ одинъ изъ важнѣйшихъ, по своей величайшей рѣдкости, отдѣловъ Императорскаго Эрмитажа. Но ни обстоятельства находки вещей, ни

самое мѣсто находки неизвѣстны; свѣдѣнія объ этомъ затерялись еще въ прошломъ столѣтіи.

Вещи были присланы въ 1726 году, а уже въ 1742 году о нихъ могли сказать только, что онѣ происходятъ изъ могилъ и городищъ между Волгой, Камой и Обью. Только обзоръ свѣдѣній о разграбленіяхъ кургановъ по обѣ стороны Урала можетъ, отчасти, уяснить обстоятельства и указать мѣсто находки предметовъ этой единственной въ мірѣ коллекціи.

35. Камень съ изображеніемъ животныхъ, на рѣкѣ Уюгѣ, въ Монголіи близь границы Минусинскаго округа.

Въ сочиненіи Николая Витсена, «Noord-en Oost Tartarye», вышедшемъ въ 1692 году, разсказывается: «Въ 1688 году бояринъ Ѳ. А. Головинъ, воевода сибирскій и оберкригскоммисаръ, спустившись по Иртышу, прибылъ на мѣсто, называемое Самаровымъ Ямомъ. Нѣсколько выше этого мѣста огромная глыба каменистой земли упала съ выше лежащихъ горъ въ рѣку, на низовый берегъ, и разсыпалась. Вмѣстѣ съ землею упала могила или деревянный ящикъ съ костями давно умершаго человѣка, съ остатками отъ серебряныхъ запястьевъ, серебрянымъ ожерельемъ, какое носили древніе язычники, и серебрянымъ сосудомъ, который вышеупомянутый бояринъ въ 1698 году, въ бытность свою во главѣ чрезвычайнаго московскаго посольства въ нашемъ государствѣ (Голландіи — Витсенъ былъ амстердамскимъ бургомистромъ), оставилъ мнѣ на память. На днѣ этого сосуда по срединѣ видна большая нагая мужская фигура со щитомъ въ лѣвой рукѣ, а сбоку, нѣсколько позади ея, другая стоящая фигура, которая видна лишь на половину и, кажется, держитъ въ рукѣ стрѣлу или какую-то связку; вокругъ видны горы и мѣстами, поотдаль, маленькія человѣческія фигуры, одѣтыя въ пеструю одежду, да нѣсколько животныхъ, а именно олени... Сосудъ совершенно круглый, въ видѣ полушара, вѣсомъ около 25 гульденовъ серебра, величиною въ поперечникѣ въ полъ пяди... Къ сосуду придѣлано колечко очень изящной работы. Подобныхъ этому сосуду найдено было много въ этой мѣстности, въ могилахъ». Сосудъ этотъ принадлежалъ, повидимому, къ виду «сасанидскихъ» блюдъ.

«Недавно, — продолжаетъ тотъ-же авторъ, — нашли въ Сибири неподалеку отъ Верхотурья золотую фигурку въ деревянномъ ящикѣ въ большомъ холмѣ. Фигура изображаетъ птицу въ родѣ курицы или индюка съ распущенными крыльями и человѣческою головою. Другой идолъ, въ два пальца ширины, изъ чеканнаго золота, присланный мнѣ изъ Сибири, также вынутъ

изъ древней могилы, гдѣ были найдены человѣческія кости, подъ курганомъ. Онъ изображаетъ звѣря въ родѣ тигра или льва съ человѣческою головой и двумя распущенными крыльями; внутри фигура полая и ноги внизу просверлены». «Недалеко отъ Тобола встрѣчаются могилы, въ которыхъ была находима утварь изъ серебра, мѣди и желѣза. Г. Салтыковъ изъ такого, найденнаго въ могилахъ, серебра велѣлъ сдѣлать себѣ саблю...»

На нѣсколькихъ таблицахъ, приложенныхъ къ этому мѣсту сочиненія Витсена, изображенъ цѣлый рядъ древнихъ вещей, найденныхъ въ Сибири подъ землею; иныя изъ нихъ орнаментированы инкрустаціями, въ томъ-же родѣ, какъ древности Сибири въ Императорскомъ Эрмитажѣ. Особенно любопытны изображенія лежащаго оленя (рис. 36), верблюда, *золотой пластины съ фигурой кабана, обвитаго змѣею, гривны изъ четырехъ колецъ*, лежащихъ одно на другомъ, и животныхъ, встрѣчающихся на сибирскихъ древностяхъ Эрмитажа. Къ сожалѣнію, мѣсто находки не указано; посреди вещей изображены *римскія монеты Нерона и Гальбы*, которыя, если только найдены вмѣстѣ съ ними, точно опредѣляли бы дату. Ту-же эпоху указываетъ стиль предметовъ при его сопоставленіи со стилемъ древностей Кавказа, береговъ Дона, Дуная и Рейна.

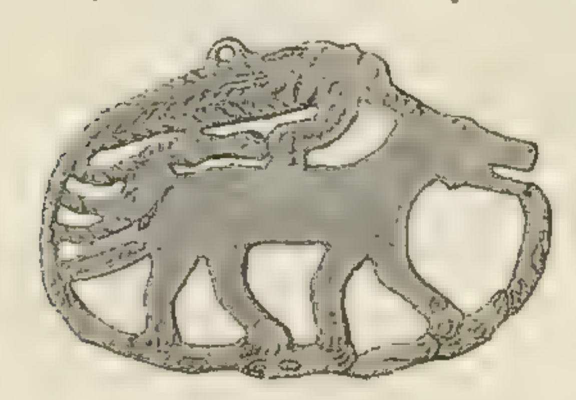

36. Изображеніе лежащаго оленя изъ золота.

Въ сочиненіи Вебера: «Das Veränderte Russland», 1721 — 1739 г., упомянуты находки вещей, въ началѣ вѣка присланныхъ въ Петербургъ. Часть находокъ сдѣлана была между Волгой и Ураломъ: «Въ Башкирской Татаріи,— говоритъ письмо, приводимое Веберомъ,— у Nova Sasmin (вѣроятно у Ново-Шешминска, Казанской губерніи Чистопольскаго уѣзда) много лѣтъ арендовалъ ломки слюды голландецъ Дортъ. При этомъ случаѣ онъ могъ изучить на большомъ протяженіи дикую страну Башкирскихъ татаръ, а также случайно нашелъ древнія могилы и въ нихъ разнаго рода драгоцѣнныя вещи, какъ напр. золотыя части конской сбруи и т. п. Это побудило голландца просить царя права раскопки такихъ могилъ... Просьба его была исполнена въ 1714 г.» Но мѣсто розысканій фанъ-Дорта опредѣлено только «въ землѣ Башкировъ вдоль Волги». Въ іюлѣ 1716 г. въ тѣхъ-же мѣстахъ проходившій караванъ открылъ случайно (будто-бы калмыкъ точилъ саблю и остріемъ ощупалъ отверстіе,— ср. разсказы казаковъ объ ихъ случайныхъ открытіяхъ) подземелье, и въ немъ много утвари. Калмыки нагрузили вещами верблюдовъ, прибыли въ деревню, гдѣ работалъ въ желѣзномъ рудникѣ Дортъ, и предложили ему купить товаръ. Но могли сторговаться лишь на парѣ золотыхъ колецъ и на чашѣ. Они показывали Дорту куски отъ золотой короны, но требованія были столь безстыдны, что голландецъ отпустилъ ихъ своею дорогой и послалъ извѣщеніе объ этомъ событіи царю. Ему приказано было выждать караванъ этотъ на его обратномъ пути и купить прочія вещи за любую цѣну, потому что болѣе не сомнѣвались, что эти антиквитеты были украшеніями, съ которыми погребались прежніе скиѳскіе цари...» Встрѣтить караванъ Дорту не удалось. Когда же онъ попытался самъ произвести раскопки близь мѣста находки, то калмыки не позволили.

*

Въ 1716 году сдѣлана была, по словамъ того-же Вебера, и другая находка, также представленная ко двору. На этотъ разъ это были будто-бы языческіе идолы въ видѣ минотавровъ, всадниковъ, молодыхъ женщинъ, также гусей, быковъ; иные изъ нихъ служили свѣтильниками. На идолахъ были неизвѣстныя буквы, сходныя съ письменами персидскими и монгольскими. Находка эта сдѣлана по распоряженію губернатора, кн. Гагарина, гдѣ-то будто-бы близь Самарканда — что явная ошибка. О ней говоритъ Веберъ въ I-мъ томѣ своего труда. Два другихъ свидѣтельства относятъ ее къ 1721 году, а мѣсто указываютъ между Волгой и Ураломъ. Первое по времени послѣ Вебера описаніе этой находки имѣется въ книгѣ «Leben Petri des ersten und grossen», изданной въ 1725 г.

37. Бронзовая пластинка, найденная въ Минусинскомъ округѣ.

Разсказавъ о находкѣ русскими математиками, т. е. топографами, гдѣ-то въ 150 часахъ пути отъ Каспійскаго моря храма съ монгольскими рукописями, авторъ продолжаетъ: «эти рѣдкости были пріумножены еще другими достопримѣчательностями, такъ какъ крестьяне, жившіе около того мѣста, продали математикамъ разныя статуи изъ металла, которыя они находили въ лѣсахъ и въ могилахъ Калмыковъ. Царь велѣлъ доставить эти древности въ свой кабинетъ. Среди нихъ находится римская лампа рядомъ съ конной статуей римскаго вождя съ плющевымъ вѣнкомъ на головѣ, также два другихъ изображенія всадниковъ». Предметы были изданы Монфокономъ (въ сочиненіи: «Antiquité expliquée et représentée en figures. Supplément. tome V, pl. LXIX — LXXIII, 1724 г.), съ сообщеніемъ библіотекаря Шумахера, что въ странѣ Калмыковъ продолжаютъ находить въ могилахъ всякаго рода инструменты и украшенія, служившіе, какъ для культа, такъ и для обихода, а именно топоры, ножи, вазы всякаго рода, урны, погребальныя лампы, серьги, перстни, пуговицы, фигуры людей и животныхъ изъ бронзы, золота и серебра. Двѣ конныхъ фигуры, служившія лампами, повидимому, позднеримской эпохи.

Любопытное свидѣтельство находимъ въ записяхъ Далматовскаго Успенскаго монастыря (Пермской губерніи Шадринскаго уѣзда), что по распоряженію кн. Гагарина въ 1712 году шадринскій воевода, кн. Мещерскій, послалъ во владѣнія монастыря, «какъ знатоковъ, отставнаго драгуна Михаила Слободчикова и крестьянина Макара Лобова съ товарищами для пріиску при вспоможеніи бобылей монастырскихъ золота, серебра, мѣди и иныхъ вещей въ нѣдрахъ насыпей для казны государевой...»

Во время пребыванія плѣнныхъ Шведовъ въ Сибири они ходили партіями раскапывать могилы и Русскіе дѣлали тоже по ихъ примѣру, но Калмыки, смотря на это святотатство, убивали грабителей, боясь, что обезпокоенныя души умершихъ будутъ принуждены оставить свои гробницы. По словамъ Страленберга, Русскіе отказывали калмыцкимъ посламъ въ разрѣшеніи посѣтить могилы ихъ предковъ, опасаясь, что разореніе ихъ вызоветъ вражду.

Вотъ разговоръ о курганахъ, бывшій 17 ноября 1723 года у капитана отъ артиллеріи Ивана Унковскаго, посланнаго къ калмыцкому контайшѣ Цеванъ-Рабтану, и переданный капитаномъ въ дневникѣ: «Ѣдучи по пути степью (по среднему теченію Иртыша), видѣли множество разрытыхъ бугровъ, а паки землею не забросаны, и тако иные, яко погребы раскрытые, по всей степи видны. О семъ спрашивалъ у меня контайшинъ посланецъ Даржа: для чего оные бугры разрыты? На сіе сказано, что я про то не знаю,— не знаетъ-ли онъ? Оный сказалъ: я-де слышалъ будто тутъ сыскиваютъ золотыя стремена и чашки и прочее. Спрошено у него: кто сыскиваетъ? Онъ сказалъ: сказываютъ, что русскіе. Спрошено у него: какіе люди тутъ погребены были? Оной сказалъ, будто ихъ народу. На сіе сказано ему, что по ихъ вѣрѣ умершихъ людей жгутъ и въ воду бросаютъ, собакамъ и птицамъ на кормъ отдаютъ, а съ золотомъ и ни съ какимъ богатствомъ не погребаютъ. Оной сказалъ, что то правда, однако-жъ оные наши-де были. На сіе сказано ему: у насъ погребаются люди съ богатствомъ, а паче что въ древнія времена еще до христіанскаго закона, лѣтъ за семьсотъ погребалися со всѣмъ военнымъ уборствомъ, и насыпали на нихъ великіе бугры земли, а можетъ быть, что въ древнія времена нѣкоторые изъ нашихъ народовъ въ сихъ мѣстахъ жили и съ богатствомъ погребалися, а нынѣ можетъ быть, что разрываютъ оные бугры изъ вашего народу или Остяки, или пріѣзжая (изъ) Казачей орды, и сыскиваютъ золотыя стремена и чашки; а у насъ указъ Императорскаго Величества повелѣваетъ такихъ гробокопателей смертію казнить, ежели пойманы будутъ. И тако оной Даржа сумнился, что я упомянулъ, что, можетъ быть, изъ древнихъ лѣтъ тутъ Русскіе народы жили, и сказалъ, что— у насъ-де только сто лѣтъ какъ грамота началась, того ради обстоятельно не знаю. И тако пресѣклись разговоры, и больше о томъ никогда не спрашивалъ».

По словамъ Белля, проѣхавшаго Сибирь въ 1720 г., много народу ходитъ каждое лѣто изъ Томска и другихъ мѣстъ на равнину за 9 — 10 дней пути, къ могиламъ, раскапываютъ ихъ и находятъ много золота, серебра, бронзы и драгоцѣнныхъ камней, мечи и оружіе, уборы сѣделъ и уздечекъ. Белль помнитъ среди этихъ вещей всадника, отлитаго изъ бронзы не дурнаго рисунка и работы, фигуры оленей, литыя изъ чистаго золота, которыя какъ-бы назначались для украшенія колчана или конскихъ уборовъ.

Плѣнный шведъ Таббертъ, издавшій въ 1730 году подъ своею новою фамиліей Страленберга книгу: «*Nord und östliche Theil von Europa und Asia*» *etc. etc.*, говоритъ, что «почти за 20 — 30 лѣтъ (въ самомъ началѣ XVIII вѣка) стало извѣстно русскому правительству, что коменданты въ городахъ Тарѣ, Томскѣ, Красноярскѣ, Исетскѣ и во многихъ другихъ позволяли караванамъ жителей выходить для разысканія могилъ, а они должны были отдавать коменданту извѣстную часть золота, серебра, мѣди, камней и т. п. Эти караваны, когда находили что либо, разрубали прекрасные рѣдкіе антиквитеты, дабы каждому получить свою часть по вѣсу.

Докторъ Мессершмидтъ, посланный Петромъ Великимъ въ Сибирь для собиранія всякаго рода коллекцій, въ томъ числѣ и древностей, разсказываетъ въ своемъ дневникѣ отъ марта 1721 года, что раскопки составляли обычный про-

мыселъ Ишимцевъ — русскихъ, живущихъ по Ишиму и по верхнему теченію Оби, и совершались въ его время большими вооруженными партіями. Когда случайно встрѣтятъ конскую могилу, то нерѣдко золота :: серебра наберутъ фунтовъ по 5, 6 и 7. Жители иныхъ мѣстъ и звались бугровщиками — кургано-искателями. Свои находки они сдавали, согласно указу, въ приказы, но много раздаривали воеводамъ. По словамъ Мессершмидта, у воеводы Зубова могильнаго золота, пущеннаго въ сплавъ, оказалось на нѣсколько тысячъ рублей.

Однако, въ 1726 году Бергъ- и Мануфактуръ-Коллегія могла передать въ кунсткамеру до 250 предметовъ, вѣсившихъ 74 фунта. Были и особыя экспедиціи, снаряжавшіяся правительствомъ для раскопки кургановъ. Объ одной изъ нихъ сохранился краткій отчетъ, сообщенный, вмѣстѣ съ рисунками, въ 1767 г. Павломъ Демидовымъ Лондонскому обществу Антикваріевъ; рисунки, помѣщенные во II-мъ томѣ органа этого общества «Archaeologia», заимствованы изъ рукописной «Книги сибирскихъ горныхъ заводовъ». «Русскіе,— по словамъ письма,— устраивая дорогу въ Китай, встрѣтили на 50-мъ градусѣ сѣверной широты, между рѣками Иртышемъ и Обью, степь весьма значительнаго протяженія, усѣянную во многихъ мѣстахъ курганами... Русскій дворъ, увѣдомленный объ ихъ разграбленіи, велѣлъ послать особаго офицера съ командой раскапывать такіе изъ этихъ кургановъ, которые были слишкомъ велики для грабительскихъ партій и сохранили ихъ содержаніе. Офицеръ отряда, осмотрѣвъ безчисленные погребальные памятники, разсѣянные по степи, заключилъ, что одинъ курганъ наибольшихъ размѣровъ долженъ содержать останки князя или вождя. И дѣйствительно, въ этомъ курганѣ открыли три склепа, грубо сложенные изъ камней: средній склепъ былъ самымъ большимъ и прахъ князя узнанъ по мечу, копью, луку, колчану и стрѣламъ. Въ другомъ склепѣ въ ногахъ былъ положенъ конь съ уздою, сѣдломъ и стременами. Тѣло князя лежало въ наклонномъ положеніи, на подстилкѣ, крытой листовымъ золотомъ, было покрыто само листомъ золота и обернуто въ богатую мантію, отдѣланную по каймамъ золотомъ, рубинами и изумрудами; голова, шея и руки обнажены и не имѣли украшеній. Въ меньшемъ склепѣ былъ женскій остовъ, также въ наклонномъ положеніи, съ золотою цѣпью, усѣянной рубинами, вокругъ шеи и золотыми браслетами. Голова, грудь и руки были обнажены, тѣло подъ богатымъ покрываломъ лежало на листѣ золота и другимъ листомъ было покрыто. Всѣ четыре листа золота вѣсили сорокъ фунтовъ. Пелены при открытіи казались цѣлыми и великолѣпными, но при прикосновеніи разсыпались въ прахъ...»

Далѣе, въ другихъ курганахъ указана находка предметовъ изъ бѣлаго сплава, очевидно того сплава мѣди, олова и цинка, который и доселѣ въ общемъ употребленіи въ Средней Азіи и встрѣчается въ древностяхъ Кавказа и береговъ Дона и Дуная.

На приложенномъ къ статьѣ дурномъ снимкѣ цѣпь отъ женскаго остова имѣетъ видъ тройной гривны того-же типа, что гривна сибирской коллекціи Эрмитажа.

Между снимками находимъ замѣчательный предметъ въ видѣ стола-треножника изъ бронзы, по ободу котораго помѣщены въ рядъ фигурки львовъ, верблюдовъ и иныхъ звѣрей.

Къ сожалѣнію, и въ этомъ единственномъ отчетѣ нѣтъ точнаго указанія мѣста: 50-й градусъ сѣверной широты указываетъ степи у сѣвернаго подножія Алтая. О прежнихъ археологическихъ богатствахъ этихъ степей говоритъ Фр. Г. Миллеръ. Ему самому удалось купить здѣсь вещи изъ золота, между ними фигуру всадника, чисто выдѣланную. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія Сиверсъ разрылъ два кургана на верховьяхъ Иртыша: въ первомъ, въ могилѣ изъ гранитныхъ плитъ, найдены были скелеты лошади и человѣка; между костями лошади весьма искусно сдѣланныя пряжки, разныя оковки отъ конской сбруи; при человѣкѣ — желѣзный, обоюдо-острый мечъ, желѣзныя стрѣлы, на груди много золотыхъ пластинокъ, на правой рукѣ два золотыхъ кольца. Изъ втораго кургана добыли котелъ, такъ называемый «скиѳскій», и мѣдный бердышъ. Въ 1865 году въ тѣхъ-же степяхъ производилъ изслѣдованія академикъ В. В. Радловъ. Большинство кургановъ оказались уже разграбленными, но находки въ двухъ большихъ курганахъ на р. Катандѣ и р. Берели представляли рядъ вещей замѣчательныхъ своимъ сходствомъ съ предметами сибирскаго собранія Императорскаго Эрмитажа. Можно думать, что часть эрмитажной коллекціи найдена именно въ при-алтайскихъ степяхъ. Впрочемъ, типы эти могли быть широко распространены по всему пространству степей, лежащихъ къ сѣверу и западу отъ Алтая, «золотой горы», откуда шло золото на эти драгоцѣнныя подѣлки.

Путешествіе по Сибири знаменитаго Миллера длилось цѣлыхъ десять лѣтъ (1733 — 1743). Ему поручено было Академіей собирать древности; онъ пріобрѣталъ ихъ покупкою, и самъ разрывалъ курганы. Но могильныя сокровища были уже расхищены, по словамъ его статьи въ «Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ 1764 г.». «Никто больше на могильный промыселъ не ходилъ, потому что всѣ могилы, въ коихъ сокровища найти надежды имѣли, были уже разрыты».

Раскопки Миллера въ верхней странѣ рѣки Енисея, вмѣсто золотыхъ и серебряныхъ украшеній и сосудовъ, открыли массу предметовъ изъ бронзы, особенно оружія; такія-же древности удалось ему пріобрѣсти покупкою. Самыя богатыя могилы найдены при Волгѣ, Тоболѣ, Иртышѣ и до р. Оби; посредственныя — въ степяхъ р. Енисея, а самыя бѣдныя — по ту сторону озера Байкала. Вещи, привезенныя Миллеромъ, переданы были имъ въ кунсткамеру, и послѣ пожара 1747 года это первое ея пріобрѣтеніе состояло изъ золотыхъ, серебряныхъ и мѣдныхъ могильныхъ сибирскихъ древностей. Къ этому собранію принадлежала фигурка всадника (рис. 49). При пожарѣ погибли и мѣдныя доски, награвированныя для предполагавшагося академическаго изданія сибирскихъ древностей — «Monumenta Sibiriae».

О древностяхъ Сибири говорятъ и другіе ученые путешественники прошлаго вѣка: Фалькъ, Георги, Гмелинъ, Палласъ и Рычковъ, наиболѣе Гмелинъ и Палласъ. Гмелинъ даетъ перечисленіе вещей, находимыхъ въ могилахъ Енисейскаго округа, раздѣляя могилы эти по типамъ. Въ такъ называемыхъ «маякахъ», — четыреугольныхъ насыпяхъ, обставленныхъ высокими камнями, находятъ сосуды серебряные и глиняные, иногда куски фарфора, золотыя и серебряныя вещи, пояса съ золотыми бляхами, желѣзныя удила и стремена, иногда покрытыя листовымъ серебромъ; кости по сторонамъ могилы перемѣшаны съ золотыми бля-

хами; около могилы подъ камнемъ нашли разъ мѣдныя бляхи съ изображеніемъ крылатаго медвѣдя. Въ «сланцахъ», т. е. плоскихъ могилахъ, встрѣчали большое количество золота и серебра. Въ «творильныхъ» могилахъ, обставленныхъ плитами и названныхъ такъ по сходству съ творильными ямами для извести, золота не находили, а преимущественно мѣдныя вещи. Въ высокихъ курганахъ въ деревянномъ срубѣ серебра не находили, но встрѣчались листочки золота и литыя мѣдныя животныя, бронзовые ножи.

Палласъ подробнѣе говоритъ о курганахъ и устройствѣ срубовъ: каждый остовъ помѣщался въ особомъ ящикѣ, въ ногахъ лежала мѣдная утварь, посуда глиняная и мѣдная, на остовахъ находили куски шелковой златотканной матеріи, различныхъ мѣховъ, литыя мѣдныя пирамидки и куски заостреннаго на одномъ концѣ молота, украшенные иногда изображеніями горныхъ козловъ-аргаловъ, и золотыя пластинки отъ уборовъ. Вмѣстѣ съ трупомъ бываютъ жженыя кости, перемѣшанныя съ золотыми пластинками и бляшками. «Въ нѣкоторыхъ могилахъ,— говоритъ Палласъ,— находятъ вещи, значеніе которыхъ разгадать труднѣе. Старый могильщикъ утверждалъ, что ему два раза попадались въ могилахъ человѣческія головы въ натуральную величину, пустыя внутри, изъ фарфорообразной массы и раскрашенныя красными и зелеными листьями. Другой курганщикъ находилъ сдѣланныя изъ древесной коры фигурки утокъ, покрытыя золотыми листочками. Другіе встрѣчали изображенія каменнаго барана, стоящаго на металлическомъ кружкѣ, и полусферическія пуговки въ видѣ колокольчика съ изображеніями дикихъ козловъ. Желѣзныя вещи встрѣчаются чрезвычайно рѣдко».

38. Бронзовый колокольчикъ изъ Томской губ.

Любопытно, что всѣ четыре рода предметовъ, удивившихъ Палласа, съ полною вѣроятностью могутъ быть указаны среди извѣстныхъ нынѣ сибирскихъ древностей. Росписныя головы ничто иное, какъ гипсовыя маски, подобныя найденнымъ въ курганѣ на Тагарскомъ островѣ близь Минусинска въ 1883 году г. Адріановымъ и одной поступившей еще раньше въ Минусинскій музей изъ размытаго кургана: маски отлично передаютъ плосколицый, скуластый типъ покойниковъ, но одна представляетъ чисто европейскій типъ; всѣ покрыты красною краскою. Ихъ любопытное употребленіе должно быть сопоставлено съ микенскими и южно-русскими находками. О фигуркахъ утокъ, крытыхъ листовымъ золотомъ, ясное представленіе даютъ фигуры, вырѣзанныя изъ дерева, въ Румянцевскомъ музеѣ въ Москвѣ, поступившія туда изъ погодинскаго «древлехранилища». Бронзовое зеркало съ аргаломъ вмѣсто ручки есть въ Минусинскомъ музеѣ, есть и колокольчикъ съ тѣмъ-же животнымъ, на немъ стоящимъ, въ музеѣ Томскаго университета (см. рис. 38). Совершенно тождественные предметы часто встрѣчаются на Кавказѣ въ древнихъ могильникахъ. Вопреки Миллеру, Палласъ утверждаетъ, что вещи, находимыя на Енисеѣ, искусны и великолѣпны, а находки на Иртышѣ, напротивъ, грубы, но въ его время при-иртышскіе курганы были уже разграблены.

Изъ сибирскихъ древностей, перечисленныхъ нѣкогда Муральтомъ, какъ находящіяся въ Эрмитажѣ, и нынѣ уже частью не существующихъ, особенно важно деревянное барельефное изображеніе сѣвернаго оленя около пяти дюймовъ длиною, лежащаго въ той позѣ, которая такъ характерно дана ему въ золотыхъ издѣліяхъ южной Россіи: на большой золотой бляхѣ Куль-Оба (см. вып. II, стр. 149), на ножнахъ Мельгуновскаго кургана (ib., стр. 132), на бляшкѣ найденной близь Смѣлы (ib. стр. 125). Любопытны въ той-же коллекціи мѣдная плоская чашка съ изображеніями шести сѣверныхъ оленей (ср. Новочеркаскій кладъ) и фигурки совъ съ распущенными крыльями. Упомянемъ, наконецъ, множество круглыхъ металлическихъ зеркалъ съ петелькою назади: ихъ находятъ отъ енисейскихъ степей до степей южнорусскихъ и Закавказья. Орнаментація указываетъ даже на употребленіе ихъ у китайцевъ, сибирскихъ буддистовъ и у арабовъ; есть цѣлый рядъ зеркалъ съ куфическими надписями, найденныхъ на Дону, и въ Закавказьѣ, и на низовьяхъ Оби.

39. Деревянная золоченая пластинка изъ Сибири. (Румянцевскій музей въ Москвѣ).

Въ насыпи большаго кургана на рѣкѣ Катандѣ, разслѣдованнаго В. В. Радловымъ въ 1865 году, найдены пять желѣзныхъ удилъ, такая-же пряжка, нитка бусъ ярко-голубаго стеклянаго сплава и одна сердоликовая, а также бронзовый ножъ. Въ могилѣ отлично сохранились даже деревянныя вещи и одежды. Одна изъ нихъ сшита изъ собольяго мѣха съ узкими рукавами, другая — въ видѣ халата изъ горностаева мѣха, украшена множествомъ круглыхъ и четыреугольныхъ деревянныхъ бляшекъ, которыя обложены листовымъ золотомъ. Украшеніемъ одежды служили деревянныя фигурки осѣдланныхъ лошадей, обложенныя прежде листовымъ золотомъ и прикрѣпленныя ногами къ зеленой камкѣ. Одинъ деревянный предметъ имѣетъ видъ полукруглой чашки, наружная поверхность которой украшена изображеніями фантастическихъ звѣрей въ плоскомъ рельефѣ. Звѣри смѣло и причудливо изогнуты ради того, чтобы покрыть фигурами всю поверхность: широкая голова хищнаго звѣря занимаетъ центръ, тѣло съ хвостомъ въ видѣ головы хищной птицы огибаетъ чашку, а оставшееся поле занято переднею

частью другаго звѣря съ характерными широкими ушами и закругленнымъ носомъ. И типы звѣрей, и условно-декоративная обработка ихъ фигуръ — все это ближайшимъ образомъ напоминаетъ предметы и стиль Новочеркаскаго клада, хотя тамъ фигуры гораздо болѣе выпуклы, что, быть можетъ, объясняется матеріаломъ.

40. «А до большаго порога не доѣзжая есть мѣсто, утесъ каменной по Енисею. На томъ утесѣ есть вырѣзано на каменю невѣдомо какое писмо и межь писмомъ есть и кресты вырѣзаны, такъ же и люди вырѣзаны и въ рукахъ у нихъ булавы и иные многіе такіе дѣла. Какъ сказываютъ, что въ томъ каменю вырѣзаны на пустомъ мѣстѣ. А никто не вѣдаетъ, что писано и отъ кого».

1675. *Книга, а въ ней писано путешествіе царства Сибирскаго отъ города Тобольска и до самого рубежа государства Китайскаго* (русскаго посланника въ Китай Николая Спаоарія).

Другой предметъ — деревянная пластинка имѣетъ ту-же типическую форму, столь-же характерный звѣриный орнаментъ, какъ цѣлый рядъ воспроизводимыхъ сибирскихъ пластинъ Императорскаго Эрмитажа. Наша пластинка изображаетъ медвѣдя (рис. 39), нападающаго на оленя, рога и хвостъ котораго кончаются птичьими или грифовыми головами, какъ на сибирской золотой бляхѣ и золотой накладкѣ на колчанъ, найденной въ Роменскомъ уѣздѣ Полтавской губерніи. Пластинка была покрыта листовымъ золотомъ и была парная. Самый типъ вещей тождественъ со стилемъ сибирскихъ золотыхъ предметовъ, хранящихся въ Императорскомъ Эрмитажѣ, и позволяетъ относить курганъ къ тому-же времени.

Вещи, добытыя изъ другаго кургана на р. Берели, также замѣчательны сходствомъ съ сибирскими золотыми предметами Эрмитажа и скиоскими южной Россіи. Скелеты лошадей были украшены деревянными рѣзными уборами, сохранив-

шими отчасти обложку изъ листоваго золота; одни въ видѣ пальметокъ, другіе служили нащечниками и вырѣзаны на подобіе перьевъ. У праха найдены бронзовыя бляшки, покрытыя листовымъ золотомъ, желѣзная рукоятка кинжала, обложенная золотомъ. По угламъ колоды, найденной тамъ-же, были четыре литыхъ изъ бронзы хищныхъ птицы съ распущенными крыльями, насаженныя на желѣзныя втулки. Самыя птицы носятъ азіатскій характеръ, но ихъ число и способъ прикрѣпленія заставляютъ сопоставить ихъ съ бронзовыми парящими птицами, находимыми въ такъ называемыхъ «скиѳскихъ» курганахъ южной Россіи, какъ напр. въ Краснокутскомъ (см. вып. II, стр. 103), Чертомлыцкомъ (ib. 106), Александропольскомъ (ib. 92). Хотя эти вещи имѣютъ иной стиль, чѣмъ въ алтайскомъ курганѣ, но смыслъ, связанный съ этими наконечниками балдахина погребальной колесницы или шатра, былъ, вѣроятно, одинъ, тѣмъ болѣе, что Скиѳы азіатскіе и европейскіе, или основныя племена ихъ могли быть родственными по своему происхожденію.

41. Бронзовая пластинка, изображающая птицу съ распущенными крыльями изъ Сибири.

Но всего яснѣе представляется художественный стиль и его родство съ древностями южной Россіи въ предметахъ сибирской коллекціи Императорскаго Эрмитажа. Эти предметы видимо относятся къ пышному погребальному убору, личному и конскому, и уже съ этой стороны имѣютъ общее со скиѳскими древностями. На то-же родство указываютъ выборъ сюжетовъ и исполненіе. На первомъ мѣстѣ въ этомъ собраніи должно быть поставлено большое золотое украшеніе (рис. 43 и 44) въ видѣ хищной птицы, вцѣпившейся когтями въ дикаго козла. Моментъ, видимо, представленъ тотъ, когда пернатый хищникъ только-что спустился на свою добычу, не успѣвши сложить еще крылья, или когда онъ расправляетъ ихъ передъ тѣмъ, чтобъ унести свою жертву; голова птицы нагнута впередъ, какъ-бы собираясь еще разъ клюнуть трепещущее животное; послѣднее представлено въ судорогахъ агоніи: ротъ съ высунутымъ языкомъ полуоткрытъ, одна изъ переднихъ ногъ судорожно вытянута впередъ, другая подведена подъ животъ, задняя часть туловища характерно выкручена наверхъ, причемъ задніе ноги бьются въ послѣднихъ тщетныхъ усиліяхъ животнаго высвободиться изъ

42. Бронзовая пластинка съ береговъ Печоры.

когтей, впившихся въ его ребра. Вообще, козелъ представленъ съ энергичнымъ реализмомъ ассирійскаго пошиба и обнаруживаетъ недюжинную наблюдательность природы.

43. Золотое украшеніе изъ сибирскаго собранія Эрмитажа.

Если поза и движеніе хищной птицы также переданы очень натурально, трудно сказать то-же самое о ея формахъ: очертанія ея настолько условны, что скорѣе приближаются къ особенностямъ геральдическаго типа.

Шея птицы, слишкомъ длинная, украшена гребнемъ, какъ у дракона, и оканчивается головою, болѣе похожею, съ ея тупымъ клювомъ и оскаленными зубами, на змѣиную, чѣмъ на птичью. Ноги слишкомъ массивны, а въ верхней своей части трактованы вполнѣ условно; крылья и туловище тоже скорѣе примѣнены по своимъ очертаніямъ къ орнаментальнымъ цѣлямъ, чѣмъ обнаруживаютъ

стремленіе приблизиться къ натурѣ. Что натуралистическая передача хищной птицы была вполнѣ доступна художнику, доказывается фигуркою изъ массивнаго золота такого-же пернатаго, принадлежащаго къ разряду разбираемыхъ древностей (рис. 45); здѣсь орелъ или коршунъ представленъ въ покойномъ состояніи,

44. То-же украшеніе, слегка повернутое въ другую сторону.

держащимъ въ когтяхъ менѣе тяжелую добычу — лебедя; формы орла переданы превосходно, что не помѣшало орнаментировать ихъ самымъ роскошнымъ образомъ эмалью и стеклами.

Что стиль предмета, изображающаго птицу съ дикимъ козломъ, подчиняется соображеніямъ орнаментальнаго и утилитарнаго характера, доказываетъ хвостъ птицы, неестественно оттопыренный назадъ и возвышающійся надъ головою ея, почти на подобіе павлиньяго. Онъ служилъ, вѣроятно, оправой для вставки на-

стоящихъ перьевъ, а весь предметъ представляетъ украшенiе головнаго убора — султанъ-эгретку или *ташъ*, общеупотребительное до нашихъ дней на всемъ востокѣ.

45. Изображенiе хищной птицы съ лебедемъ изъ сибирскихъ древностей Эрмитажа.

Предметъ этотъ чеканной работы съ гравировкой деталей; на тѣлѣ и на крыльяхъ птицы размѣщены золотыя полукруглыя перегородки, въ которыя вставлены были вишнево-красныя стекла, на тѣлѣ козла выдѣланы гнѣзда, заполнявшiяся голубой стекловидной пастой.

Перья хвоста раздѣлены желобками съ золотыми петельками, сквозь которыя продѣвались нити съ жемчужинами, вѣроятно, довольно крупными. Весь предметъ въ полномъ своемъ видѣ, несомнѣнно, представлялъ значительныя орнаментальныя достоинства и теперь еще останавливаетъ на себѣ вниманiе, несмотря на утрату стеколъ и жемчуга, его украшавшихъ.

Вѣроятно, къ личному-же убору должны быть отнесены массивныя но небольшiя издѣлiя изъ золота, образчики коихъ представлены на рис. 46—49. Первая изъ этихъ миніатюрныхъ фигурокъ представляетъ оленя, повидимому сѣвернаго, очевидно спасающагося отъ преслѣдованiя, вторая — замѣчательно натуралистично переданную лань въ тотъ моментъ, когда, заслышавъ шумъ, она оборачиваетъ голову, готовясь, если завидитъ опасность, пуститься на утекъ. Третья фигурка, представляющая оленя съ огромными рогами, отличается отъ предъидущихъ грубостью работы и напоминаетъ по своей фактурѣ вещицу, къ сожалѣнiю дошедшую до насъ не въ полномъ видѣ, найденную въ Аму-Дарьинскомъ кладѣ (см. выше стр. 15 рис. 9); вещица эта представляла колесницу, запряженную лошадьми, съ двумя въ ней сѣдоками. Но если можно сближать эти два предмета по фактурѣ, то послѣднiй изъ нихъ близко соприкасается по сюжету съ другою статуйкою сибирскаго происхожденiя, представляющею тоже воина, но въ этотъ разъ верхомъ. Статуэтка эта (рис. 49) — литая изъ массивнаго, хорошаго золота, съ тщательно гравированными деталями. Фигура, посадка и движенiе всадника переданы очень ловко и натуралистично. Лошадь характерныхъ статей — малорослая, съ густой, стриженной гривой и хохлатою челкою, съ очень большой головою, тупою мордой и длинными ушами, низкимъ крестцомъ и подтянутымъ животомъ. Ноги лошади исполнены не такъ ловко, какъ туловище и фигура всадника, что произошло, отчасти, вслѣдствiе

46. Изображенiе бѣгущаго оленя изъ числа сибирскихъ древностей Эрмитажа.

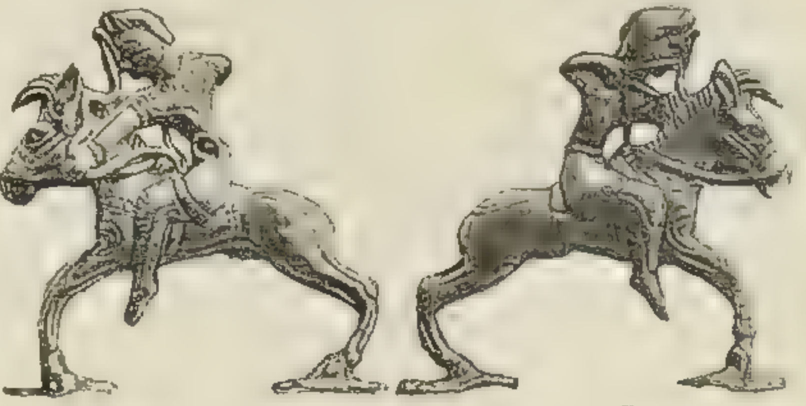
техническаго затрудненія, представляемаго необходимостью помѣстить всѣ ноги лошади на пластинки, для устойчиваго прикрѣпленія статуэтки къ неизвѣстному предмету. Всадникъ представленъ въ характерной одеждѣ: туловище его заключено въ узкій и короткій чешуйчатый панцырь съ короткими рукавами; часть спины прикрыта поверхъ панцыря родомъ рубахи, оставляющей грудь непокрытою съ вырѣзомъ на спинѣ, стянутой у пояса и спускающейся ниже тальи короткой юбкой, украшенной по подолу круглыми металлическими бляхами; ноги защищены отъ холода узкими штанами или чулками, вдѣтыми въ кожаныя ботинки, вполнѣ схожія съ тѣми, въ которыя обуты ассирійскіе воины на барельефахъ. Голова воина покрыта мягкой шапкою, являющеюся варіантомъ той формы, которая извѣстна, подъ именемъ «кирбасіи», какъ отличительный головной уборъ скиѳовъ (см. вып. II, стр. 63). Руки всадника, какъ у извѣстныхъ изображеній ассирійскихъ воиновъ, обнажены почти отъ плеча, причемъ лѣвая рука украшена у кисти браслетомъ. Воинъ, въ данномъ случаѣ представляющій скорѣе всего охотника, натягиваетъ короткій составной (сложный) лукъ, отводя тетиву къ плечу. Въ общемъ, наша фигура несомнѣнно, по типу и по костюму, напоминаетъ воиновъ, представленныхъ на грубой бляхѣ, найденной за тысячи верстъ отъ Сибири — въ одномъ изъ «Геремесовскихъ» кургановъ на Днѣпрѣ (вып. II, рис. 90).

47. Золотая фигурка изъ Эрмитажнаго собранія.

48. Золотая фигурка оттуда-же.

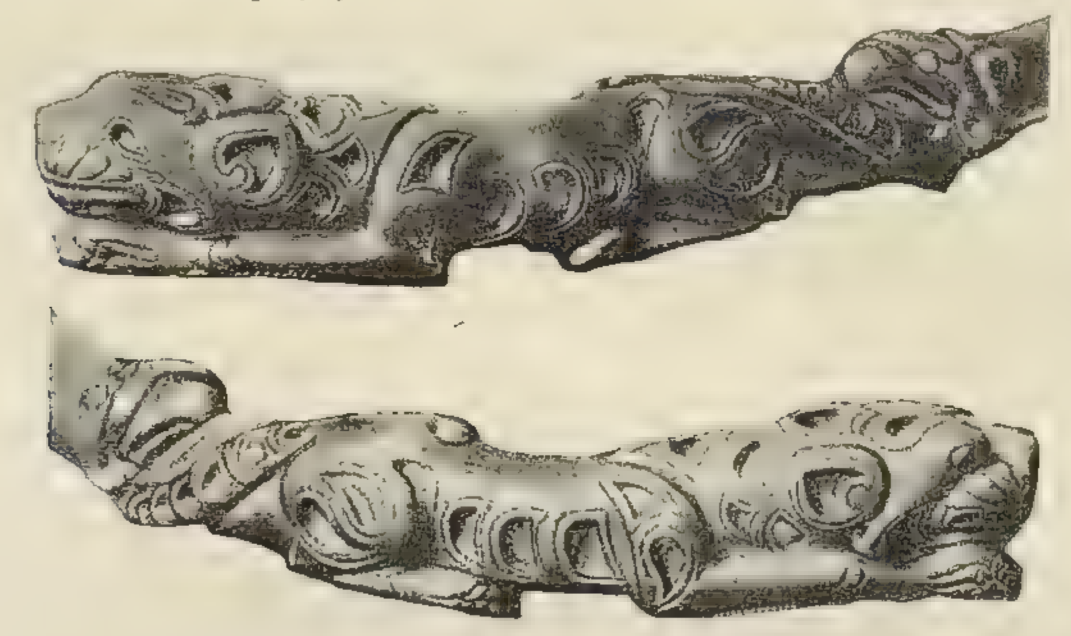
Если принять воина, представленнаго этой статуэткой, за охотника, въ виду особой склонности къ воспроизведенію охотничьихъ сценъ и мотивовъ въ орнаментикѣ всѣхъ описываемыхъ предметовъ убранства, то нашу фигурку можно бы связать въ одну сцену съ изображенной выше фигуркой оленя (рис. 46); обѣ фигурки, прикрѣпленныя къ одному предмету, представляли бы сцену преслѣдованія охотникомъ крупной дичи.

Къ чему прикрѣплялись описанныя миніатюрныя фигурки, или чему онѣ служили украшеніемъ — у насъ опредѣленныхъ указаній нѣтъ. Что онѣ не представляютъ собою самостоятельныхъ предметовъ ювелирнаго искусства, но служили лишь украшеніемъ болѣе крупныхъ предметовъ — доказательствомъ тому служатъ пластинки, на которыя онѣ поставлены, снабженныя дырочками для прикрѣпленія къ плоскости. Такою плоскостью могъ быть или верхній ободъ вѣнца, подобнаго найденному въ Новочеркаскомъ кладѣ, или вершина шлема, желѣзнаго или бронзоваго, а потому, сравнительно

49. Статуэтка всадника, пріобрѣтенная Герардомъ Миллеромъ въ Колывано-Вознесенскомъ заводѣ.

съ фигурками, малоцѣннаго и хуже противостоящаго разрушительному вліянію времени; это объясняло бы, почему до насъ дошли украшенія безъ предмета, который они украшали.

Такія золотыя украшенія небольшихъ размѣровъ встрѣчены на шлемахъ въ западной Европѣ въ могилахъ такъ называемой Меровингской эпохи (V—VII ст. по Р. Х.). Плоскость, на которой прикрѣплялись наши фигурки, не была прямая, и потому бóльшія изъ нихъ снабжены двумя отдѣльными пластинками, а не одной для всѣхъ ногъ, что представляло бы затрудненіе для прикрѣпленія къ выгнутой поверхности (напр. шлема). Наконецъ по самой своей формѣ и по смыслу изображеній, фигурки очевидно были предназначены для прикрѣпленія стоймя, и трудно себѣ представить, въ какомъ мѣстѣ сбруи или одежды могли бы быть онѣ размѣщены съ удобствомъ и безъ опасности сбить ихъ. (Ср. золотаго кабана вып. II, стр. 95).

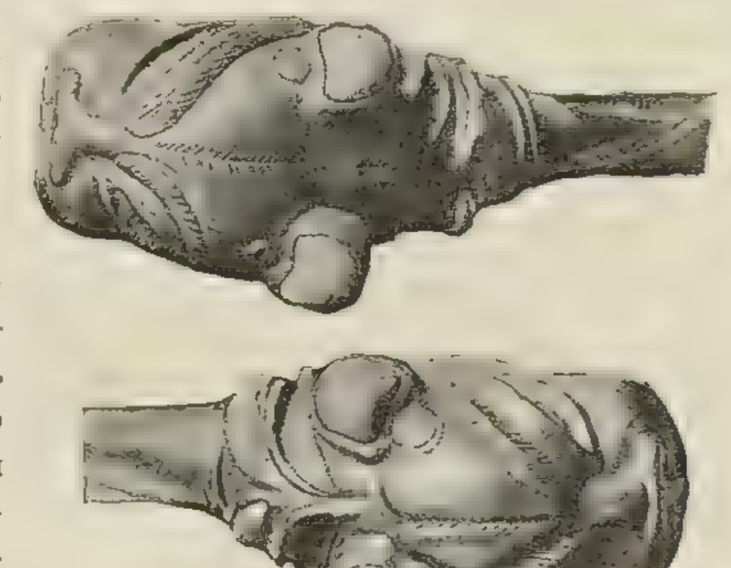

50. Концы золотой массивной гривны, находящейся въ сибирскомъ собраніи Эрмитажа.

Несомнѣнно, къ личному убору относятся массивныя золотыя шейныя гривны съ изображеніями звѣрей на сходящихся концахъ. На прилагаемомъ рисункѣ 50 представлены два конца такой гривны съ изображеніемъ двухъ характернаго типа львовъ, съ судорожно поджатыми ногами, какъ бы готовящихся къ прыжку. Мускулатура звѣря, его короткая грива, уши, ребра и усы надъ пастью обозначены, слѣдуя ассирійскимъ прототипамъ, съ большою энергіею, но схематично. Эти детали выступали тѣмъ ярче на нашихъ фигуркахъ, что углубленія, которыми онѣ были обозначены, заполнялись голубою пастою и, можетъ быть, кораллами. На другомъ рисункѣ представлены концы другой золотой гривны, болѣе тонкой, чѣмъ предъидущая. Здѣсь (рис. 51) представлены однѣ лишь головы или такого-же короткогриваго льва, или барса.

Кромѣ того, въ сибирской коллекціи имѣются двѣ витыхъ или крученыхъ изъ проволоки гривны съ головами львовъ, обломки 2 гривенъ съ фигурками ползущаго льва и, наконецъ, одна гривна изъ спаяныхъ спирально трубочекъ, подобная тому экземпляру, что описывается въ Новочеркасскомъ кладѣ.

Можетъ быть, конецъ такой-же гривны слѣдуетъ видѣть въ отличной золотой головкѣ лошади (рис. 52) того-же пошиба, какъ и только-что упомянутые львы. Если, впрочемъ, трудно опредѣленно сказать, дѣйствительно ли служила эта головка украшеніемъ гривны, или инаго предмета, то значеніе ея заключается не въ томъ, къ чему она была прикрѣплена, а въ самомъ типѣ ея. Типъ сближаетъ ее съ лошадьми знаменитой Чертомлыцкой вазы (см. вып. II рис. 114—115), найденной, какъ извѣстно, близь Днѣпра, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, тождество фактуры съ остальными сибирскими древностями и персидская манера передачи мускулатуры указываютъ на среднеазіатское происхожденіе этого типа.

51. Концы золотой гривны, изъ сибирскаго собранія Эрмитажа.

Съ головою лошади вполнѣ по фактурѣ тождественна головка льва. Неизвѣстно, какъ были размѣщены и даже поскольку принадлежитъ къ одной находкѣ пара маленькихъ золотыхъ наконечниковъ въ видѣ бараньей головы вполнѣ греческаго типа и другая пара съ головою козла. Шея барана вся покрыта бирюзою по указанному выше среднеазіатскому способу. Всѣ же втулочки, всего вѣроятнѣе, служили или для деревянныхъ предметовъ или, вѣрнѣе, для кистей, шнуровъ одежды, ременныхъ перевязей и пр. Наконецъ, 23 крохотныхъ предмета изъ золота представляютъ обычныя подвѣски къ ожерельямъ, въ видѣ амфорокъ, чашъ, орѣшковъ, желудей, флакончиковъ, пирамидокъ, колокольчиковъ и пр. Греко-античный типъ большинства этихъ формъ не составляетъ сомнѣнія.

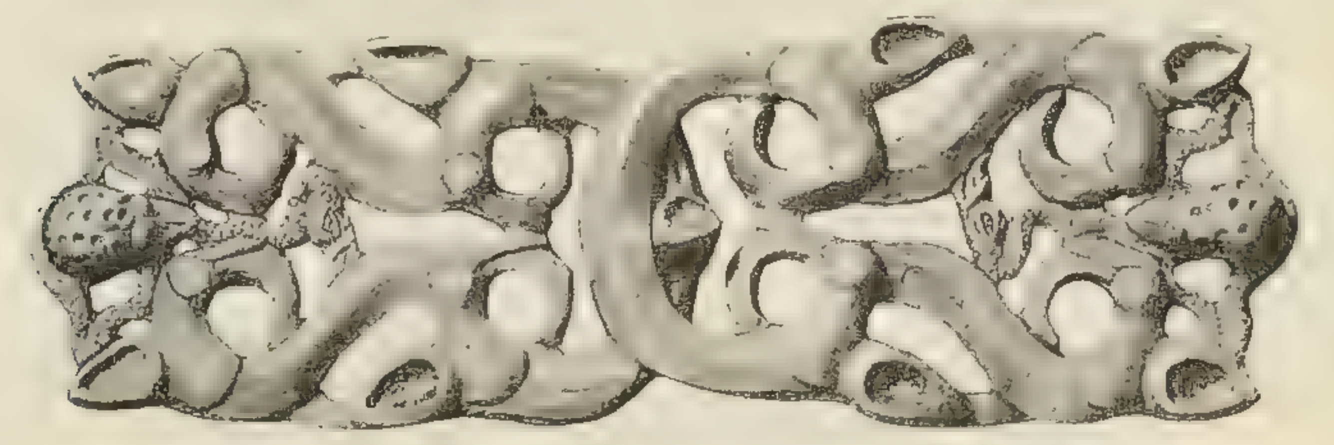

52. Золотая головка лошади изъ сибирскаго собранія Эрмитажа.

Наконецъ, къ личному убору, относится золотая пряжка, вѣроятно отъ кушака, изображенная на рис. 53.

Пряжка состоитъ изъ двухъ половинокъ, вполнѣ одинаковыхъ, съ тою лишь разницею, что одна изъ нихъ снабжена крючкомъ, нынѣ обломаннымъ. Половинки — литыя, массивныя, затѣмъ пройденныя гравировкой и вырѣзанныя, такъ-что рисунокъ получился сквозной. Рисунокъ этотъ составленъ слѣдующимъ образомъ: въ основаніе положена дуга, кончающаяся наверху двумя головами фантастическаго животнаго, имѣющаго загнутый птичій клювъ и длинныя, торчащія кверху уши; надъ этой парой возникаетъ вторая пара такихъ-же фантастическихъ головъ, между которыми извивается змѣя, впившаяся въ шею одного изъ чудовищъ; надъ всѣмъ узоромъ возвышается рельефная большая голова змѣи съ согнутой шеей, образующая крючекъ. Уши чудовищъ были заполнены смальтой или эмалью.

Всѣ послѣдующія вещи изъ сибирскихъ находокъ являются, повидимому, предметами не личнаго, а конскаго убора; по крайней мѣрѣ, значительная тяжесть ихъ устраняетъ мысль о возможности украшать ими одежду, а ихъ парность, равно то, что онѣ снабжены сзади большими и толстыми скобами для продѣванія ремней, дѣлаютъ наиболѣе вѣроятнымъ то-же предположеніе о принадлежности этихъ массивныхъ пластинъ къ конскому убору.

53. Массивная золотая пряжка изъ сибирскаго собранія Эрмитажа.

На всѣхъ пластинахъ, массивно отлитыхъ изъ хорошаго золота, пройденныхъ затѣмъ рѣзцомъ и прорѣзанныхъ насквозь, большинство звѣрей поражаетъ своею фантастичностью, совмѣщая въ себѣ черты самыхъ разновидныхъ породъ. По своимъ очертаніямъ пластины могутъ быть раздѣлены на два типа, къ первому изъ которыхъ принадлежатъ четыреугольныя. Изъ этихъ послѣднихъ беремъ наиболѣе грубый образецъ — первую пару золотыхъ массивныхъ пластинъ. На

54. Золотое украшеніе изъ сибирскаго собранія Эрмитажа.

изображенной на рис. 54 четыреугольной продолговатой, нѣсколько расширенной въ одномъ концѣ пластинѣ изображенъ фантастическій звѣрь въ борьбѣ съ удавомъ; звѣрь этотъ представленъ съ головою кабана и съ лапами большаго

хищника, скорѣе всего — льва; ухо и когти звѣря заполнены были цвѣтною инкрустаціею. Тотъ-же звѣрь, и тоже въ борьбѣ съ удавомъ, представленъ на другой парѣ пластинъ (рис. 55), подобной предъидущей; работа здѣсь, однако нѣсколько лучше и фактура тщательная, и напротивъ, количество гнѣздъ, бывшихъ заполненныхъ пастою, больше.

55. Золотая пластина изъ сибирскаго собранія Эрмитажа.

Слѣдующая пара пластинъ, здѣсь изображаемая въ одномъ экземплярѣ (рис. 56), уже болѣе сложна по композиціи. Сцена представляетъ нападеніе грифона и другаго фантастическаго звѣря на тигра или, вѣрнѣе, короткогриваго льва, пред-

56. Золотая пластина, находящаяся тамъ-же.

ставленнаго на описанной выше гривнѣ (см. рис. 50). Грифонъ, хотя грубо и безъ соблюденія пропорцій, изображенъ, согласно обычаю, съ крыльями, съ головою хищной птицы, снабженной ушами, и съ львиными лапами.

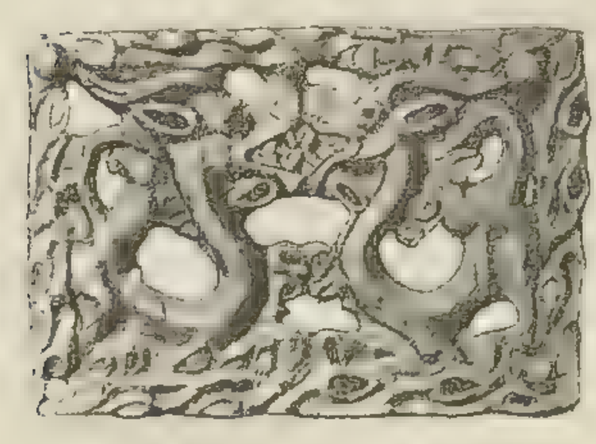
*   *

Другое фантастическое животное является специальною принадлежностью разбираемаго отдѣла древностей: морда его похожа на лошадиную, но шире ея, и пасть представляется вооруженною зубами хищника, такъ какъ звѣрь этотъ обыкновенно изображается грызущимся съ другими; къ лошадинному или оленьему

57. Золотая пластина изъ собранія Эрмитажа.

тѣлу придѣланы лапы крупнаго звѣря кошачьей породы; голова украшена оленьими рогами, вѣтви которыхъ оканчиваются птичьими головами ушастыхъ грифовъ. Эта послѣдняя особенность сближаетъ звѣря съ извѣстными изображеніями оленей такъ называемыхъ скиѳскихъ кургановъ (см. вып. II, стр. 149). Едва-ли можно отождествлять этого звѣря съ «тарандромъ» древнихъ писателей, который, хотя и «имѣлъ морду, подобную оленьей, только шире» (по Ѳеофрасту, Библ. Фотія, 278), но вмѣстѣ съ тѣмъ «имѣлъ и двойныя копыта и длинную, какъ у медвѣдя, шерсть» (Плиній, VIII, 52).

58. Подобная предъидущей пластина, меньшихъ размѣровъ.

Пластина (изъ пары), изображенная на рис. 57, богато украшенная эмалью изъ пасты, представляетъ двухъ рогатыхъ драконовъ, поднявшихся другъ противъ друга, съ растеніемъ посрединѣ — вѣроятно, варіантомъ извѣстнаго ассиро-персидскаго древа жизни. Бордюръ вокругъ изображенія составленъ изъ древесныхъ вѣтокъ съ стрѣловидными листьями, наполненными инкру-

стацiею. Почти совершенно то-же изображенiе находится и на четырехъ парахъ прорѣзныхъ пластинокъ, всѣ гораздо меньшихъ размѣровъ (рис. 58), хотя тутъ центральнаго растенiя почти совсѣмъ не видно.

59. Золотое украшенiе изъ сибирскаго собранiя Эрмитажа, прiобрѣтенное въ Верхнеудинскѣ въ 1844 году.

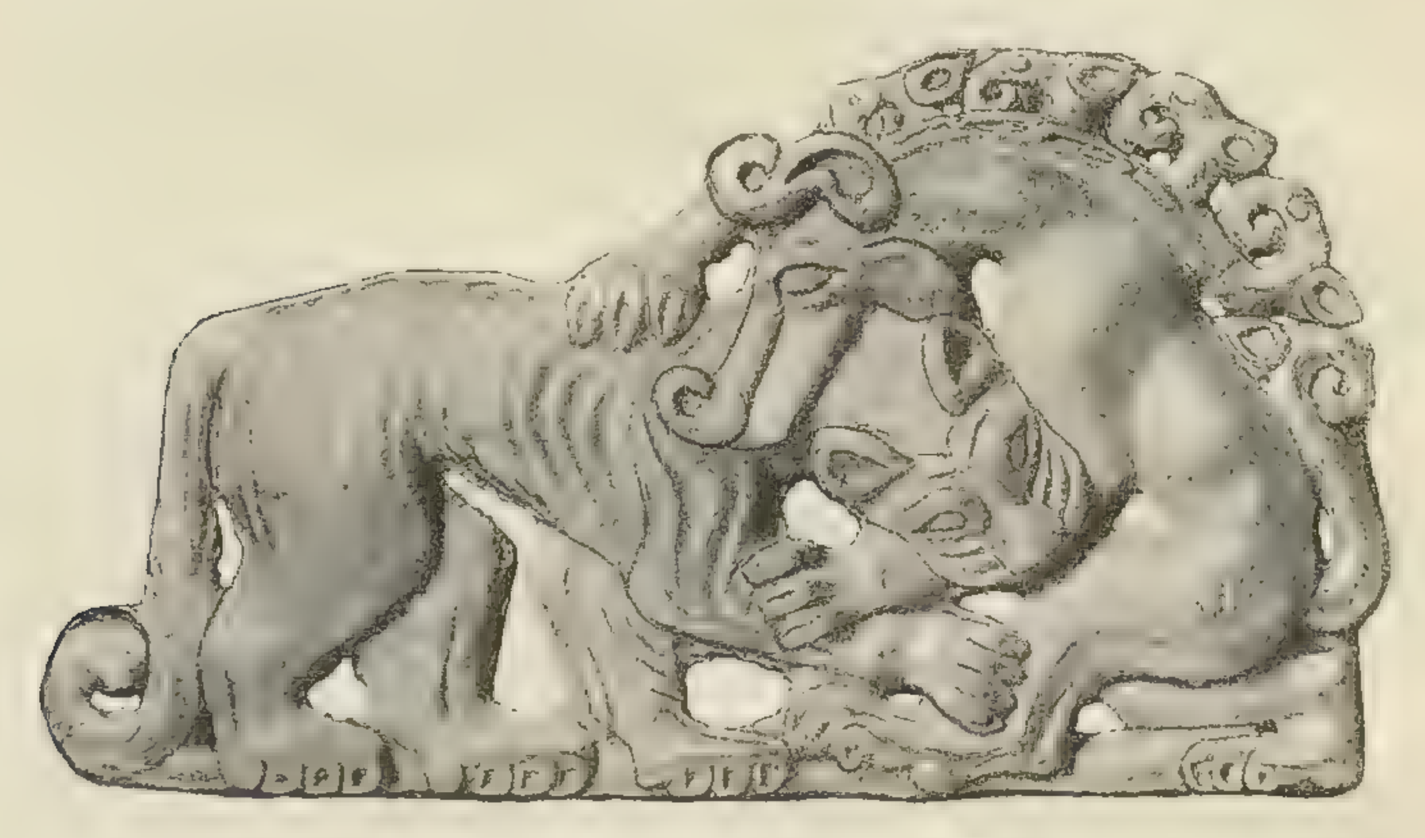
Вторую, по формѣ общаго контура, серiю пластинъ, тоже парныхъ, представляютъ тѣ, въ которыхъ контуръ образуетъ съ одной стороны полукруглое рас-

60. Такое-же украшенiе оттуда-же.

ширенiе, причемъ характерная форма ихъ получается при помощи частей самого изображенiя, не заключеннаго ни въ какую рамку. Названнаго выше «тарандра» дозволено, можетъ быть, видѣть на изображаемой здѣсь (рис. 59) одиночной пла-

стинѣ послѣдняго типа, такъ какъ фантастическій широкомордый олень представленъ тутъ, по крайней мѣрѣ, съ копытами. Во всякомъ, однако, случаѣ, каково бы ни было, представленное въ борьбѣ съ мелкимъ хищникомъ кошачьей породы, животное, мѣстный художникъ нагромоздилъ на него самыя фантастическія детали. Морда, повидимому, кончается клювомъ хищной птицы, вѣтви его огромныхъ роговъ — головами ушастаго грифона, ноги его снабжены копытами, можетъ быть, лошадиными, хвостъ оканчивается птичьей головой; мало того, самое тѣло звѣря раздѣлано фигурами животныхъ: на шеѣ и на передней лопаткѣ помѣщена хищная птица съ ушами, позади которой видна голова не то птицы, не то рыбы, изъ пасти которой высовывается грубо исполненная голова барана. Этими деталями фантастическое животное вполнѣ напоминаетъ оленя Куль-Обской гробницы (см. вып. II, рис. 126) и, по схематичной орнаментальности ихъ, должно быть признано болѣе характернымъ восточнымъ произведеніемъ сравнительно съ южно-русской находкою.

61. Золотое массивное украшеніе изъ сибирскаго собранія Эрмитажа.

Животное, тяжело и грубо изображенное на рис. 60, мы уже видѣли въ звѣрѣ, напавшемъ вмѣстѣ съ грифономъ на льва, на квадратной пластинѣ (рис. 56). Оно-же представлено въ борьбѣ съ тигромъ на другой парѣ пластинъ, отличающихся нѣсколько болѣе художественнымъ исполненіемъ (рис. 61): здѣсь, если формы и переданы тяжело и грубо, чувствуется движеніе въ фигурахъ и энергія тѣла въ линіяхъ мускуловъ. Ярко выступаетъ замѣчаемая и на другихъ произведеніяхъ той-же фактуры та особенная жестокость, которую желалъ придать борьбѣ животныхъ художникъ: тигръ забралъ въ пасть всю лапу звѣря поперекъ, а звѣрь въ свою очередь, обхватилъ зубами всю шею тигра, животныя

впились другъ въ друга когтями. Мы имѣемъ еще два изображенія тигра, на этотъ разъ въ образѣ хищника, нападающаго на беззащитную жертву — коня.

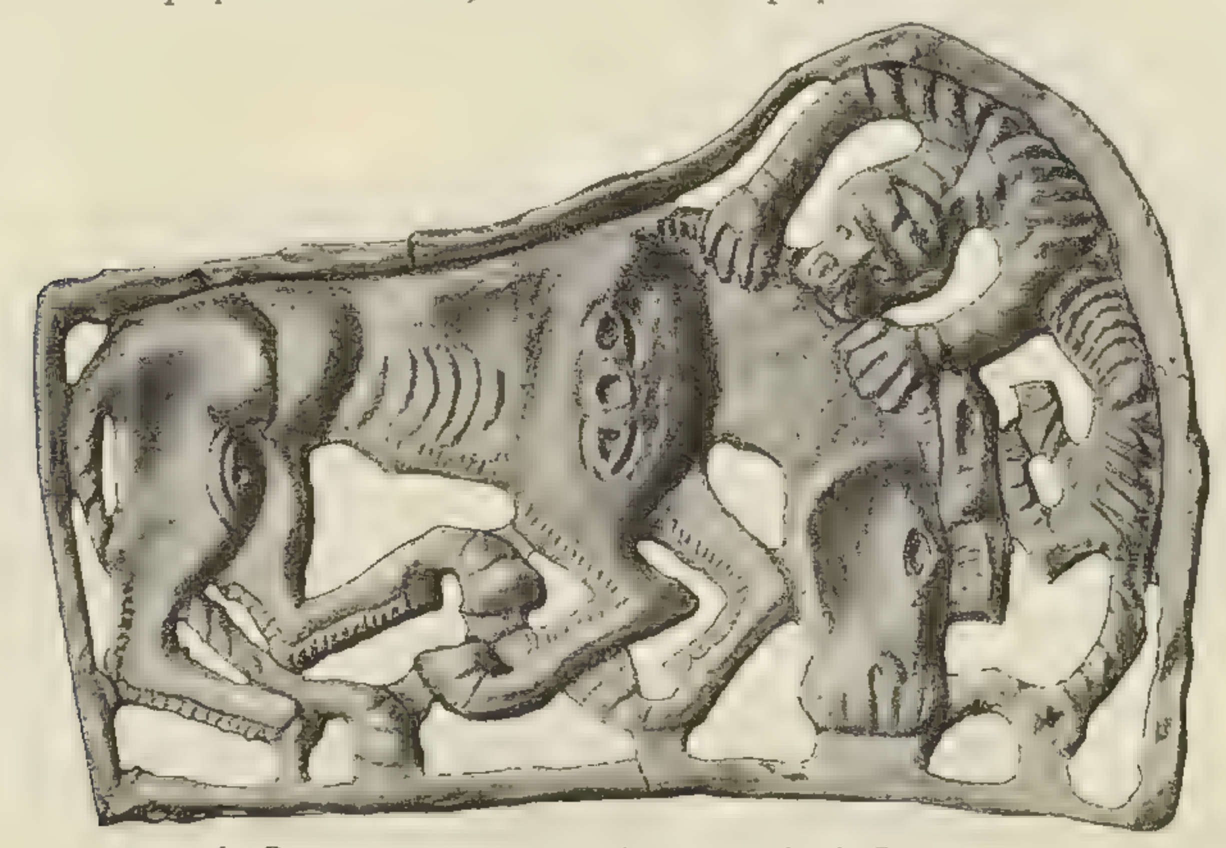
На рис. 62 (пара пластинъ) тигръ представленъ безъ характерныхъ полосъ, почему и можетъ быть принятъ тоже за барса, но сходство представленнаго здѣсь звѣря съ ясно изображеннымъ въ другой бляхѣ (рис. 63) тигромъ, дозволяетъ видѣть и здѣсь того-же хищника. Работа представленнаго на рис. 62 пред-

62. Пластина изъ блѣднаго золота, изъ сибирскаго собранія Эрмитажа.

мета тщательная и не безъ художественныхъ достоинствъ, затемняемыхъ, однако, шаблонно-условнымъ вывертомъ тѣлъ. Этотъ судорожный выгибъ тѣла жертвы, представленной въ фигурѣ козла, похищеннаго орломъ (рис. 43 и 44), назначенъ выражать предсмертную агонію жертвы. Менѣе понятенъ тотъ-же выгибъ тѣла у самого нападающаго хищника, приданный ему, вѣроятно, лишь по привычкѣ художника къ передачѣ подобныхъ движеній, если только не долженъ передавать всѣмъ извѣстной эластичности тѣла животныхъ кошачей породы, въ данномъ случаѣ — тигра. Жестокость и кровожадность этого звѣря изображены съ энергичной экспрессіей, какъ хорошо изображена помертвѣлая голова погибающей лошади, очевидно той породы, которая уже извѣстна по статуэткѣ всадника (рис. 49). Гораздо небрежнѣе работа другой пластины, изображенной на рис. 63: хотя движеніе коня, павшаго на колѣни, и тигра, впившагося въ его шею, на оборотъ, ближе къ природѣ, но грубая недоконченная фактура и отсутствіе энергичныхъ чертъ доказываютъ, что передъ нами слабая копія болѣе искуснаго, хотя чисто варварскаго оригинала. Эта пластина отличается отъ остальныхъ, однородныхъ съ нею по формѣ, тѣмъ, что вся сцена окружена рамкою, какъ на описанныхъ выше четыреугольныхъ (рис. 54 — 58).

Чрезвычайно сложную сцену борьбы изъ-за добычи представляетъ пара большихъ массивныхъ пластинъ, одна изъ коихъ изображена на рис. 64. Центромъ группы является уже, мертвое повидимому, животное съ тѣломъ и ногами коня, съ головою грифона и хвостомъ, оканчивающимся головою того-же фантастическаго звѣря. Эту добычу оспариваютъ другъ у друга два звѣря и хищная птица. Первый звѣрь огромныхъ размѣровъ, съ тѣломъ и передними лапами, повидимому, тигра, съ задними лапами медвѣдя и съ головою, какъ кажется, быка, украшенной рогами съ головою грифона на концѣ; та-же головка грифона видна на оконечности

63. Золотая пластина изъ сибирскаго собранія Эрмитажа.

хвоста. Одною изъ переднихъ лапъ звѣрь схватилъ жертву за ногу и пастью зажалъ ея шею. Второй звѣрь, небольшихъ размѣровъ, вполнѣ фантастическаго вида, приблизился къ добычѣ съ другой стороны и, схвативши лапой хвостъ ея, обхватилъ зубами тѣло по рединѣ. Надъ нимъ, взмахнувъ крыльями, опустился орелъ, впившійся когтями въ шею жертвы и отбиваетъ большаго звѣря клювомъ, нанося ему удары въ голову. Всѣ животныя въ этой сценѣ до того переплетены между собою, на нихъ нагромождено столько фантастическихъ деталей, съ очевидной заботой оставить какъ можно меньше свободнаго мѣста, что разобраться въ представленной сценѣ даже на самомъ оригиналѣ можно лишь при внимательномъ разсмотрѣніи. Здѣсь художникъ, повидимому, не гонялся за реальнымъ воспроизведеніемъ формъ движеній, трактуя весь сюжетъ лишь какъ орнаментъ звѣринаго стиля, который онъ втиснулъ въ нужныя ему рамки. Замѣчательна тоже та безцеремонность, съ которою онъ обращался съ цѣннымъ во всѣ времена матеріаломъ: рѣзьба настолько энергична и груба, отливка настолько массивна, что изъ десятой, можетъ быть, части употребленнаго золота получилась бы вещь, совершенно аналогичная по эффекту. Это презрѣніе къ драгоцѣнному

металлу, видное и на другихъ сибирскихъ произведеніяхъ, особенно ярко выступаетъ на разбираемомъ предметѣ и могло возникнуть лишь у кочевниковъ или

64. Большая золотая пластина изъ сибирскаго собранія Эрмитажа.

полукочеваго народа, не дорожащаго особенно награбленнымъ богатствомъ, котораго ему некуда дѣть.

Такую же борьбу изъ-за добычи представляетъ другая, совершенно аналогичная по фактурѣ съ предъидущей, но меньшихъ размѣровъ бляха, изображенная на рис. 65. Сцена любопытна тѣмъ, что въ нее введено новое животное, впервые встрѣчающееся на памятникахъ искусства: жертва представлена здѣсь

65. Золотая пластина изъ собранія Эрмитажа.

не въ видѣ фантастическаго звѣря, а со всѣми характерными признаками извѣстнаго намъ четвероногаго — яка, дикаго и домашняго быка холодныхъ плоскогорій, отдѣляющихъ Сибирь и Центральную Азію отъ Индіи. Такое изображеніе могло возникнутъ только въ этой мѣстности или въ ближайшемъ ея сосѣдствѣ, такъ какъ границы распространенія яка крайне опредѣленны, и въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ нихъ это животное совершенно неизвѣстно.

66. Золотая пластина оттуда-же.

Якъ съ длинной шерстью, короткими рогами и съ хвостомъ, подобнымъ лошадиному, изображенъ съ опущенною головой; его терзаетъ орелъ; эту добычу оспариваетъ у послѣдняго тигръ или другое крупное животное кошачьей породы, которое впилось зубами въ хвостъ орла.

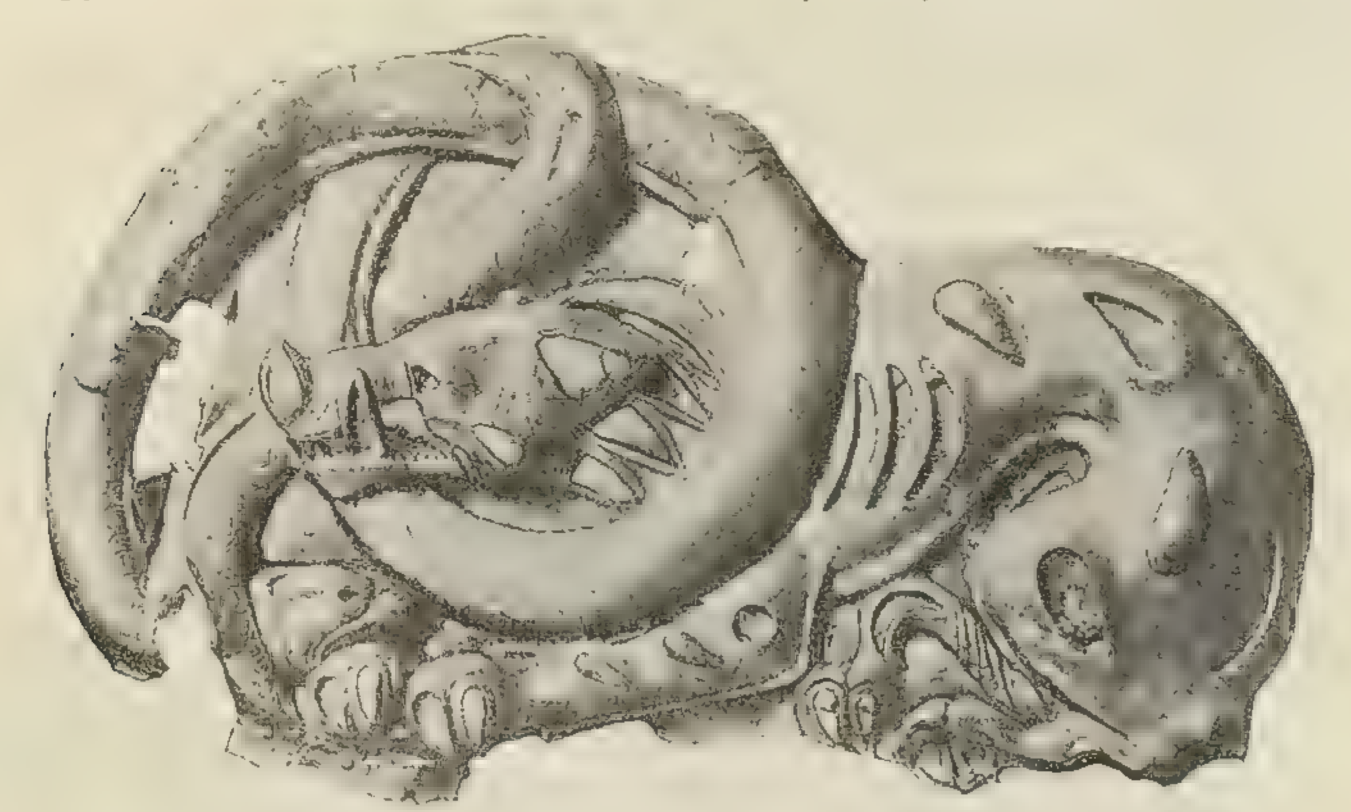
Борьба двухъ звѣрей трудно опредѣлимой породы представлена на небольшой

по размѣрамъ (4 экземпляра) пластинѣ (рис. 66); впрочемъ, въ одномъ, бо́льшемъ звѣрѣ можно, пожалуй, узнать тигра вышеописанныхъ пластинъ; сцена допол-

67. Золотая пластина оттуда-же.

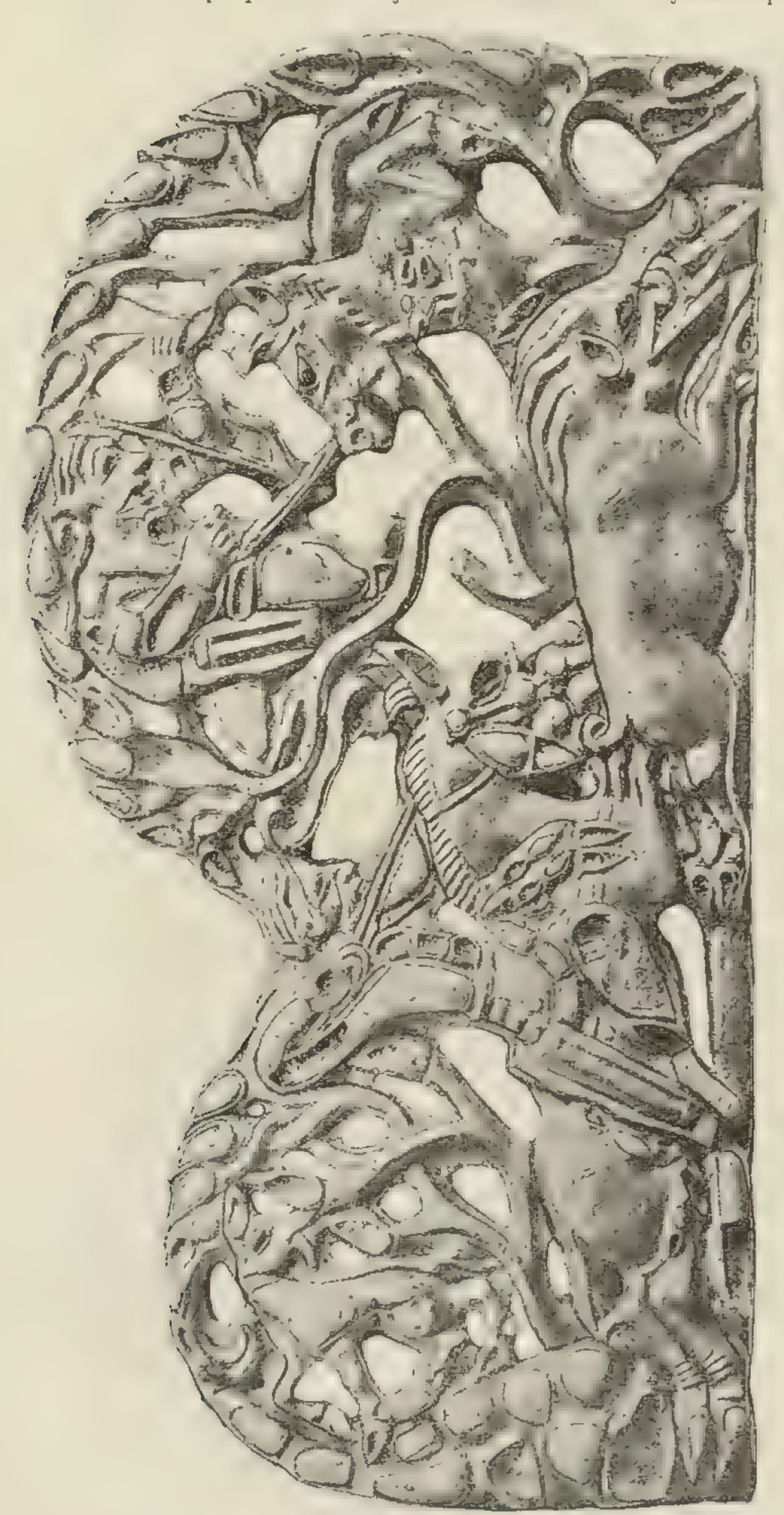
нена деревомъ, указывающимъ, согласно извѣстной условной манерѣ, что дѣйствіе происходитъ въ лѣсу. Совершенно та-же сцена, но вдвойнѣ, представлена на другой пластинѣ, отличающейся отъ всѣхъ предъидущихъ тѣмъ, что основная

68. Золотая съ эмалью пластина изъ собранія Эрмитажа, извѣстная еще Витсену (стр. 35).

форма повторена дважды, по обѣ стороны; поэтому бо́льшій звѣрь представленъ дважды лишь въ передней его половинѣ, такъ, что обѣ эти половины слиты и образуютъ какъ-бы одно животное съ двумя головами и двумя парами переднихъ

лапъ. Это новый примѣръ того, насколько изображенія въ описываемыхъ памятникахъ варварскаго искусства подчинялись утилитарнымъ требованіямъ формы и орнаментальнымъ соображеніямъ.

69. Золотая бляха изъ сибирской коллекціи Эрмитажа.

Отъ всѣхъ предъидущихъ отличается тщательностью исполненія и условной натуралистичностью послѣдняя изъ представляемыхъ здѣсь золотыхъ пластинъ (одиночная) этого рода, воспроизводящихъ борьбу звѣрей (рис. 68); по достоинствамъ работы и техникѣ къ ней ближе всего подходитъ сцена нападенія тигра на коня, изображенная на рис. 62, по содержанію — четыреугольныя пластины гораздо болѣе грубой работы, представленныя на рис. 54 и 55. Сцена воспроизводитъ огромнаго удава, удушающаго кабана; несмотря на реалистичность изображенія змѣи, покрытой чешуею, и головы кабана, художникъ не могъ не послѣдовать господствовавшей въ его время манерѣ и придалъ послѣднему животному тѣло и лапы льва, обозначивъ даже короткую гриву.

Наибольшій интересъ и важность въ археологическомъ отношеніи несомнѣнно

представляютъ двѣ пары великолѣпныхъ пластинъ той-же категоріи, но съ изображеніемъ человѣческихъ фигуръ. Здѣсь изображены обѣ пластины, составляющія первую пару (рис. 69 и 70); на обѣихъ представлена одна и та-же сцена, повернутая лишь въ противоположныя стороны; незначительная разница замѣтна только въ мелкихъ деталяхъ. Охотникъ верхомъ, съ мечемъ у пояса и лукомъ въ рукахъ, преслѣдуетъ кабана; другой охотникъ, взлѣзши на дерево, тянетъ за узду своего коня, мимо котораго проносится кабанъ; охотничья собака слѣдитъ издали, повернувши голову, за охотою. Эта сцена невольно напоминаетъ описаніе охоты у Іирковъ Герод. (IV, 22): «Іиркъ охотится слѣдующимъ образомъ: охотникъ взлѣзаетъ на дерево и тамъ устраиваетъ засаду, а деревьями изобилуетъ вся страна ихъ; у каждаго охотника имѣются на готовѣ лошадь и собака; лошадь низкаго роста и потому пріучена лежать брюхомъ на землѣ. Завидѣвши съ дерева дичь, охотникъ стрѣляетъ по ней изъ лука, потомъ садится на лошадь и пускается въ погоню за добычей...» Изображенныя здѣсь

70. Золотое подобное украшеніе того же сѣдла.

пластины легко могутъ быть признаны почти точной иллюстраціею разсказа Геродота. Мѣстность, въ которой происходитъ охота, покрыта густымъ лѣсомъ; на одномъ изъ деревьевъ сидитъ охотникъ, тянущій лошадь за узду.

Мы въ правѣ сопоставить нашего охотника съ Іиркомъ Геродота, взлѣзшимъ на дерево и принудившимъ свою лошадь лечь на брюхо; что оба послѣдовательныхъ дѣйствія слиты въ одно, одновременное, находится въ полномъ соотвѣтствіи съ художественными пріемами не только античнаго, но и болѣе поздняго искусства. Тѣже художественные пріемы дозволяютъ видѣть во второмъ всадникѣ

71. Золотая пластина изъ собранія Эрмитажа.

не другое лицо, а того-же охотника, соскочившаго уже съ дерева и на конѣ преслѣдующаго выслѣженную дичь. Здѣсь, какъ въ главной сценѣ всего изображенія, всадникъ съ лошадью и кабанъ представлены въ бо́льшемъ видѣ, чѣмъ въ предшествующей ей, приготовительной, а потому и второстепенной.

Обиліе вставленныхъ въ золото украшеній изъ голубой пасты и розовыхъ коралловъ (черной эмалью исполнены только глаза людей и животныхъ) не дозволили художнику передать всѣ подробности, столь интересной для насъ одежды изображенныхъ варваровъ, но можно утвердительно сказать, что они одѣты въ такія-же рубахи или казакины, можетъ быть, поверхъ кольчуги, какъ и всадникъ изъ массивнаго золота, изображенный выше на рис. 49: одежда съ сердцевид-

нымъ вырѣзомъ на спинѣ, стянута у пояса, короткая. На ногахъ узкіе штаны и доходящія до икоръ ботинки. Руки голыя, украшенныя браслетами у кисти и выше локтя. Всадники вооружены лукомъ; у лѣваго бедра широкій, прямой мечъ съ длинной рукоятью и короткой перекладиной, у праваго — колчанъ. Узда лошади (см. рис. 69) украшена круглыми бляхами (фаларами) и, повидимому, кистью; на головахъ у варваровъ, съ длинными, развѣвающимися кудрями, шапокъ никакихъ нѣтъ; замѣчательно отсутствіе бороды при длинныхъ усахъ.

Вѣроятно, тѣ-же усатые и безбородые варвары представлены на другой парѣ великолѣпныхъ золотыхъ пластинъ, входящихъ въ составъ драгоцѣнной серіи Эрмитажныхъ древностей изъ Сибири. Здѣсь (рис. 71) мы видимъ двухъ спѣшившихся всадниковъ, одинъ изъ которыхъ улегся на землѣ, положивши голову на лоно сидящей женской фигуры въ высокомъ кокошникѣ или тіарѣ; женщина сидитъ подъ деревомъ, принадлежащимъ къ разряду плакучихъ. На одну изъ вѣтокъ этого дерева всадникъ повѣсилъ свой колчанъ или, скорѣе, коритъ, такъ какъ, судя по его формѣ, въ немъ могутъ помѣщаться не только стрѣлы, но также и лукъ. Слуга держитъ, сидя, двухъ лошадей за недоуздокъ. Лошади эти — знакомой намъ по предъидущимъ памятникамъ малорослой съ большою головой породы; хвосты у нихъ заплетены, а гривы подстрижены съ характернымъ выступомъ посрединѣ. Сѣдла на нихъ, повидимому, камышевыя или изъ гнутыхъ прутьевъ, связанныхъ между собою; отъ сѣдла висятъ ремни, вѣроятно, для приторачиванія мелкой дичи.

Эта пластина отличается отъ всѣхъ предъидущихъ тѣмъ, что она отлита изъ золота безъ всякихъ украшеній изъ пасты, стеколъ или коралла.

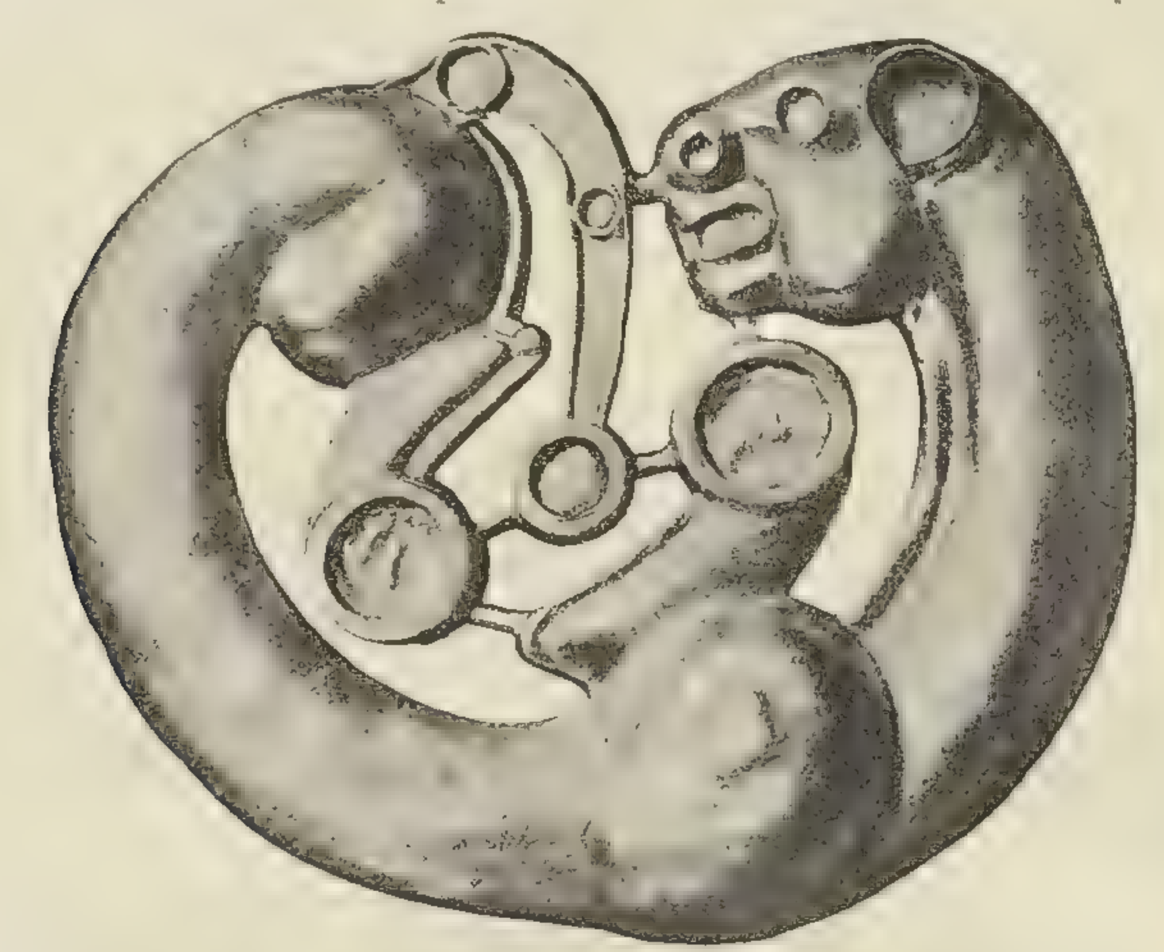
Рядъ Сибирскихъ древностей изъ золота, принадлежащихъ Императорскому Эрмитажу, можно заключить слѣдующей конской бляшкой (рис. 72) и четырьмя предметами неизвѣстнаго назначенія. На круглой золотой массивной бляшкѣ, украшавшей, вѣроятно, конскую уздечку, представленъ олень съ широкой мордой, или скорѣе — лось, терзаемый львомъ или барсомъ; задняя половина тѣла жертвы вмѣстѣ съ ногами выкручена кверху.

72. Золотая бляха того-же собранія.

Подобныхъ пуговицъ плоскихъ, орнаментированныхъ звѣрями и бирюзою, а въ срединѣ яшмою, имѣется въ собраніи четыре. Далѣе, высокихъ коническихъ пуговицъ изъ массивнаго золота, рѣзныхъ, представляющихъ или голову оленя, яка, коня, тигра и пр., или все животное, свернувшееся конькомъ, всего шестнадцать: всѣ по стилю и техникѣ тождественны съ головою лошади (рис. 52). Наконецъ, своего рода драгоцѣнностью собранія и для опредѣленія эпохи сибирскихъ древностей особо важнымъ памятникомъ является пара щитковъ (украшенія узды, возлѣ удилъ?) круглыхъ, литыхъ и рѣзныхъ изъ золота (попер. 13 сантиметровъ): на щитѣ, свернувшійся клубкомъ олень; кругомъ по бордюру четыре раза повторенная группа двухъ

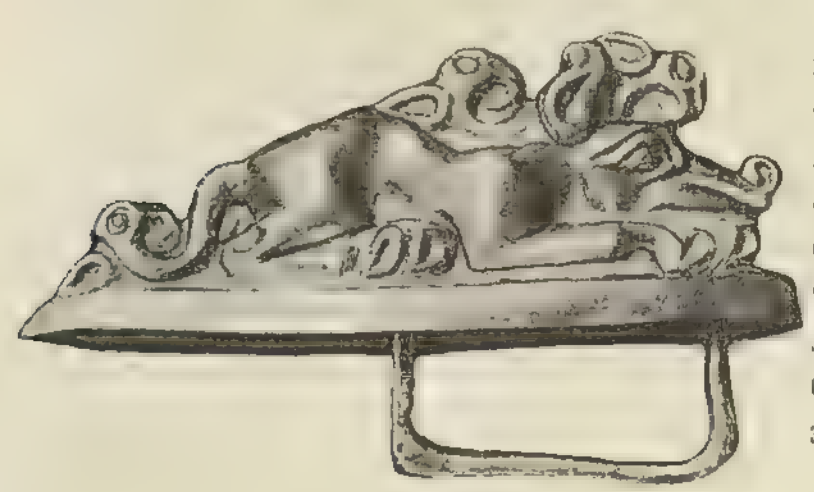
схватившихся животныхъ; рисунокъ фигуръ, перепутавшихся ногъ и изогнутыхъ тѣлъ, безъ того неясный, затемняется окончательно бирюзовыми вставками, которыми осыпанъ весь щитокъ. Предметъ вполнѣ тождественъ съ новочеркасскими

73. Золотое украшеніе узды изъ сибирскаго собранія.

флаконами и слѣдовательно относится ко II—III вѣку по Р. X., такъ какъ самый новочеркасскій кладъ мы должны отнести къ III—IV вѣку по Р. X.

Предметъ, представленный на рис. 73, можетъ быть конскимъ фаларомъ. Неестественно и безобразно вытянутое тѣло съ шеей львицы или барса образуетъ собою почти полный ободъ вертящагося колеса, спицы котораго представлены грубо намѣченными лапами и хвостомъ. Уши, глаза, оконечности лапъ и хвостъ въ трехъ мѣстахъ были украшены цвѣтной пастой, заключенной въ круглыя гнѣзда.

74. Золотая бляха оттуда-же.

Другой (въ 4 экземплярахъ) предметъ (рис. 74), судя по прикрѣпленной внизу большой петлѣ, служилъ украшеніемъ какого либо толстаго ремня или же деревянной вещи. Въ изображенномъ животномъ легко узнать извѣстнаго намъ оленя съ львиными

лапами, съ головами грифоновъ на вѣтвяхъ роговъ и на концѣ хвоста; звѣрь залегъ, какъ-бы въ ожиданіи добычи, готовый къ прыжку.

Изображенная на рис. 75 статуэтка изъ золота служила, можетъ быть, подобно представленнымъ выше, украшеніемъ головнаго убора, но отличается отъ нихъ какъ работою, такъ и величиною и мѣстомъ расположенія дырочекъ, служившихъ къ ея прикрѣпленію; дырочка въ пасти, служила, можетъ быть, для прикрѣпленія колокольчика, какъ на извѣстныхъ вещахъ Чертомлыцкаго кургана (см. вып. II стр. 93). Статуэтка представляетъ крылатое четвероногое съ львиными лапами и съ козлиной головкою.

75. Золотая статуэтка изъ Сибирской коллекціи Эрмитажа.

Тонкая золотая чеканная пластинка (рис. 76) могла служить украшеніемъ палки или какого-либо другаго деревяннаго предмета. На рисункѣ пластинка представлена въ развернутомъ видѣ. Изображенная на ней

76. Золотая пластинка оттуда-же.

сцена, несмотря на грубость исполненія, очень любопытна: нѣсколько воиновъ въ костюмѣ всадника, описаннаго выше (рис. 76), возвращаются изъ удачнаго набѣга. Всѣхъ воиновъ пять и каждый изъ нихъ, повидимому, кромѣ коня, на которомъ онъ сидитъ, ведетъ въ поводу вторую запасную лошадь, какъ это въ обычаѣ у кочевниковъ всѣхъ временъ и странъ при лихихъ набѣгахъ. Лошади знакомой намъ больше головой, горбоносой и низкорослой породы. Къ холкѣ за-

пасной лошади перваго всадника привязанъ трофей — висящая внизъ отрубленная голова врага, которую, можетъ быть, воинъ насадитъ, вернувшись, на длинный шестъ, по извѣстному скиѳскому обычаю, надъ дымовымъ отверстіемъ своей юрты. Второй всадникъ вооруженъ копьемъ съ длиннымъ и широкимъ наконечникомъ; вооруженія двухъ слѣдующихъ воиновъ нельзя разглядѣть, а послѣдній натягиваетъ короткій лукъ.

Количество древнихъ бронзъ въ Сибири велико, особенно по Енисею, гдѣ оно, по сравненію съ другими вещами, обратило вниманіе путешественниковъ и ученыхъ прошлаго вѣка. На востокъ бронзъ попадается меньше, на западѣ же онѣ переходятъ за Уралъ и въ губ. Пермской и Вятской образуютъ оригинальную группу, весьма сходную и тѣсно связанную съ сибирскими древностями. Древности Сарая на берегу Ахтубы показываютъ, что культура Волги стояла издревле въ связи съ бронзовою культурою Сибири, а черезъ нее съ древностями Кавказа. Геродотовское замѣчаніе о господствѣ бронзы въ утвари и оружіи племенъ, кочевавшихъ въ Средней Азіи (Массагетовъ), можетъ быть подтверждено, если окажется такое-же сходство между бронзами Средней Азіи и Сибири, подобно тому, какъ оно наблюдается въ золотыхъ вещахъ.

77. Литая изъ желтой мѣди бляха, найденная въ Кузнецкомъ округѣ.

При всемъ необычайномъ обиліи предметовъ и разнообразіи бронзовыхъ древностей ясно выступаетъ сходство съ типомъ золотыхъ вещей Сибири, Средней Азіи и Донской области и звѣриный орнаментъ, сближающій эти бронзы съ варварскими древностями юга Россіи, Кавказа и западной Европы.

Въ первомъ отношеніи особенно интересны ажурныя бляхи, вполнѣ подходящія по стилю и назначенію къ вышеописаннымъ золотымъ пластинамъ. Рядъ такихъ бляхъ хранится въ музеѣ сибирскаго университета. Примѣромъ можетъ служить изображаемая на рис. 77 бляха, найденная въ Кузнецкомъ округѣ. Способъ застежки ремешкомъ, продѣваемымъ подъ рамку и цѣплявшимъ за особый шпенекъ, позволяетъ предположить, что застежка принадлежала плащу или буркѣ,

такъ что грудь давала достаточно мѣста для большихъ и тяжелыхъ золотыхъ бляхъ. Стиль бляхи тотъ-же, что и золотыхъ вещей этого типа, но грубѣе, что̀ обусловливается матеріаломъ; углубленія на каймѣ и характерныя вырѣзки на ногахъ и хвостѣ подражаютъ гнѣздамъ для вставной бирюзы или камней и эмали въ золотыхъ вещахъ. На другой бляхѣ, отломанной посрединѣ, найденной близь Тобольска, изображенъ также буйволъ. Еще одна поломанная бляха столь грубой работы, что трудно разобрать животныхъ: повидимому, два двугорбыхъ верблюда, нагнувшихся къ кусту (рис. 78).

78. Бронзовая бляха изъ собранія Сибирскаго Университета.

Орнаментація сибирскихъ бронзъ вообще состоитъ изъ животныхъ или звѣринаго орнамента, что̀ тѣсно сближаетъ ихъ съ древностями скиѳо-сарматскими и бронзами Кавказа. Такъ, на бронзовомъ топорѣ Минусинскаго музея, найденномъ близь деревни Юдиной, обухъ имѣетъ видъ головы хищной птицы съ круто загнутымъ клювомъ, напоминающей бронзовыя украшенія удилъ изъ Нимфеи (см. рис. 64 вып. I), золотую бляшку въ видѣ птичьей головы изъ кургана бл. Акмечети (вып. II рис. 108, неправильно названа улиткою), и еще болѣе золотую пластинку изъ Каневскаго уѣзда Кіевской губерніи. Птичья голова инаго типа, съ длиннымъ клювомъ, обычнаго на древностяхъ западной Европы, встрѣчается на бронзовыхъ ножахъ изъ енисейской степи. На рукоятяхъ кинжаловъ часто помѣщаются головы ушатыхъ птицъ съ кривыми носами, которыя украшаютъ рога фантастическихъ животныхъ сибирскихъ золотыхъ бляхъ; равно горные козлы и олени, столь-же любимые и въ орнаментѣ скиѳо-сарматскихъ кургановъ и кавказскихъ могильниковъ. Олени изображаются лежащими съ подогнутыми ногами, какъ на вещахъ южной Россіи. На золотыхъ бляхахъ кургана бл. Лихачевки, Харьковской губ., изображены лежащіе въ той-же позѣ горные козлы; они-же встрѣчаются на бронзахъ Кавказа и на вещахъ Средней Азіи (рис. 110 и 111 II вып.).

Тяжелый стиль звѣринаго орнамента на сибирскихъ бронзахъ подходитъ къ стилю золотыхъ сибирскихъ бляхъ, золотыхъ вещей Донской области и пр.: въ находкахъ Лихачевки верхній край двухъ колчановъ украшенъ былъ рядомъ лежащихъ хищныхъ звѣрей съ лапами и хвостами въ видѣ птичьихъ головъ съ кривыми клювами. Звѣри сибирскаго типа находятся на ременной бляхѣ отъ колчановъ, на золотой гривнѣ изъ Терской обл. (принадлежащей графинѣ П. С. Уваровой) и на рукояткахъ бронзовыхъ ножей съ верховьевъ Енисея, равно какъ и на золотыхъ сибирскихъ бляхахъ. Такое широкое распространеніе изображеній однихъ и тѣхъ-же звѣрей, одного стиля, въ формахъ, подвергшихся уже сильному измѣненію въ частомъ орнаментальномъ употребленіи ихъ, позволяетъ считать типъ происходящимъ изъ общаго источника.

*

Область распространенія этого типа столь-же обширна, какъ и бронзовыхъ котловъ «скиѳскаго» типа, отъ Минусинска, Томска, Семипалатинска до Волги, сѣвернаго Кавказа и южной Россіи (рис. 79).

Эпоха сибирскихъ древностей Эрмитажа можетъ быть опредѣлена только анализомъ ихъ художественнаго стиля. Изъ ихъ описанія и описанія древностей Сибири, открытыхъ въ разное время, мы могли убѣдиться, что большинство ихъ относится къ разряду наиболѣе типичныхъ древностей Сибири и представляетъ множество повтореній и варіантовъ. Мы не можемъ поэтому полагать, чтобы предметы эти были продуктомъ ввоза изъ чуждой страны; тѣмъ болѣе въ этомъ насъ убѣждаетъ небывалая массивность золотыхъ предметовъ, невозможная для предметовъ торговли.

79. Бронзовый котелъ изъ западной Сибири.

Но если мы должны принимать туземность происхожденія означенныхъ предметовъ,— почему этотъ типъ древностей и можно называть урало-алтайскимъ, — то иныя историческія заключенія получаемъ по вопросу объ источникахъ и мѣстѣ возникновенія этихъ типовъ. Начиная съ перваго и наиболѣе замѣчательнаго предмета — большаго султана въ видѣ хищной птицы, уносящей дикаго козла, мы находимъ источники этого типа въ искусствѣ болѣе культурныхъ племенъ. Его сюжетъ относится столько-же къ степямъ Средней Азіи и плоскогоріямъ Персіи, сколько къ горамъ Кавказа и Алтая. Но этотъ сюжетъ взятъ здѣсь какъ привычная декоративная форма, изученная мастерами въ искусствѣ Ассиріи и Персіи. Мастеръ воспользовался сюжетомъ, чтобы сдѣлать великолѣпный султанъ, подобный коронамъ съ головами орловъ и животныхъ надъ челомъ, какія мы видимъ на монетахъ царей сасанидскихъ. Форма птичьей шеи въ типѣ грифона и ея красивый изгибъ указываютъ намъ на классическій оригиналъ. И, однако-же, это золотое украшеніе, какъ восточный султанъ, можетъ принадлежать только странѣ Востока: Персіи, Индіи, Средней Азіи. Въ основаніи тема вполнѣ реальна: видно, какъ аргаль одною свободною ногою бьетъ по землѣ, чтобы подняться; но его крѣпко прижимаетъ хищникъ мощными когтями, и задъ звѣря въ судорогахъ выгнулся навыворотъ и бьетъ ногами по крыльямъ. Послѣдняя черта даже натуралистична, т. е. держится натуры, въ предѣлахъ извѣстной черты, составившей стиль. Такой-же стильный характеръ имѣетъ орнаментація бедеръ звѣря. Натурализмъ должно отнести къ восточному типу; извѣстное изящество формы достигнуто усвоеніемъ классической манеры, но мастеръ передалъ эту изящную форму грубо, рѣзко, деревянно: мускулы нарублены здѣсь такъ, какъ если-бы, дѣйствительно, работа была исполнена на деревѣ. По этимъ признакамъ мы имѣемъ передъ собою искусство эпохи послѣ Александра Македонскаго. На то-же указываетъ орнаментація предмета. Грудь и крылья орла были орнаментированы красными, а также и голубыми стеклами, вставленными въ перегородки. Очевидно, что въ вопросахъ цвѣта здѣшнее искусство отходитъ далеко отъ природы и не желаетъ сообразоваться съ дѣйствительностью:

цвѣтъ долженъ удовлетворять особымъ цѣлямъ чисто декоративнаго свойства. Предметы, инкрустированные цвѣтными, преимущественно гранатовыми стеклами, составили, какъ увидимъ, крупный типъ, существовавшій въ европейскомъ варварскомъ искусствѣ въ періодъ съ конца II-го до Р. X. по VII столѣтія включительно. Азіатскій оригиналъ этого типа предполагается въ Персіи. Хвостъ раздѣланъ отдѣльными перьями, и тоненькіе перышки въ промежуткахъ, имѣющіе сизый отливъ воронова пера, были исполнены прежде такъ: сдѣланъ желобокъ, въ немъ четыре золотыя скобочки; отъ одной до другой по желобкамъ были вставлены валики изумруда, дававшіе требуемый отливъ. Эта декорація, ставшая столь употребительною впослѣдствіи — въ VI — IX вѣкахъ — въ Византіи и на Западѣ, осталась неизвѣстною варварскому искусству Европы. Происходя, видимо, изъ Сибири, гдѣ изумрудъ, естественно находимый въ видѣ длинныхъ цилиндриковъ, и доселѣ играетъ видную роль въ украшеніяхъ, эта орнаментація была знакома долго лишь Азіи, и между предметами варварской древности, найденными въ Европѣ, она оказывается только на вещахъ знаменитаго клада изъ Петросы, близъ Букарешта.

Именно въ кладѣ Петросы находимъ два предмета, наиболѣе близкіе къ нашему орлу: двѣ большія пышныя фибулы изъ золота, сплошь инкрустированныя гранатами и лапись-лазули; тѣло птицы представляется здѣсь круглымъ щиткомъ фибулы; къ щитку на нѣсколькихъ шарнирахъ придѣланъ овалъ — шея птицы и выше голова коршуна или другаго хищника; хвостъ подвижной на шарнирахъ оканчивается внизу цѣпочками съ гремящими желудками или репейками. Форма предмета, какъ видно, далеко отошла отъ натуры сюжета, но голова осталась крайне натуральною: она тождественна съ птичьею головою на шлемѣ сына царя Варахрана I и царя Гормизды на монетахъ.

Изображенія орла, оленя, лани въ статуэткахъ превосходной работы, быть можетъ, копіи издѣлій греко-бактрійскаго искусства, напоминаютъ всего болѣе керченскія золотыя вещи. Напротивъ того, пара серегъ съ прыгающимъ животнымъ (рис. 48), ноги котораго сдѣланы изъ проволоки, болѣе грубаго, явно туземнаго издѣлія. Для насъ особенно важно, что орелъ, держащій въ когтяхъ лебедя, покрытъ былъ нѣкогда весь *бирюзовою инкрустаціею*, совершенно такъ, какъ и доселѣ въ Средней Азіи набираютъ ножны сабель бирюзою. Край хвоста, гдѣ скобочки, былъ набранъ крохотными изумрудными валиками.

Всадникъ долженъ наиболѣе напоминать намъ скиѳскія фигуры того-же рода, и сравненіе ясно указываетъ намъ въ этомъ варварѣ его особенности: его легкая и преувеличенно стройная фигура подражаетъ, какъ идеалу, типу Перса, и, повидимому, изображаетъ намъ Парѳянина; лошадь всадника среднеазіатскаго типа; костюмъ и уборъ персидскіе.

Большинство гривенъ имѣетъ греко-восточный характеръ. Сухая персидская манера въ ползущемъ львѣ рисунка 50 копируетъ, очевидно, древневосточный, быть можетъ, ассирійскій оригиналъ. По стилю гривенъ, сибирская коллекція должна быть нѣсколько позже другихъ образцовъ, — приблизительно I-го вѣка по Р. X.: такъ велика сухость и схематичность всѣхъ деталей движенія и мускулатуры.

Переходъ растительнаго завитка или волюты въ птичью голову на рисункѣ 53 даетъ намъ древнѣйшій образецъ той орнаментаціи всякаго рода предметовъ варварскаго убора (въ такъ назыв. меровингскихъ древностяхъ) на Кавказѣ, по Дунаю, Рейну, во Франціи и Англіи птичьею головою. Столь-же важное значеніе для варварской орнаментики въ Европѣ имѣетъ здѣсь присутствіе ящера или дракона.

Въ любопытномъ, но крайне сложномъ вопросѣ о золотыхъ сибирскихъ пластинахъ, три пластины съ кабаномъ и удавомъ играютъ важную роль. Онѣ болѣе всего напоминаютъ рѣзьбу на деревѣ, инкрустація въ нихъ весьма ограничена, и всѣ три пары оказываются разными. Первая пара грубѣйшей работы сдѣлана изъ электра, отлита, не рѣзана и не шлифована. Вторая того-же рисунка лучшей, но зато схематической манеры и мертвеннаго характера, и наконецъ третья пара великолѣпной работы и необыкновенно жизненнаго характера. Присутствіе удава указываетъ на индійское происхожденіе сюжета и, можетъ быть, лучшаго оригинала; сюжетъ получилъ, однако, въ послѣдствіи общее значеніе въ восточномъ искусствѣ, судя по сценѣ битвы льва со змѣею, нарисованной на сталактитовомъ плафонѣ Палатинской капеллы въ Палермо. Любопытно, что въ этой сценѣ мы наблюдаемъ тотъ-же вывертъ тѣла, который является столь характернымъ въ сибирскихъ древностяхъ. Особенно любопытно обстоятельство, что наиболѣе грубо исполненная пара пластинъ сдѣлана изъ электрона, бѣлаго золота, которое добывается въ натуральномъ видѣ на Алтаѣ и играло, повидимому, крупную роль въ системѣ денежныхъ знаковъ Востока; оно получалось потомъ на Западѣ посредствомъ сплава золота съ $^1/_3$ серебра.

Декоративный сюжетъ двухъ драконовъ по сторонамъ ползучаго растенія, повторенный въ десяти пластинкахъ, является культурнымъ заимствованіемъ варварскаго искусства. Очевидно этотъ сюжетъ первоначально долженъ былъ примѣняться къ украшенію большихъ архитектурныхъ полей, напр. прорѣзныхъ баллюстрадъ и перилъ на лѣстницахъ и террасахъ, крылецъ и балконовъ. Въ видѣ миніатюрной схемы сюжетъ этотъ лишенъ настоящаго декоративнаго смысла. Мы видимъ здѣсь трельяжъ ползучаго растенія, пущеннаго по рамкѣ; въ серединѣ пропущена плодоносная вѣтка. Такого рода декоративные трельяжи, подъ условнымъ названіемъ древа жизни или парадиза, знаемъ во множествѣ въ Ассиріи и въ искусствѣ Персіи.

Въ сибирскихъ древностяхъ встрѣчаемъ одинъ, но весьма характерный случай (рис. 59) изображенія на самомъ тѣлѣ животнаго другихъ животныхъ или ихъ головъ, и если образцы подобной уродливости знаемъ еще въ скиѳскихъ древностяхъ южной Россіи (вып. II, рис. 126), то въ настоящемъ случаѣ мы встрѣчаемся съ примѣромъ уже привычной и безсмысленной декораціи, которая потомъ распространяется по всему варварскому искусству.

Мы имѣемъ цѣлый рядъ замѣчательныхъ картинъ изъ жизни животныхъ, переданныхъ съ тѣмъ паѳосомъ, какой знаемъ въ искусствѣ послѣ времени Александра и который, въ существѣ дѣла, принадлежитъ пробудившемуся вновь восточному искусству. Несомнѣнно, что сибирскій мастеръ, если только онъ былъ туземецъ, а не пришлый издалека, воспользовался здѣсь уже готовыми художественными

композиціями. Мы видимъ это въ неизмѣнно одинаковой постановкѣ звѣря-побѣдителя, въ спокойной позѣ стоящаго на всѣхъ четырехъ ногахъ передъ своими врагами, въ то время, какъ враги нападаютъ на него, вскакивая передними ногами на шею и терзая его съ боковъ. Композиція установлена еще древневосточнымъ искусствомъ и передана искусству античному.

Подобныя картины мы встрѣчаемъ на Востокѣ, въ Персіи и въ Индіи. На жезлѣ магараджи Манъ Синга Джейпурскаго († 1615), украшенномъ эмалевою живописью, мы встрѣчаемъ какъ разъ тѣ-же сцены, тотъ-же жанръ и вкусъ и даже сохраненные отъ древняго искусства типы и пріемы. Здѣсь видимъ охоту въ болотахъ на кабана, поиски тигра на берегу рѣки, схватку его съ кабаномъ, охоту на ланей, нападенія тигра, схватки его-же съ слономъ, стада журавлей и аистовъ у рѣки, или ловящихъ рыбу и лягушекъ въ стоячихъ водахъ. Особенно характерно, что мастеръ и здѣсь часто прибѣгаетъ къ пріему представлять звѣря съ вывороченнымъ задомъ, когда онъ раненъ и крутится или нападаетъ на другаго.

Очевидно, наконецъ, что мы нигдѣ не найдемъ столь пышнаго и царски изукрашеннаго личнаго и конскаго убора, какъ въ сибирскихъ древностяхъ. Уже клады Петросы, въ Румыніи и Венгріи отличаются сравнительно бѣдностью и простотою: роскошь перенесена тамъ уже на посуду и утварь. Варварскія же древности Европы представляютъ бѣдныя фабричныя издѣлія сравнительно съ этими удивительными предметами.

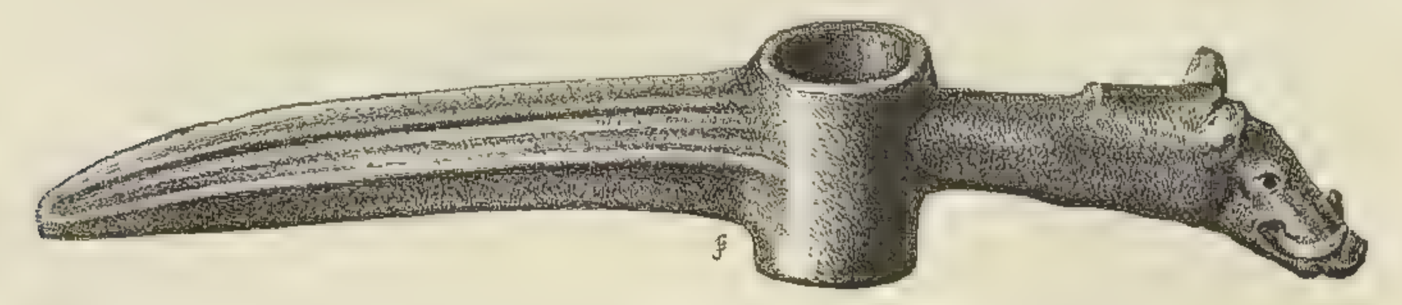
Сибирскія древности даютъ намъ высшій образецъ приложенія искусства къ конскому убору: мы разбираемъ здѣсь рядъ предметовъ, какъ рядъ живописныхъ сценъ; эти картины выполнены въ массивномъ золотѣ. Мало того: предметы собственно личнаго убора здѣсь блѣдны сравнительно съ конскимъ. Извѣстны массивныя гривны, цилиндрическая діадема, съуживающаяся кверху, изъ трехъ спиралей, съ поясами гранатъ и бирюзы и четырьмя ползущими на верху тиграми, подобная діадемѣ новочеркасской, но главный видъ предметовъ, явно, относится къ конскимъ уборамъ.

Судя по этимъ памятникамъ, народъ, которому эти уборы принадлежали, былъ наѣздническимъ, владѣлъ отличною степною породою лошадей, былъ, вѣроятно, въ данную эпоху полукочевымъ, полуземледѣльческимъ или жилъ какъ орда на военномъ положеніи. Если вѣрно, что Массагеты или великіе Геты, Юейчи китайскихъ лѣтописей, и были тѣмъ скиѳскимъ народомъ, который въ эпоху, близкую къ Рождеству Христову, простеръ свое владычество отъ Китая черезъ всю Среднюю Азію до сѣверной Индіи, то возможно будетъ объяснить связь варварской орнаментаціи съ китайскими памятниками. Здѣсь мы находимъ то-же стремленіе покрыть всю поверхность предмета животными безъ всякаго отношенія ихъ фигуръ къ формѣ самаго предмета и соблюденія правилъ перспективы, а равно и границъ пластики и живописи, изображенія и декораціи. Тотъ-же принципъ орнаментики, свойственный китайскому искусству, можно считать занесеннымъ въ Европу путемъ переноса восточныхъ оригиналовъ, и яркое свидѣтельство этого переноса представляетъ новочеркасскій кладъ, котораго стиль и самая техника тождественны съ лучшими предметами древностей Сибири.

Распространеніе того-же типа древностей, хотя въ грубыхъ копіяхъ, наблю-

дается на крайнемъ сѣверномъ предѣлѣ, въ нынѣшней Перми, гдѣ этотъ типъ уцѣлѣлъ вплоть до занятія края русскими.

При недостаткѣ историческихъ данныхъ о древней Біарміи и ея торговомъ значеніи на сѣверѣ, остается ожидать пособій отъ одной лишь археологіи. Подземная Пермь можетъ еще воскресить древнюю Біармію. Издѣлія схороненныя

80. Бронзовая кирка изъ Ананьинскаго могильника.

въ ея курганахъ и могилахъ, городища и рядъ кладовъ съ монетами того вѣка, къ которому преданія относятъ процвѣтаніе древней Біарміи, даютъ намъ точныя указанія.

Въ 1846 году въ имѣніи графа С. Г. Строганова, въ Соликамскомъ уѣздѣ, близъ береговъ рѣки Камы, найденъ былъ весьма примѣчательный кладъ, состоявшій исключительно изъ серебряныхъ монетъ сасанидскихъ V и VI вѣка по Р. Х. и изъ серебряной чаши, покрытой неизвѣстными Средне-азіатскими письменами. Монеты принадлежатъ тремъ государямъ — Ездигерду II, Кобаду и Хозрою II, царствовавшимъ отъ 441 по 594 годъ послѣ Р. Х.

Въ 1851 году, въ южной части Пермской губерніи, именно въ Красноуфимскомъ уѣздѣ, близь деревни Шестаковой и берега рѣки Иргина, вырытъ былъ новый, столь-же замѣчательный кладъ, доставленный въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ начальникомъ губерніи. Онъ состоялъ изъ серебрянаго кувшина вѣсомъ въ 2½ фунта, серебрянаго искусно витаго жгута съ застежками, того-же металла подвѣсокъ и серегъ, обломковъ отъ золотыхъ перстней, ожерелій изъ бусъ горнаго хрусталя, сердолика и другихъ камней и болѣе чѣмъ изъ 20 монетъ сасанидскихъ, византійскихъ и индо-бактрійскихъ, пятаго, шестаго и начала седьмаго вѣка по Р. Х Древнѣйшая изъ этихъ монетъ — сасанидская, половины V вѣка; новѣйшія — императора Ираклія и сына его Ираклія-Константина, 613—614 годовъ.

Едва-ли можно приписать слѣпому случаю, что монеты одной и той-же эпохи, отъ половины V до начала VII вѣка, чеканенныя притомъ въ различныхъ краяхъ: въ Восточной Римской Имперіи, въ Персіи и сѣверной Индіи, зашли именно на берега Камы и Иргина, въ Біармію.

По берегамъ Волги и Камы, и въ особенности въ Пермской губерніи, въ обширныхъ фамильныхъ владѣніяхъ графовъ Строгановыхъ, въ теченіи ста лѣтъ собрано значительное число серебряныхъ сосудовъ, изъ которыхъ большая часть хранится въ Императорскомъ Эрмитажѣ и въ собраніи гр. Строганова. По работѣ, ихъ можно признать греко-римскими, послѣдняго времени существованія классическаго искусства, византійскими, персидскими временъ Сасанидовъ, арабскими или вообще восточными, за невозможностью достовѣрно опредѣлить землю или

народъ, или наконецъ варварскими. Поэтому очевидно, что съ конца классической эпохи, въ теченіи среднихъ вѣковъ, существовали дѣятельныя торговыя сношенія Пермскаго края съ Востокомъ и Западомъ, при чемъ главнымъ путемъ служили Кама и Волга, и затѣмъ отъ устій этой послѣдней рѣки — съ одной стороны Каспійское море, для сношеній съ Персіею, а съ другой стороны Черное море, для сношеній съ Византіею.

Сколько доселѣ извѣстно, ни одно изъ художественныхъ произведеній, о которыхъ идетъ рѣчь, не восходитъ ко времени ранѣе II-го или III-го вѣка по Р. Х. Однако и тѣ, которыя относятся къ этой поздней порѣ греческо-римскаго искусства, лишь въ гораздо позднѣйшее время попали, если не всѣ, то, конечно, большая ихъ часть, въ тѣ страны, въ которыхъ они найдены, такъ какъ византійскія клейма нѣкоторыхъ могли быть наложены только въ то время, когда эти сосуды находились въ Византіи или, по крайней мѣрѣ, въ предѣлахъ Византійской имперіи. Къ сожалѣнію, эти клейма оттиснуты большею частью весьма небрежно и поэтому съ трудомъ могутъ быть разобраны, а иныя и совершенно неразборчивы. На серебряныхъ сосудахъ, сдѣланныхъ въ Персіи во времена Сасанидовъ, конечно, никогда не встрѣчается этихъ византійскихъ клеймъ, такъ какъ они доходили къ намъ черезъ Каспійское море; но и въ нихъ точку опоры для опредѣленія времени даетъ костюмъ изображенныхъ лицъ, кто бы они ни были, цари ли, которые совершенно такимъ-же образомъ изображены на монетахъ, или другія значительныя личности того-же времени.

81. Бронзовая фигурка орла, клюющаго въ голову какое-то животное, найденная въ Пермской губерніи.

Странное на первый взглядъ нахожденіе въ глухой Перми высоко-художественныхъ издѣлій, попавшихъ туда, конечно, путемъ торговли, можно нѣсколько объяснить особымъ спросомъ на нихъ. Блюда изъ листоваго серебра имѣли, повидимому, какое-то особое религіозное значеніе у нѣкоторыхъ сѣверныхъ племенъ; такъ напр. у Остяковъ въ «храмѣ, посвященномъ ...Мастеръ Лопгу, стоитъ большой мѣшокъ, посрединѣ сего мѣшка привязана серебряная тарелка дномъ къ мѣшку, а углубленіемъ наружу» (Краткія записки о жителяхъ Березовскаго уѣзда, доставленныя въ 1826 году тобольскому архіепископу). Въ 1876 Финшъ и Бремъ видѣли у Веспугла на низовьяхъ Оби «большаго шайтана», котораго описываютъ такимъ образомъ: «въ лѣсочкѣ изъ ивъ торчала связка фута 4 длиною, въ видѣ муміи, обернутой въ красное тряпье съ лентами, и надъ нею были укрѣплены четыре металлическія тарелки. Двѣ большія, оловянныя, были европейскаго происхожденія: по краямъ ихъ изображена английская азбука, а въ

срединѣ на одной портретъ Викторіи и Альберта, а на другой — Оскара и Жозефины... Другія двѣ тарелки имѣли по $3^1/_2$ дюйма въ діаметрѣ; онѣ казались серебряными, въ срединѣ одной было изображеніе оленя, на краю человѣкъ въ длинной шубѣ съ лукомъ въ рукахъ, готовый выстрѣлить, а передъ нимъ собака, преслѣдующая волка. Эта очень грубо-очерченная фигура была вырѣзана и затѣмъ отчеканена. На другой тарелкѣ въ срединѣ былъ изображенъ лось, а по краямъ такія-же фигуры. Очевидно, это были антики... хотя на нихъ поставленъ 1832 и 1833 годъ, но на такихъ тарелкахъ часто выставляютъ позднѣйшій годъ...»

Итакъ, по всему, что доселѣ извѣстно, мы можемъ признать, что упомянутыя выше торговыя сношенія Пермскаго края развились уже по основаніи Византійской имперіи, и съ той поры, хотя и съ перерывами и въ различной формѣ, продолжались въ теченіи среднихъ вѣковъ. Обитатели тѣхъ-же странъ украшали пріобрѣтенныя ими изъ дальнихъ мѣстъ художественныя сокровища прибавками собственнаго своего изобрѣтенія, но эти прибавки на блюдѣ ограничивались грубо нацарапанными фигурами.

Къ греко-римскому отдѣлу относятся слѣдующіе серебряные сосуды:

1. Блюдо изъ массивнаго серебра съ изображеніями чеканной работы: алтарь, украшенный гирляндою, и на немъ плетеная корзина; передъ нимъ колѣнопреклоненная женская фигура, которая правою рукою приподнимаетъ крышку корзины, а въ лѣвой держитъ кантаръ, поднося его большой, выползающей изъ корзины змѣѣ; это греко-римская работа, относящаяся приблизительно ко II-му столѣтію по Р. Х.; содержаніе представляетъ кормленіе змѣй при орфическихъ таинствахъ.

2. Блюдо Императорскаго Эрмитажа; на лицевой сторонѣ — Мелеагръ и Аталанта, охотящіеся на зайца; на оборотной — пять византійскихъ клеймъ; (см. рис. 82).

3. Ковшъ Императорскаго Эрмитажа, найденный въ Пермской губерніи; на внутренней сторонѣ по бордюру изображеніе Нила съ водящимися въ немъ животными, рыбами и птицами и въ среднемъ медальонѣ — ниломѣра; на нижней сторонѣ четыре византійскихъ клейма;

4. Блюдо въ собраніи гр. Строганова, найденное въ Пермской губерніи въ 1780 году; внутри изображеніе спора изъ-за Ахиллесова оружія; снаружи — растительные орнаменты съ птицами.

5. Ковшъ въ собраніи кн. М. А. Оболенскаго, найденный въ Пермской губерніи; на главной сторонѣ — изображеніе рыбной ловли въ присутствіи Посидона; на оборотной — пять византійскихъ клеймъ.

6. Блюдо изъ Перми, поступившее въ 1888 г. въ Императорскую археологическую коммиссію, чеканное, безъ позолоты; чеканный листъ наложенъ на самое блюдо. Работа прекраснаго и свободнаго рисунка, но крайне спѣшная или неоконченная. Въ срединѣ юный Вакхъ сидитъ верхомъ на пантерѣ, сзади вакханка трубитъ въ рогъ. Кругомъ въ медальонахъ переднія части быка, лошади, льва, а въ промежуткахъ бьющійся гладіаторъ.

7. Въ 1878 г. изъ Пермской губ. поступило въ собраніе гр. Строганова блюдо, состоящее изъ двухъ спаянныхъ серебряныхъ листовъ. Чеканная работа указываетъ на II или III по Р. Х. Изображенъ старый нагой Силенъ, который, при-

плясывая, несетъ на плечахъ мѣхъ съ виномъ; на ногахъ Силена кожаныя ногавицы. Передъ нимъ бѣжитъ Менада въ безрукавномъ хитонѣ и звонитъ въ колокольчикъ; внизу гроздь и подушка съ колокольчикомъ. На оборотѣ пять византійскихъ клеймъ.

82. Серебряное блюдо изъ Пермской губерніи, съ изображеніемъ Мелеагра и Аталанты, въ Эрмитажѣ.

8. Любопытно для сравненія блюдо, найденное въ Кабулистанѣ, въ окрестностяхъ Джелаллабада, нынѣ въ индійскомъ отдѣленіи Кенсингтонскаго музея. Работы тождественной съ шестымъ номеромъ. Сцена представляетъ Вакха, полулежащаго въ колесницѣ, съ патерою въ рукѣ, окруженнаго эротами; одинъ изъ нихъ взмостился на передокъ и держитъ бичъ. Колесницу везутъ мужчина въ нимбѣ и женщина, одѣтая въ индусскій костюмъ. Сзади свита. Внизу въ обрѣзѣ пантера старается пить изъ кратера.

Къ отдѣлу сасанидскому относятся:

9. Блюдо Императорскаго Эрмитажа (рис. 83); на лицевой сторонѣ сасанидскій царь верхомъ, колетъ рогатиной нападающаго на него льва; конь топчетъ другаго льва, поверженнаго на землю. Черты лица и особенности всей головы всадника переданы условно, хотя съ очевиднымъ умѣніемъ изобразить реальный ихъ характеръ.

83. Серебряное блюдо съ изображеніемъ Сасанидскаго царя, въ Эрмитажѣ.

Волосы головы и бороды представлены завитыми; усы изображены лишь двумя линіями, но и они очевидно или завиты, или вьются отъ природы. Глаза царя непропорціонально велики, но выработаны довольно тщательно: обозначены и верхнія, и нижнія вѣки, и двумя концентрическими кружками зрачекъ. На головѣ царя надѣта круглая (матерчатая?) шапка, изъ-подъ которой выбиваются волосы, сзади довольно большой копной, а спереди надъ лбомъ въ видѣ узкой полосы,

и, можетъ быть, здѣсь подстрижены «въ кружокъ». Головной уборъ состоитъ изъ круглой низкой тульи, украшенной тремя розетками. По обѣ стороны тульи находятся придатки, похожіе на крылья о пяти и о четырехъ перьяхъ. Въ ухѣ — серьга въ видѣ палицы.

Въ общемъ, голова фигуры непропорціонально велика, сравнительно со всѣмъ корпусомъ. Голова царя окружена нимбомъ, который, по недостатку мѣста, сплющенъ и представляетъ собою овалъ.

Царь облеченъ въ длинную одежду, близко прилегающую къ тѣлу до пояса; поверхъ этой одежды накинуто оплечье съ низко вырѣзаннымъ круглымъ воротомъ. Рукава широкія и длинныя. Царь туго опоясанъ узкимъ поясомъ, и конецъ его, очень широкій и длинный, развѣвается позади фигуры. Ноги царя обуты въ тѣсно прилегающую къ ногѣ обувь, вѣроятно мягкую, вродѣ чевяковъ.

Лошадь, съ чрезвычайно крупными и тяжелыми формами, сильнаго сложенія. Шея изогнута; голова, сравнительно, небольшая; грива и хвостъ не заплетены и, повидимому, не подрѣзаны; челка очень длинная. Сбруя состоитъ изъ сѣдла, небольшаго, напоминающаго собой нынѣшнее англійское; подъ нимъ большой круглый чепракъ, украшенный такими-же розетками, какъ головной уборъ, и отороченный такой-же каймою, какъ верхняя часть одежды царя. Кромѣ того, видны подхвостникъ и нагрудникъ; къ нимъ прикрѣплено на цѣпочкахъ 6 крупныхъ бубенцовъ — два къ нагруднику и четыре къ подхвостнику; трое изъ этихъ бубенцовъ круглой формы, а три — съ выемкой. Отъ лѣвой стороны подхвостника перекинута на правую сторону его, на крупѣ лошади, цѣпочка, къ которой прикрѣплены двѣ большія остроконечныя кисти, вѣроятно матерчатыя, въ металлической, изукрашенной кружками оправѣ; такая-же кисть прикрѣплена къ срединѣ нагрудника. Лошадь зануздана уздечкой, и на головѣ обозначены налобникъ, переносокъ, нащечникъ (отъ налобника къ переноску) и подщечникъ (застежный); всѣ эти части узденицы обозначены мелкими кружками, указывающими, вѣроятно, на то, что онѣ состоятъ изъ металлическихъ цѣпочекъ.

Царь колетъ охотничьей рогатиной, съ толстымъ короткимъ древкомъ, льва, поднявшагося на заднія лапы. Царь держитъ рогатину обѣими руками; та часть копья, которая должна была бы находиться передъ лицомъ, не изображена, очевидно для того, чтобъ не перекрещивать ею лица. Къ верхнему концу рогатины прикрѣпленъ кусокъ матеріи, въ видѣ вымпела, съ развѣвающимися концами. Подъ копытами лошади лежитъ другой левъ, который представленъ извивающимся отъ боли: задняя часть его тѣла прижата къ землѣ копытами лошади, а верхняя повернута кверху, съ поднятыми лапами. Оба льва трактованы вполнѣ одинаково — съ короткими, но густыми гривами, съ сильно развитой мускулатурой; обозначены и нѣкоторыя отдѣльныя партіи волосъ. Предметъ неправильной формы между львами долженъ изображать скалу, и такимъ образомъ, вся сцена представляетъ охоту на львовъ въ скалистой мѣстности.

10. Блюдо Императорскаго Эрмитажа (рис 84); на главной сторонѣ всадникъ на львиной охотѣ, одѣтый подобно тому, какъ изображаютъ царей, обозначаемыхъ именемъ Варахранъ.

Лицо царя и верхняя часть туловища изображены почти впрямь. Волосы на

головѣ волнистые, не слишкомъ длинные, съ проборомъ посрединѣ и сдерживаются на головѣ узкой повязкой, украшенной рядомъ кружковъ. Лицо всадника круглое, съ прямымъ, довольно большимъ носомъ. Глаза очень большіе и круглые, надбровный мускулъ очень сильно обозначенъ. Борода коротко остри-

84. Серебряное блюдо съ изображеніемъ Персидскаго всадника, въ собраніи Эрмитажа.

жена, а усы, длинные и тонкіе, закручены внизъ. Въ правое ухо вдѣта серьга состоящая изъ большой грушевидной жемчужины.

Всадникъ одѣтъ въ короткое, еле доходящее до колѣнъ платье, чрезвычайно свободное. Прорѣзъ обшитъ широкой каймой, оканчивается у шеи круглымъ воротомъ, украшеннымъ рядомъ кружковъ; ниже этого ворота видно двойное ожерелье, или шейная гривна, покрытая двойнымъ рядомъ кружковъ и скрѣпленная по-

срединѣ четыреугольной пряжкой. Всадникъ опоясанъ двумя кушаками — однимъ гладкимъ, ременнымъ, къ которому прикрѣплены сабля и налучникъ, другимъ, нарядным, надѣтымъ поверхъ ременнаго. Отъ нижняго, ременнаго кушака спускаются три ремня, изъ которыхъ двумя подвѣшенъ мечъ, а третьимъ — налучникъ. Мечъ не очень длинный, прямой и обоюдуострый; рукоятка его довольно длинная, прямая, но съ легкой выемкой внизу; поперечина короткая, но широкая. Изъ-за лошади виденъ верхъ колчана съ четырьмя стрѣлами, привѣшеннаго къ ременному поясу. Всадникъ обутъ въ высокіе, доходящіе до колѣнъ сапоги, съ загнутыми носками. Всадникъ натягиваетъ толстый, но очень эластичный лукъ, причемъ тетива энергично отведена за ухо; способъ держанія стрѣлы и натягиванія тетивы правой рукой «монгольскій».

Всадникъ скачетъ на сильномъ аргамакѣ, несущемся въ карьеръ. На лошади сѣдло и четыреугольная попона, кажется, изъ тигровой кожи, отороченной, можетъ быть, другимъ мѣхомъ или парчею. Къ попонѣ этой прикрѣплены кольца, въ которыя продѣты большіе крючки отъ нагрудника и подхвостника. Какъ нагрудникъ, такъ и подхвостникъ составлены изъ двухъ ремней, украшенныхъ кружками; къ этимъ ремнямъ, въ срединѣ ихъ, прикрѣплено по три бляхи. Къ средней изъ трехъ бляхъ, находящихся на нагрудникѣ, прикрѣпленъ фаларъ, изображающій мужскую голову съ длинными волосами и съ усами, но безбородую (вѣроятно, такое металлическое изображеніе долженствовало замѣнять собою отрубленную голову врага). Къ средней бляхѣ подхвостника прикрѣплена длинная матерчатая кисть. Лошадь взнуздана уздой, причемъ переносокъ, повидимому, металлическій, удила вычурныя. Кромѣ того, на лошади надѣтъ широкій ошейникъ, вѣроятно, кожаный, съ двойнымъ рядомъ металлическихъ гвоздей и съ четыреугольной пряжкой въ серединѣ. Грива коротко подстрижена, причемъ на ней оставлены два пучка волосъ (ср. рис. 71) наверху и длинная холка; челка длинная, раздвоенная; хвостъ подвязанъ двойнымъ узломъ. Сѣдло снабжено стременами. Левъ, поражаемый всадникомъ, изображенъ вполнѣ условно и гораздо менѣе удачно, чѣмъ вся конная фигура. Гораздо лучше переданъ кабанъ, раненый стрѣлой, глубоко засѣвшей въ лѣвую переднюю лопатку его, и бѣгущій по берегу. По берегу воды изображены заросли.

11. Ковшъ Императорскаго Эрмитажа; на лицевой сторонѣ изображена довольно сложная охотничья сцена, къ которой варварскою рукою прибавлено нѣсколько фигуръ, очерченныхъ острымъ орудіемъ.

12. Блюдо въ собраніи гр. Строганова, найденное въ Пермской губерніи, въ 1872 году; на внутренней сторонѣ изображенъ всадникъ, похожій внѣшностью на царей, извѣстныхъ подъ именемъ Варахранъ, и занятый кабаньей охотой.

13. Блюдо въ собраніи гр. С. Строганова, съ такими-же точно изображеніями, какъ на предъидущемъ блюдѣ.

14. Небольшая чаша въ собраніи гр. Строганова, имѣющая форму полушарія, найденная въ Пермской губерніи, въ 1872 году; на ней изображеніе трехъ всадниковъ въ сасанидскомъ костюмѣ, сражающихся съ тремя львами, превосходной работы.

15. Небольшая чаша въ собраніи гр. Строганова, такой-же величины и формы,

но худшей работы; для находящагося на ней изображенія пира употреблены греческіе и восточные мотивы;

16. Блюдо въ собраніи гр. Строганова, найденное въ Пермской губерніи, въ 1780 году; на внутренней сторонѣ его изображеніе лежащаго каменнаго барана.

17. Блюдо въ собраніи гр. Строганова, найденное въ Пермской губерніи въ 1872 году; на внутренней сторонѣ его изображено дерево съ обвившеюся вокругъ него змѣею, а подлѣ него съ каждой стороны по одному каменному барану, обращенныхъ къ дереву.

18. Блюдо въ Луврѣ, найденное въ Россіи, съ изображеніемъ на внутренней сторонѣ его всадника, охотящагося на разныхъ звѣрей.

19. Блюдо съ изображеніемъ въ центрѣ бородатаго царя съ развѣвающимися волосами, сидящаго по-восточному на роскошномъ коврѣ и держащаго въ рукѣ кубокъ; по обѣимъ сторонамъ его стоятъ двѣ женщины, изъ коихъ одна, съ правой стороны, поднимаетъ чашу, а другая, съ лѣвой, несетъ цвѣтокъ и сосудъ для воды; ниже изображены двѣ женщины, сидящія, поджавъ подъ себя ноги и играя на лютнѣ и рогѣ; внизу два лежащихъ льва; всѣ изображенныя лица — въ нимбахъ; эта гаремная сцена, въ исполненіи которой замѣтна рука индійскаго художника, относится, повидимому, къ концу сасанидской эпохи.

20. Чаша въ коллекціи г. Сиротинина сасанидской эпохи съ изображеніемъ охоты съ лассо.

21. Блюдо изъ той-же коллекціи, украшенное солнечнымъ дискомъ о восьми лучахъ.

22. Блюдо изъ той-же коллекціи, украшенное граціозно развертывающимся букетомъ, въ стилѣ персидскомъ или индускомъ.

23. Сосудъ въ формѣ энохое въ парижскомъ Cabinet des Médailles съ два раза повтореннымъ изображеніемъ двухъ прыгающихъ львовъ со звѣздами на передней части туловища; эти изображенія раздѣлены священнымъ деревомъ; судя по работѣ, относится къ сасанидской эпохѣ.

24. Чаша чеканной работы въ томъ-же кабинетѣ съ изображеніемъ тигра, идущаго по берегу рѣки среди лотосовъ; персидской работы приблизительно VI столѣтія по Р. Х.

25. Въ собраніи гр. Строганова кубокъ конической формы съ изображеніемъ фигуры, сидящей на леопардѣ; чаша индуской работы.

26. Въ собраніи Теплоухова въ с. Ильинскомъ, Пермской губерніи, чаша, на которой изображенъ воинъ съ головою животнаго, вооруженный копьемъ; надпись на неизвѣстномъ діалектѣ.

27. Въ Императорскомъ Эрмитажѣ блюдо, украшенное только по широкому бордюру (шириною 1 ½ с.); представляетъ въ послѣдовательномъ рядѣ сценъ охоту въ Средней Азіи или Персіи; на мѣстѣ ручки представлено, какъ Персъ, изображенный съ царскою повязкой, столкнулся на охотѣ съ варваромъ; оба спѣшились и по сторонамъ представлены ихъ кони и сѣдла; они переплелись ногами и кружатся въ единоборствѣ, стараясь каждый схватить раньше другаго обнаженный, воткнутый въ землю кинжалъ; тотъ, кому удастся сдѣлать это раньше, будетъ охотиться одинъ; дальше по борту представлены кабанъ, два мед-

вѣдя, охотникъ Персъ съ собакою, гонящейся за оленями, и охотникъ Персъ спѣшившійся и стрѣляющій во льва.

28. Блюдо серебряное, чеканное, въ Національной Библіотекѣ въ Парижѣ (см. рис. 85); богиня Анаитисъ стоитъ, опираясь на чудовище въ родѣ химеры

85. Серебряное блюдо, находящееся въ Національной Библіотекѣ въ Парижѣ.

съ рогами козла и львинымъ хвостомъ; вокругъ восемь жреческихъ мужскихъ и женскихъ фигуръ въ 4-хъ группахъ, представленныхъ въ священномъ танцѣ; по срединѣ двухъ группъ — въ рогѣ луны бюстъ божества; въ рукахъ жрецовъ и жрицъ представлены священное ведро, чаши съ плодами, вѣтки, птицы, переносные алтари огня; чаша исполнена въ сѣверной Индіи.

29. Чаша индускаго стиля и работы, найденная въ Слуткѣ, Пермской губерніи, изъ собранія гр. Строганова; продолговатый плоскій сосудъ, формой своей, въ общемъ, напоминающій раскрывшійся цвѣтокъ о восьми лепесткахъ, сильно растя-

нутый въ поперечникѣ. Внутренняя сторона сосуда безъ украшеній, внѣшняя, напротивъ, богато орнаментирована. Средина занята граненой ножкой сосуда, сильно приплюснутаго, въ зависимости отъ общаго растянутаго очертанія сосуда. Весь край сосуда украшенъ широкой лентой листоваго орнамента, ограниченнаго внизу веревочнымъ кружкомъ. Отъ центра къ этому ободку, двумя полукругами, расположенъ орнаментальный узоръ такого-же характера, какъ помѣщенный по борту сосуда, сильно, однако, отличный отъ него въ деталяхъ. Въ срединѣ полукруговъ изображено по лежащему оленю или сохатому; какъ весь складъ, такъ, въ особенности, морда вполнѣ соотвѣтствуютъ послѣднему животному, но рога болѣе приближаются къ оленьимъ. На длинныхъ сторонахъ сосуда изображено по женщинѣ, съ обнаженнымъ по поясъ бюстомъ; на головѣ вѣнокъ изъ листьевъ, волосы заплетены въ широкую, длинную косу, на шеѣ металлическое кольцо съ привѣской, на рукахъ гладкія металлическія запястья; отъ пояса до лодыжекъ необутыхъ ногъ вся фигура укутана матеріей; повидимому, внизу надѣто болѣе

86. Среднее изображеніе на большомъ блюдѣ, найденномъ въ Вятской губ.

узкое платье, почти спеленывающее ноги, поверхъ котораго накинутъ широкій кусокъ матеріи, драпированный слѣдующимъ образомъ: обхватывая станъ, онъ спереди образуетъ рядъ широкихъ полукруглыхъ складокъ и прикрѣпленъ сзади къ поясу; концы матеріи затѣмъ пропущены черезъ образовавшійся такимъ образомъ широкій кушакъ и ниспадаютъ съ обѣихъ сторонъ до самыхъ ногъ. Обѣ фигуры изображены въ граціозной танцовальной позѣ, причемъ, однако, ноги нахо-

дятся въ покоѣ, а движеніе производится верхней частью стана; движеніе это или вращательное, или состоитъ въ покачиваніи изъ стороны въ сторону. Въ рукахъ у одной изъ дѣвушекъ длинный и узкій кусокъ легкой матеріи, развѣвающійся дугой надъ ея головой. У другой дѣвушки этотъ-же кусокъ, имѣющій видъ длиннаго шарфа, спущенъ на шею, и концы его продѣты подъ руки, въ которыхъ она держитъ два какихъ-то вилообразныхъ предмета, аналогичные съ кастаньетами. Черты лица обѣихъ дѣвушекъ довольно правильныя; обращаютъ на себя вниманіе миндалевидные глаза и нѣсколько приподнятыя къ вискамъ брови.

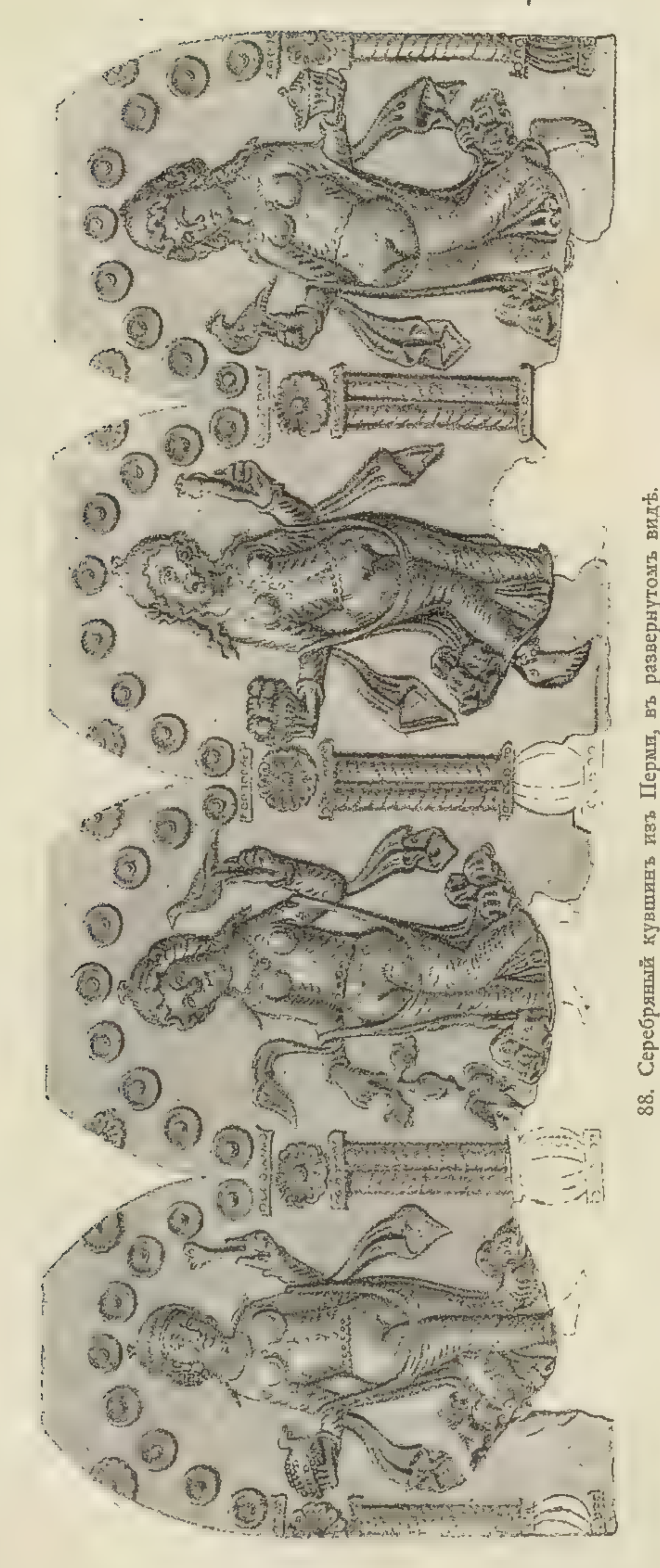
30. Блюдо въ Императорской Археологической Комиссіи изъ Вятки; въ среднемъ медальонѣ представлена богиня стоя, опирающаяся на оленя; кругомъ разводы виноградной лозы (см. рис. 86).

31. Серебряный кувшинъ, находившійся нѣкогда въ собраніи гр. Строганова и найденный въ Пермской губерніи (см. рис. 87), но нынѣ затерявшійся и извѣстный только по рисунку одной стороны; внутри арки представлена женская фигура въ нимбѣ съ попугаемъ на лѣвой рукѣ и съ двумя геніями внизу; въ обрѣзѣ представлены два павлина.

32. Кувшинъ персидской работы сасанидскаго времени; ножка сосуда потерялась, но его форма была тождественна съ формою № 31-го; изображеніе исполнено чеканной работой, и детали отдѣланы посредствомъ гравированія; фонъ позолоченъ; изображеніе воспроизведено развернутымъ на рис. 88. Подъ сводами четырехъ арокъ размѣщены женскія, выступающія впередъ фигуры, такимъ образомъ, что двѣ фигуры обращены одна къ другой. На каждой изъ нихъ исподняя одежда съ длинными рукавами до

87. Серебряный кувшинъ, найденный въ Пермской губ.

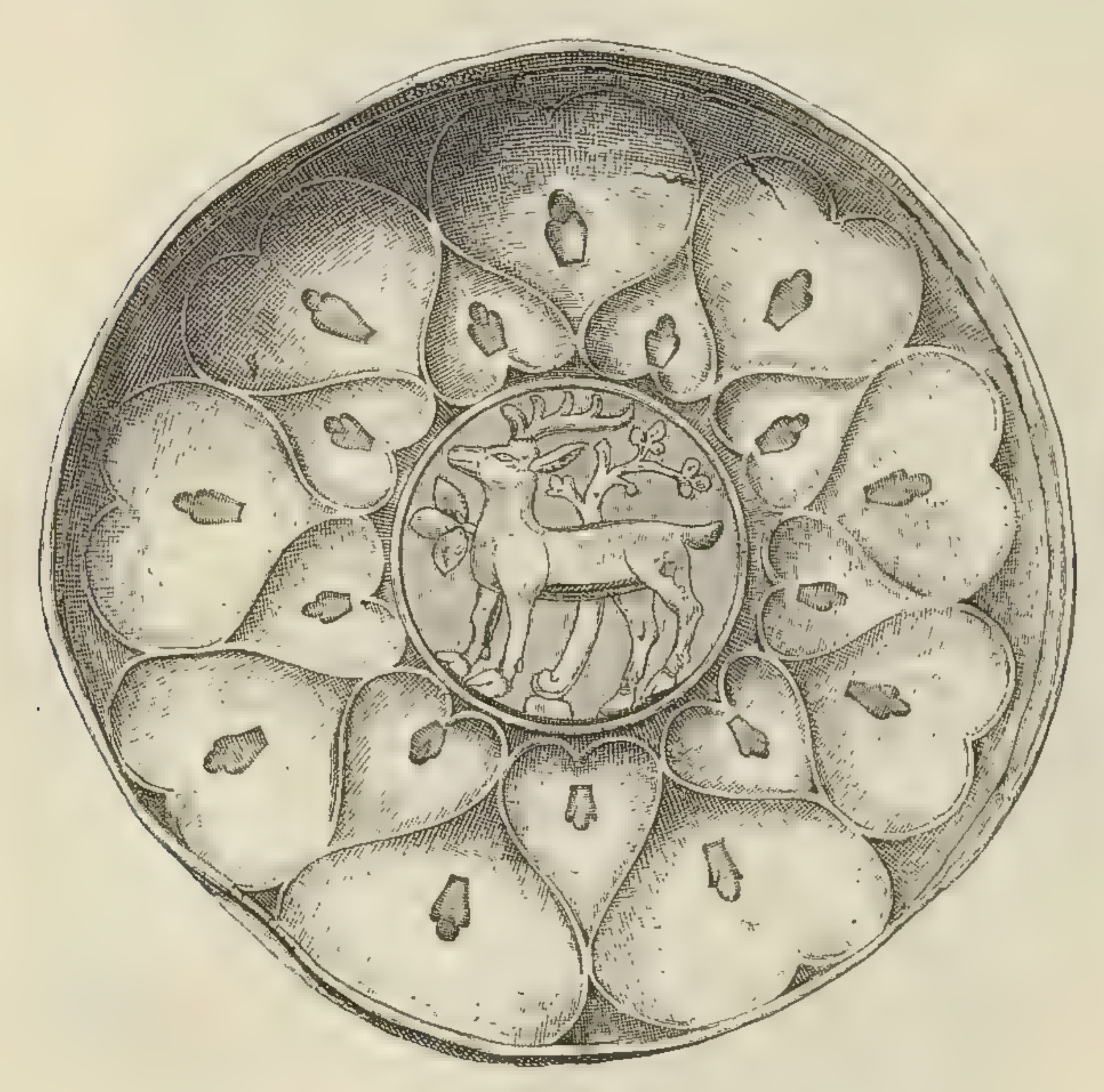

88. Серебряный кувшинъ изъ Перми, въ развернутомъ видѣ.

такой степени тонкая и плотно прилегающая къ тѣлу, что всѣ формы его ясно видны, и сверхъ того украшенная маленькими кружками различныхъ формъ; поверхъ нея накинута верхняя одежда, свалившаяся ниже живота. Зрачки этихъ женщинъ углублены; волосы висятъ свободно по обѣ стороны длинными прядями, но на маковкѣ прикрыты небольшою, плотно прилегающею къ головѣ шапочкою. Одна изъ женщинъ держитъ въ правой рукѣ чашу, на которой лежатъ, кажется, три гранатовыя яблока; въ лѣвой же рукѣ ея находится отдѣльный плодъ такого-же рода. У другой женщины въ правой рукѣ птица, похожая на попугая, а въ лѣвой ящичекъ съ крышкою. Третья женщина держитъ въ правой рукѣ птицу, повидимому куропатку, въ лѣвой какой-то неясный инструментъ, расширяющійся кверху. Наконецъ, и четвертая женщина въ правой рукѣ держитъ внизъ вѣтку о трехъ листьяхъ, такимъ образомъ, что ихъ можетъ щипать сидящая на землѣ птица, а лѣвою, приподнятою вверхъ, рукою поддерживаетъ другую птицу.

33. Чашка, найденная въ Перми, раздѣланная въ видѣ цвѣтка о 9-ти лепесткахъ; въ срединѣ представленъ олень и дерево (см. рис. 89).

34. Блюдо въ собраніи гр. Строганова. Изображеніе сасанидскаго царя верхомъ, на всемъ скаку стрѣляющаго изъ лука въ убѣгающаго отъ него вепря; другой вепрь, уже раненый, лежитъ подъ конемъ. На головѣ царя вѣнецъ, со ступенчатыми зубцами и круглой, невысокой тульей. Къ верхушкѣ этой тульи прикрѣп-

89. Серебряная чашка, найденная въ Пермской губерніи.

ленъ бороздчатый шаръ, матерчатый, на проволочной формѣ. Сзади къ металлическому ободу вѣнца прикрѣпленъ кусокъ богато изукрашенной матеріи, прикрывающій затылокъ. Къ головному убору прикрѣплены двѣ пары лентъ съ расширенными концами, притомъ бо́льшія ленты прикрѣплены къ нижнему ободу вѣнца, а меньшія къ основанію шаровиднаго придатка вѣнца. Одѣяніе царя состоитъ изъ доходящаго лишь до колѣнъ верхняго платья, съ рукавами, стянутыми плотно у кистей рукъ, и перетянутаго на груди, плечахъ и въ поясѣ ремнями съ металлической насѣчкой, и изъ широкихъ, длинныхъ штановъ, стянутыхъ плотно у щиколки. Ноги обуты, повидимому, въ чевяки.

Лошадь несоразмѣрно мала сравнительно со всадникомъ и кабанами. Тѣмъ не менѣе, характерныя особенности лошади переданы, повидимому, реально и тща-

тельно. На лошади небольшое сѣдло и попона. Надгрудникъ и подхвостникъ украшены рядомъ бляшекъ. Къ ремнямъ прикрѣплены съ каждой стороны по три большихъ, круглыхъ, выпуклыхъ бляхи, отъ средней изъ коихъ ниспадаетъ металлическій фаларъ въ видѣ круглой раковины. Къ подхвостнику, поверхъ крупа ло-

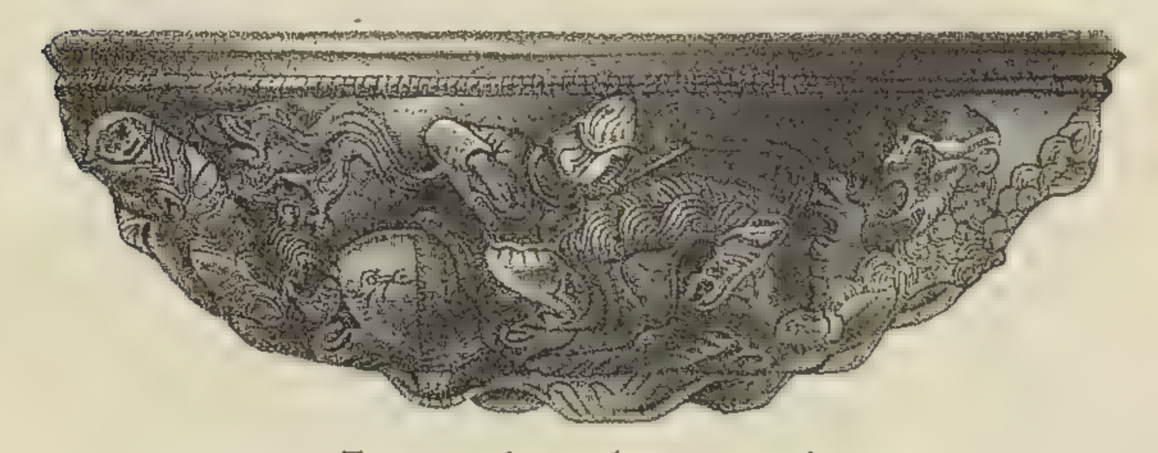

90. Серебряное блюдо изъ собранія гр. Строганова.

шади, прикрѣплена, повидимому, цѣпочка, украшенная сверху двумя большими кистями. На верхней части хвоста находится пара лентъ съ расширенными концами. По такой-же лентѣ, но бóльшихъ размѣровъ, пришито къ сторонамъ подшейнаго ремня. На головѣ лошади развѣвается нѣчто въ родѣ султана. Узда очень большихъ размѣровъ, причемъ уздечка прикрѣплена на манеръ трензелевыхъ поводьевъ. Стремянъ, повидимому, нѣтъ (рис. 90).

35. Блюдо въ собраніи гр. Строганова. Изображеніе трехъ всадниковъ, охотя-

91. Изображеніе на серебряномъ блюдѣ изъ собранія гр. Строганова.

92. То-же серебряное блюдо въ профиль.

щихся на львовъ (см. рис. 91). Первый изъ охотниковъ поражаетъ копьемъ бѣгущую львицу. Два другіе всадника представлены спускающими стрѣлу въ под-

нявшагося противъ каждаго изъ нихъ на заднія лапы льва. Дѣло происходитъ въ мѣстности, покрытой растительностью. Всѣ три охотника облечены въ одну и ту-же одежду, состоящую изъ довольно узкаго верхняго платья, доходящаго до колѣнъ и перетянутаго кушакомъ, или вѣрнѣе ремнемъ, и изъ широкихъ

93. Серебряное блюдо, изъ собранія Эрмитажа.

шароваръ, стянутыхъ у щиколки; ноги обуты въ плотно прилегающую обувь безъ твердой подошвы (чевяки); на плечи накинутъ родъ плаща въ видѣ узкаго и длиннаго куска матеріи (въ родѣ шарфа), съ расширенными концами, развѣвающимися позади всадниковъ; волосы ихъ, довольно длинные и спереди подстриженные, кудреватые и сдерживаются ремешкомъ. У двоихъ изъ охотниковъ съ правой стороны виситъ налучье; у третьяго прямой, короткій и широкій мечъ.

Въ срединѣ, на днѣ чашки представлена розетка о восьми лепесткахъ, вполнѣ орнаментальнаго характера.

36. Блюдо Эрмитажа (см. рис. 93). Изображеніе слона, идущаго вправо, покрытаго попоной, съ башенкой на спинѣ. Въ этой башенкѣ помѣщаются два воина, вооруженные копьями; одинъ изъ нихъ съ непокрытой головой, а другой въ шлемѣ, формой своей соотвѣтствующемъ головному убору царя на монетѣ Евкратида Бактрійскаго. На попонѣ, подостланной подъ башню, обращаетъ на себя вниманіе узоръ, изображающій гиппокампа, столь часто встрѣчающагося на предметахъ классическаго искусства. На шеѣ слона сидитъ поводырь (корнакъ) съ обычнымъ крюкомъ въ рукѣ. Голова его покрыта низкимъ тюрбаномъ, тѣло обнажено до пояса. Подъ шеей у слона виситъ большая кисть. Само животное передано натуралистично: особенно вѣрны движеніе ногъ, хобота и ушей; ухо обрѣзалось у боевыхъ слоновъ, чтобъ уменьшить шансы пораненія этой сравнительно нѣжной и большой части тѣла. Хвостъ, однако, слишкомъ длиненъ для слона. Правый клыкъ припаянъ отдѣльнымъ кускомъ и весь выдается изъ барельефа, вслѣдствіе чего и былъ отогнутъ книзу.

37. Блюдо Эрмитажа (рис. 94). Изображеніе крылатаго дракона, тѣло котораго покрыто чешуей. Шея снабжена короткой, вьющейся локонами гривой; волосами-же обрамлены сгибъ крыла, основаніе хвоста, нижняя сторона переднихъ лапъ и морда, снабженная, кромѣ того, козлиной бородой. У изображеннаго звѣря лишь одна передняя пара лапъ, свойственныхъ кошачьей породѣ; заднія конечности замѣнены хвостомъ; брюхо, начиная отъ переднихъ лапъ до хвоста, — пресмыкающагося. Контуры фигуры и отдѣльные мускулы имѣютъ крайне условный характеръ, обнаруживая собою особенности растительнаго орнамента.

94. Серебряное блюдо въ Эрмитажѣ.

Подъ брюхомъ дракона и передъ его грудью изображено по цвѣтку, вѣроятно, ранункула, растущаго въ болотахъ и неглубокой водѣ. По всѣмъ вѣроятіямъ, изображеніе этихъ цвѣтовъ должно указывать на мѣсто обычнаго пребыванія чудища, согласно народному повѣрью. Тѣло, покрытое рыбьей чешуей, тоже причисляетъ изображенное животное къ земноводнымъ, предпочитающимъ обыкновенно воды, густо поросшія растеніями.

38. Блюдо находки 1878 года въ Императорскомъ Эрмитажѣ съ чеканнымъ,

изображеніемъ орла въ ошейникѣ, уносящаго козулю (см. рис. 95); поздней грубой работы.

39. Серебряный кувшинъ изъ Слутской волости, Пермской губерніи, въ собраніи гр. Строганова, найденный въ 1878 г., съ ручкою и крышкою (см. рис. 96); работа исполнена прекраснымъ рельефомъ; фонъ позолоченъ; по обѣ стороны сосуда въ медальонахъ представлено чудовище: шея и голова — верблюжьи, крылья и ноги — птичьи; на ножкѣ пеглевійская надпись.

95. Серебряное блюдо изъ собранія Эрмитажа.

40. Блюдо, исполненное рельефомъ небрежнаго стиля; сасанидскій царь, сидя на верблюдѣ и имѣя позади себя маленькую женскую фигуру, гонится за козулей и стрѣляетъ изъ лука; внизу представлены двѣ раненыя козули (см. рис. 97).

41. Блюдо изъ Перми, поступившее въ 1888 г. въ Императорскую Археологическую Комиссію, серебряное, съ изображеніями, гравированными толстыми чертами и дополненными наколомъ. Сасанидскій царь, охотящійся на кабановъ верхомъ, спускаетъ въ одного стрѣлу; другой раненый бѣжитъ внизу.

42. Чашка изъ Перми, поступившая одновременно туда-же, желобчатая, на плоской ножкѣ, съ рельефнымъ изображеніемъ внутри всадника въ нимбѣ, одѣтаго въ узкій кафтанъ съ широкими лацканами.

43. Блюдо изъ Вятки, поступившее одновременно туда-же, съ изображеніями, исполненными внутри рельефомъ и съ позолоченнымъ фономъ. Въ серединѣ фазанъ съ царскою діадемою въ видѣ двухъ развѣвающихся сзади головы лентъ; въ клювѣ онъ держитъ вѣнокъ съ начельнымъ украшеніемъ. Кругомъ растительный орнаментъ въ видѣ ствола пальмы изъ сердцеобразныхъ звеньевъ; по каймѣ разводы виноградной лозы съ цвѣтами и фазанами, самцами и самками, внутри волютъ.

44. Мелкое блюдце изъ Вятской губерніи поступившее одновременно туда-же, съ изображеніемъ крылатаго грифона, на котораго нападаетъ змѣя; кабанъ, бѣгущій ниже грифона, схватилъ змѣю за хвостъ.

45. Такое-же блюдце изъ Вятской губерніи, поступившее туда-же, съ изображеніемъ оленя съ вѣткою аканѳа во рту; на спину его вскочилъ крылатый драконъ и грызетъ шею оленя; подъ оленемъ дѣтенышъ.

96. Серебряный кувшинъ изъ Пермской губ.

46. Серебряное ведро рѣзной работы изъ Вятской губерніи, поступившее одновременно туда-же, съ персидскимъ пышнымъ орнаментомъ по бордюрамъ; съ двухъ сторонъ въ гильошированномъ фонѣ представленъ олень съ царскою діадемою-повязкою на шеѣ, поднявшійся на заднія ноги передъ растеніемъ.

47. Большое серебряное блюдо въ собраніи М. П. Боткина съ изображеніемъ птицъ.

48. Кувшинъ серебряный, вышиною около 4 вершковъ, чеканный, съ изображеніями прекраснаго стиля и детальной отдѣлки; на сосудѣ представлены между трехъ древъ жизни три большія птицы въ родѣ журавлей; на деревьяхъ гранатовые плоды и маленькія птички; сосудъ пріобрѣтенъ въ послѣдніе годы Г. Д. Филимоновымъ и найденъ былъ, повидимому, въ землѣ Войска Донскаго.

Къ позднѣйшему времени относятся сосуды различнаго происхожденія:

49. Находившійся нѣкогда въ собраніи гр. Строганова и нынѣ утраченный сосудъ съ длиннымъ горлышкомъ и съ изображеніемъ, повидимому, византійско-христіанскимъ.

50. Въ собраніи гр. Строганова блюдо, найденное въ Пермской губерніи, въ 1780 году; въ серединѣ верхней стороны углубленный византійскій крестъ, окру-

женный вѣнкомъ изъ виноградныхъ листьевъ; на нижней сторонѣ четыре византійскія клейма.

51. Въ собраніи гр. Строганова блюдо арабской работы, найденное въ Пермской губерніи въ 1780 году. Большое круглое серебряное блюдо. Въ центрѣ изоб-

97. Серебряное блюдо изъ собранія А. Ѳ. Лихачева въ Казани.

ражена сидящая человѣческая фигура. Человѣкъ подноситъ къ губамъ сосудъ, напоминающій формой своей рюмку. Вся фигура нѣсколько откинута назадъ, чѣмъ отлично передана поза человѣка, съ наслажденіемъ пьющаго. Въ трехъ медальонахъ представлено по птицѣ, орлиной породы. Въ сегментахъ помѣщена надпись арабскими буквами, въ которой Фрэнъ разобралъ лишь нѣсколько словъ.

52. Въ собраніи гр. Строганова продолговатое блюдо весьма сложной формы, найденное въ Пермской губерніи въ 1780 году.

98. Бронзовое зеркало изъ Семирѣченской области.

53. Въ собраніи гр. Строганова глубокое блюдо восточной работы, найденное въ Пермской губерніи въ 1846 году.

54. Въ собраніи гр. Гр. С. Строганова продолговатое блюдо, внутренняя сторона котораго украшена припаянными морскими конями варварской работы.

55. Въ томъ-же собраніи блюдо варварской работы съ изображеніемъ всадника съ птичьей головой, окруженнаго семью различными животными; рамкою служатъ двѣ змѣи, обвитыя одна около другой и образующія совершенный кругъ.

56. Принадлежавшее проф. Ешевскому блюдо, подобное предшествующему, съ проверченною на краю дырою, найденное въ Пермской губерніи.

57. Блюдо Императорскаго Эрмитажа, найденное въ окрестностяхъ Астрахани, варварской работы, съ изображеніемъ оленя съ сидящею на немъ птицею и стоящаго позади него человѣка; вокругъ нѣсколько орнаментовъ.

58. Этотъ списокъ дополняется знаменитымъ серебрянымъ дискомъ VI вѣка изъ собранія графа Строганова, происходящимъ изъ Березова и представляющимъ «Поклоненіе кресту» съ 2 ангелами, славящими крестъ, и 4 евангельскими рѣками, текущими отъ подножія его.

99. Бронзовая бляха изъ Пермскаго края.

Множество всякаго рода предметовъ утвари и убора, отъ зеркалъ до бляхъ, брошекъ и всякаго рода подвѣсокъ, исполненныхъ изъ мѣди и воспроизводящихъ многіе сюжеты серебряныхъ чашъ и блюдъ, доказываетъ популярность и успѣхъ этого отпрыска восточнаго искусства на почвѣ сѣверной и восточной Россіи, отъ Вятки до Астрахани. Бронзовое зеркало, найденное въ Семирѣчьи (рис. 98), съ арабскою надписью, представляетъ такого-же охотника въ персидскомъ костюмѣ, какъ на блюдахъ. Грифонъ (рис. 99), изображенный на другой бляхѣ изъ Перми, служитъ соединеніемъ искусства восточнаго и византійскаго.

Въ 5 верстахъ отъ г. Елабуги, Казанской губерніи, въ мѣстѣ, гдѣ въ Каму впадаетъ рѣка Тойма, находится обширный могильникъ. Могильникъ этотъ, названный по близь лежащей деревнѣ *Ананьинскимъ*, былъ извѣстенъ давно окрестнымъ жителямъ по вещамъ, которыя ежегодно вымывались высокою вешнею водою, а начиная съ 1856 года, обратилъ на себя вниманіе археологовъ и съ тѣхъ поръ, подвергнутый неоднократнымъ раскопкамъ, отчасти веденнымъ научно, далъ цѣлую серію бронзовыхъ предметовъ и украшеній, глиняной посуды, желѣзныхъ и каменныхъ орудій. Въ могильникѣ встрѣчено значительное количество погребеній на различной глубинѣ; нѣкоторыя не глубже одной четверти отъ поверхности и, повидимому, безъ опредѣленнаго порядка; головы скелетовъ обращены то на югъ, то на сѣверъ, на сѣверо-западъ и на сѣверо-востокъ; иногда покойникъ скорченъ, иногда вытянутъ; не смотря на это различіе въ способахъ погребенія, вещи, найденныя при покойникахъ, однородны между собою. Могилы, если не всѣ, то, во всякомъ случаѣ, многія были покрыты каменьями или плитами; двѣ такія плиты,

разбитыя на куски, оказались снабженными (см. рис. 100) грубо высѣченными изображеніями человѣческой фигуры въ остроконечной низенькой шапкѣ, съ большой гладкой гривной на шеѣ и короткимъ кинжаломъ у пояса. Въ общемъ, изображенія настолько грубы, что если они и могутъ относиться ко времени устройства могильника, то не представляютъ, однако, достаточно данныхъ для сужденія не только о національности, но даже и объ особенностяхъ костюма схороненныхъ здѣсь покойниковъ. Зато по многочисленнымъ вещамъ, открытымъ въ могильникѣ, можно составить себѣ довольно полную картину ихъ сравнительно бѣдной обстановки. Изъ оружія найдены бронзовые кельты, топоры, чисто сибирскаго типа, отчасти съ ушками для прикрѣпленія къ деревянной рукояти посредствомъ ремней, бронзовые и желѣзные кинжалы, а также желѣзные кинжалы съ бронзовою рукоятью, тоже формъ, встрѣчающихся въ изобиліи въ Сибири, бронзовые и желѣзные наконечники копій средней величины, желѣзные и бронзовые наконечники стрѣлъ обычной формы, но также и кремневыя стрѣлки. Можетъ быть, къ разряду оружія должны быть причислены бронзовыя кирки, которыя могли, однако, служить также горнозаводскими орудіями, отчасти съ фигурными украшеніями, напримѣръ въ видѣ кабаньей головы (см. рис. 80). Несомнѣнно къ хозяйственнымъ или ремесленнымъ предметамъ принадлежатъ бронзовыя долота, бронзовые и желѣзные ножи сибирскаго типа, бронзовыя шила и т. п. Изъ предметовъ личнаго убора слѣдуетъ упомянуть о бронзовыхъ шейныхъ гривнахъ, браслетахъ, цѣпочкахъ, простыхъ и съ простѣйшими узорами бляшкахъ, перстняхъ, пряжкахъ и о стекляныхъ бусахъ обычнаго типа — свѣтлоголубыхъ, желтыхъ съ крапинками и пестрыхъ. Кодокольчики, бубенчики изъ бронзы, а также бляшки въ видѣ бараньей головки, украшенія, имѣющія форму птичьей головы, могутъ быть относимы отчасти къ личному убору, но большинство ихъ навѣрно принадлежитъ къ убору конскому. Тутъ-же найдены удила, какъ бронзовыя, такъ и желѣзныя. Къ конскому-же убору, вѣроятно, принадлежитъ изображаемая здѣсь на рис. 101, прорѣзная бронзовая бляха, живо напоминающая, не смотря на крайнюю грубость работы, золотую сибирскую бляху, изображенную на рис. 73: непомѣрно вытянутое тѣло какого-то животнаго (можетъ быть, лошади) образуетъ собою ободъ колеса, причемъ спицы этого колеса образуются хвостомъ и ногами животнаго.

100. Изображеніе на плитѣ Ананьинскаго могильника.

101. Бронзовое украшеніе изъ Ананьинскаго могильника.

102. Казбекъ.

Въ глазахъ древнихъ, горы Кавказа отдѣляли Европу отъ Азіи, и потому если Закавказье по происхожденію своихъ племенъ, политической исторіи, климату и флорѣ принадлежитъ Азіи, то Кавказскій хребетъ относится къ Европѣ и къ ней имѣетъ свои склоны. Европейскіе народы полагали здѣсь по преданію начало своей культуры, и бѣлой расѣ европейскихъ племенъ дано было имя кавказской. Воображеніе представляло себѣ Кавказъ землею европейскихъ предковъ, сохранившею въ своихъ горныхъ ущельяхъ чистыхъ, несмѣшанныхъ представителей европейскихъ націй. Кавказскія ворота стали синонимомъ перваго пути народовъ изъ азіатской прародины въ Европу.

Собственно, Кавказъ есть цѣльный горный хребетъ, какъ-бы одна гора съ нѣсколькими вершинами, съ характеромъ сплошной ограды, но подъ именемъ «Кавказа», какъ страны, и въ древности, и нынѣ разумѣютъ юго-восточный уголъ Европы отъ устьевъ Дона, по теченію Маныча до Каспійскаго моря. Оба побережья Чернаго и Каспійскаго морей входятъ въ составъ этой земли, границами которой служатъ высоты хребта.

Во времена Гунновъ Манычъ представлялъ собою сплошную цѣпь болотъ и стоячихъ водъ, которую переходили и обходили ихъ орды, когда устремлялись

на Персію. Исконная климатическая и территоріальная связь мѣстностей отъ Новочеркаска по берегамъ Азовскаго моря и Кубани съ предгорьями Кавказа до глубины его щелей соотвѣтствуетъ племенному единству въ исторіи. Именно эта часть въ древности была заселена полукочевыми, полуосѣдлыми иранскими племенами. На востокъ отъ этого угла, начиная отъ Маныча до Астрахани, какъ въ древности, такъ и нынѣ страна занята туранскими кочевниками. Движеніе арійскихъ племенъ изъ Азіи въ Европу, шедшее поверхъ Каспійскаго моря, направлялось къ устьямъ Дона и отсюда, по побережью Азовскаго моря, по рѣкѣ Кубани и ея притокамъ, проникало въ глубь кавказскаго хребта. Земля Войска Донскаго и бассейнъ рѣки Кубани имѣли отчасти общую судьбу. Эти страны на памяти исторіи всегда были мѣстомъ битвъ, землею крови; здѣсь растаяли цѣлыя племена, и Кавказъ укрывалъ въ своихъ нѣдрахъ остатки разбитыхъ полчищъ, приходившихъ съ сѣвера, отсталыхъ переселенцевъ и побѣжденныя дружины. Эти прибитые остатки племенъ, отбросы переселенія народовъ сдѣлали Кавказъ уже во времена Персовъ горою языковъ. Языкъ одного племени, тѣснившагося въ ущельяхъ, дробился по говорамъ, и такого рода говоровъ Плиній насчитывалъ до 130, Страбонъ на рынкѣ въ Діоскуріи до 70-ти и русскіе, при первомъ знакомствѣ съ горцами, до 70-ти же. Склоны горъ на сѣверъ всегда были бѣдны населеніемъ, а низменности и вовсе безлюдны. Культура могла утвердиться въ этой странѣ лишь послѣ завоеванія: два вѣка потребовалось Босфорскому царству для его утвержденія; немного болѣе продолжалось княжество тмутараканское и немного менѣе продолжалось русское завоеваніе. Властителями страны до устьевъ Дона были горныя дружины.

Археологическое изученіе Кавказа началось только въ послѣдніе годы, и немногіе добытые матеріалы не даютъ полной картины его прошлаго; большая часть изслѣдованій пришлась на долю сѣвернаго склона и прилегающихъ къ нему степей. Изслѣдованіе Закавказья ограничивается немногими пунктами и случайными находками. Находки эти состоятъ чаще всего изъ греко-римскихъ монетъ, рѣдко надписей; еще рѣже крупные памятники греко-римскаго искусства, подобные тѣмъ, которые знаемъ на мѣстѣ греческихъ колоній на восточномъ берегу Чернаго моря. Такія находки сдѣланы въ могильникѣ Самтавро возлѣ Мцхета, близь Урбниси, Вани (съ греческими золотыми монетами), отчасти весьма сходныя съ бронзовыми древностями могильниковъ Осетіи, отчасти оттуда происходящія, какъ напримѣръ находки въ Ксанскомъ ущельѣ и Рачѣ, или имъ подобныя, какъ напримѣръ въ Рѣдкиномъ лагерѣ и другихъ могильникахъ русской Арменіи, недавно изслѣдованныхъ Жюлемъ Моргапомъ. Но главнѣйшіе вопросы отношенія этихъ древностей къ сѣверному Кавказу должны подождать своего разрѣшенія, пока накопится достаточный и точно извѣстный матеріалъ.

Среди племенъ сѣвернаго Кавказа въ эпоху переселенія народовъ особенно выдавались Аланы, сохранившіеся и понынѣ въ Осетинахъ, хотя область, нынѣ ими занимаемая, значительно менѣе той, которую занимали Аланы въ древности. Вопросъ о времени и причинахъ появленія ихъ на Кавказѣ и въ степяхъ между Азовскимъ и Каспійскимъ морями едва ли можетъ быть нынѣ рѣшенъ. Появленіе это уже въ древности объяснялось надвое. Грузинская лѣтопись, разсказывая о поселеніи на Кавказѣ плѣнниковъ, забранныхъ во время набѣга Хозаръ въ Азію,

называетъ Осовъ (Осетинъ) потомками этихъ плѣнныхъ. Но разсказъ этотъ есть, видимо, простой пересказъ извѣстнаго мѣста нѣкоторыхъ древнихъ писателей (см. вып. II, стр. 5, и Плинія VI, 7: Сарматы... потомки Мидянъ) о поселеніи къ сѣверу отъ Кавказа мидійскихъ плѣнниковъ Скиѳами, съ тою лишь разницею, что древнія имена замѣнены были относительно новыми. Трудно рѣшить, насколько достовѣрна другая попытка древнихъ писателей объяснить появленіе Алановъ въ Европѣ: Діонъ Кассій (II в. по Р. Х.) отождествляетъ Аланъ съ Массагетами и, стало быть, считаетъ Аланъ позднѣйшими пришельцами въ Европу; Амміанъ Марцеллинъ (IV в.) прямо говоритъ, что Аланы «прежде звались Массагетами», что Гунны «напали на Аланъ, древнихъ Массагетовъ» (XXXI, 2, 12). Клапротъ приводилъ разсказы изъ китайскихъ источниковъ, какъ будто подтверждающіе отчасти это отождествленіе: «у Китайцевъ извѣстны они подъ именемъ Vanthsai, Alanna, Alanliao, Vlän, Alan, а впослѣдствіи Suthee, Suth. Китайскія лѣтописи уже около 20 г. до Р. Х. упоминаютъ объ ихъ походахъ на западъ; въ I и II в. по Р. Х. покоряютъ ихъ Согдіане; въ первой половинѣ III вѣка они обитаютъ на востокъ отъ Кавказа, въ предѣлахъ Римской имперіи, и сбрасываютъ съ себя иго Согдіанъ (Шафарикъ. Слав. Др. I, 2, 130). Птоломей помѣщаетъ Аланъ въ двухъ мѣстахъ: южной Россіи и къ сѣверо-востоку отъ Каспійскаго моря (II, 14; III, 5; VI, 14). Если довѣрять переводу китайскихъ лѣтописей и племенному родству Аланъ средне-азіатскихъ съ Аланами европейскими, то можно признать вѣрность отождествленія Амміана въ томъ смыслѣ, что Аланы вышли изъ тѣхъ мѣстъ, на которыхъ нѣкогда жили Массагеты. Въ китайскихъ источникахъ указаны причины движенія племенъ изъ тѣхъ мѣстъ, отчасти къ югу на греко-бактрійское царство, отчасти на западъ. Появленіе Аланъ въ Европѣ или, по крайней мѣрѣ, имени ихъ у западныхъ писателей относится къ тому-же времени: Страбонъ первый упоминаетъ Роксолановъ, участвовавшихъ въ борьбѣ скиѳскаго царя Палака съ Херсонесомъ, но надпись въ честь Діофанта называетъ ихъ нѣсколько инымъ именемъ Ревксиналовъ, въ которомъ пробуютъ видѣть имя Аланъ. Прямо объ Аланахъ начинаютъ говорить писатели I вѣка по Р. Х.: Плиній, Іосифъ Флавій, Светоній и др. Такимъ образомъ, появленіе Аланъ въ Европѣ совпадаетъ хронологически съ китайскими показаніями о народномъ передвиженіи. И въ другихъ восточныхъ лѣтописяхъ имя закавказскихъ Аланъ появляется лишь въ I — II в. по Р. Х.; исключеніе составляетъ лишь грузинская, извѣстная своею недостовѣрностью и фантастичностью, лѣтопись Вахтанга, говорящая объ Осахъ, какъ союзникахъ или данникахъ при различныхъ событіяхъ до Р. Х. Но очевидно, что это произвольное распространеніе новыхъ именъ на древнѣйшіе народы, подобно тому, какъ Скиѳовъ именовали Хозарами, а Сарматовъ — Осами.

Наиболѣе полное описаніе сѣвернаго Кавказа временъ около Р. Х. даетъ Страбонъ, но всетаки представленіе его объ этихъ странахъ было гораздо темнѣе, нежели о племенахъ восточнаго берега Чернаго моря, извѣстныхъ греческимъ мореходамъ, и Закавказья, гдѣ побывали римскіе легіоны. «Самыми сѣверными» называетъ Страбонъ (VI, 3, 17) Роксоланъ, занимающихъ равнины между Танаисомъ и Борисѳеномъ. «Живетъ ли кто выше Роксоланъ, мы не знаемъ. Роксоланы-же воевали и противъ полководцевъ Митридата Евпатора подъ предводитель-

ствомъ Тасія. Они пришли на помощь Палаку, сыну Скилура. Казалось, что они воинственны..., но они не выдержали, выступивъ въ количествѣ около 50,000 противъ 6,000 Діофанта, Митридатова полководца, и большею частью погибли. Они вооружены сдѣланными изъ бычачьей шкуры шлемами и панцырями и щитами, сплетенными изъ прутьевъ, копьями, луками и мечами».

Въ описаніи Черноморскаго прибрежья и части Закавказья интересно замѣчаніе Страбона о 70 народахъ, сходящихся на рынокъ Діоскуріи, что «всѣ они говорятъ каждый по-своему, такъ какъ живутъ вразбросъ и не смѣшиваясь одни съ другими вслѣдствіе высокомѣрія и дикости. Большинство ихъ — Сарматы, и всѣ они Кавказцы» (XI, 2, 16). Такъ какъ эти горцы не были, конечно, сходны со степными Сарматами своимъ бытомъ, то можно считать замѣтку эту за указаніе племеннаго ихъ родства съ Сарматами, или ихъ арійства. Равнымъ образомъ и въ Иберіи (Грузіи) «горную часть ея занимаютъ болѣе многочисленные (обитатели), воинственные, живущіе по обычаю Скиѳовъ и Сарматовъ, съ которыми они сосѣди и родственники» (XI, 3, 3). И нынѣ арійское племя Осетинъ живетъ отчасти по южнымъ отрогамъ главнаго хребта. «Отъ сѣверныхъ кочевниковъ трудный трехдневный (по Дарьяльскому ущелью) подъемъ, а затѣмъ ущельемъ рѣки Арага (Арагвы) четыре дня пути по дорогѣ, проходимой (лишь) для одного. Конецъ этого пути охраняетъ неприступная крѣпость» (XI, 3, 5). Прикавказскія степи Страбонъ описываетъ такъ: «Если спуститься въ предгорья, то хотя страна тамъ и болѣе сѣверная, но болѣе умѣреннаго климата. Она вѣдь соприкасается съ равнинами Сираковъ. Есть (тамъ) и какіе-то троглодиты, живущіе вслѣдствіе холода въ норахъ, у нихъ хорошо родится ячмень. За троглодитами — какіе-то (люди), именуемые хамайкойтами (лежащіе или спящіе на землѣ) и полифагами (обжоры) и деревни Эйсодиковъ, могущихъ обрабатывать землю, такъ какъ они живутъ не на самомъ (еще) сѣверѣ. Рядомъ съ ними живутъ уже кочевники, что между Меотидой и Каспіемъ, Набіаны и Панксаны и племена Аорсовъ и Сираковъ. Кажется, Сираки и Аорсы — бѣглецы изъ странъ болѣе сѣверныхъ... (XI, 5, 7) Абекъ, царь Сираковъ, въ то время какъ Боспоромъ владѣлъ Фарнакъ, выставилъ 20,000 всадниковъ, Спадинъ же, (царь) Аорсовъ, 200,000 (?), а верхніе (т. е. сѣверные) Аорсы еще больше. Вѣдь они владѣли большею частью (этой) земли и властвовали надъ прибрежьемъ Каспіевъ, такъ что привозили на верблюдахъ индійскіе и вавилонскіе товары, получая ихъ отъ Армянъ и Мидянъ. Будучи богаты, носили они золотыя украшенія. Волгу Страбонъ считалъ за проливъ, соединяющій Каспійское море съ сѣвернымъ океаномъ: и потому для «плывущаго съ сѣвера, направо живутъ Скиѳы, смежные съ европейскими, и Сарматы, что между Танаидой и этимъ моремъ, все кочевники, на лѣво же восточные Скиѳы и тѣ номады; живутъ они до восточнаго моря и Индіи (XI, 6, 2)».

Изъ послѣдующихъ писателей никто не даетъ даже и такого описанія сѣверной части Кавказскаго перешейка; у нихъ являются лишь новыя имена пріобрѣтавшихъ особую извѣстность народовъ. При Страбонѣ Аланы не пріобрѣли еще извѣстности, а писатели конца I-го вѣка ихъ уже называютъ. Такъ, Іосифъ Флавій (Bell. Ind. VII, 7, 4) говоритъ, что «народъ Аланы — скиѳское племя, живущее

*

у Танаиса и Меотиды... Намѣреваясь вторгнуться въ Мидію съ цѣлью грабежа, они вели переговоры съ царемъ Гиркановъ, такъ какъ въ рукахъ его былъ проходъ, который царь Александръ закрѣпилъ желѣзными воротами...» Въ извѣстіи этомъ интересно указаніе на мѣсто ихъ жительства, постройку кавказской стѣны (Дербента) Александромъ, о чемъ распространяются средневѣковыя сказанія. Другіе писатели указываютъ на распространеніе власти Алановъ далеко на западъ. Такъ Плиній (IV, 12) помѣщаетъ ихъ рядомъ съ Роксоланами въ южной Россіи, Сенека (Thyest., 629) за Истромъ, Діонисій Періегетъ также помѣщаетъ «воинственныхъ Алановъ» въ южной Россіи безъ точнаго обозначенія ихъ мѣста жительства; императоръ Адріанъ «ввелъ войска въ Мезію, услыхавъ о волненіяхъ Сарматовъ и Алановъ» (Элій Спарт. Hadr. 4).

Много позднѣе, въ эпоху переселенія народовъ, Аланы дошли съ германскими племенами до Италіи. Они покорили, повидимому, Аорсовъ и Сираковъ и другія племена на сѣверномъ Кавказѣ, и въ армянской лѣтописи народамъ, дѣлавшимъ набѣги черезъ Дарьяльское ущелье, дается одно сборное имя Алановъ. Около 100 г. по Р. Х., въ царствованіе армянскаго царя Арташеса, «Аланы, соединившись съ горцами» и Иверцами, воевали съ Армянами; сынъ аланскаго царя попался въ плѣнъ Армянамъ, «и когда Арташесъ не соглашался отдать юношу, пришла сестра юноши на берегъ рѣки (Куры) на большую возвышенность и черезъ толмачей передала въ станъ Алановъ: «Къ тебѣ рѣчь моя, храбрый мужъ Арташесъ, къ тебѣ, побѣдителю храбраго народа Алановъ; согласись отдать юношу мнѣ, прекрасноокой дочери Алановъ» и пр. Арташесъ, увидавъ прекрасную дѣву и услышавъ отъ нея мудрыя рѣчи, полюбилъ ее и послалъ предложеніе къ царю Алановъ отдать ему царственную дѣву — Сартиникъ въ жены. И говоритъ царь Алановъ: «А гдѣ возьметъ храбрый Арташесъ тысячи тысячъ и тьму темъ, чтобы заплатить за благородную царственную дѣву Алановъ?» Это мѣсто такъ воспѣвается въ (эпическихъ) пѣсняхъ: мужественный царь Арташесъ сѣлъ на красиваго воронаго коня; и вынулъ арканъ изъ красной кожи съ золотымъ кольцомъ; и пролетѣлъ быстрокрылымъ орломъ черезъ рѣку; и бросилъ арканъ изъ красной кожи съ золотымъ кольцомъ; и охватилъ станъ царственной дѣвы Алановъ; и причинилъ сильную боль стану нѣжной царственной дѣвы, быстро увлекая ее въ свой лагерь... Золотой дождь шелъ на свадьбѣ Арташеса, жемчужный дождь лился на свадьбѣ Сатиникъ» (намекъ на осыпаніе молодыхъ деньгами и жемчугомъ).

Такъ въ IV в. по Р. Х. воспѣвали борьбу армянскихъ царей съ Аланами. Тѣ-же событія разсказываетъ и грузинская лѣтопись съ нѣкоторыми подробностями и варіантами. Сынъ Арташеса содержался три года Грузинами въ замкѣ Даріаланѣ, нынѣ «замкѣ Тамары» въ Дарьяльскомъ ущельѣ, самое имя котораго значитъ «ворота Алановъ». Плиній описываетъ ворота эти такимъ образомъ: «Кавказскія ворота, которыя иные по ошибкѣ называютъ Каспійскими, удивительное твореніе природы, происшедшее отъ внезапнаго разрыва горъ. Самыя ворота огорожены бревнами, обитыми желѣзомъ; внизу течетъ вонючая рѣка, а на одной скалѣ, лежащей по сю сторону, находится небольшое укрѣпленіе Куманія, устроенное съ цѣлью препятствовать проходу безчисленныхъ народовъ» (VI, 12, 1). Арабскій пи-

сатель X в. Масуди описываетъ дарьяльскій проходъ такимъ образомъ: «Ворота крѣпости Алановъ находятся въ срединѣ страны Алановъ; замокъ этотъ былъ построенъ Исфендіаромъ, сыномъ Гистаспа (миѳическое лицо персидскихъ сказаній), который оставилъ тамъ хорошій гарнизонъ, дабы остановить вторженіе Алановъ на Кавказъ, такъ какъ имъ приходится здѣсь переходить черезъ мосты, переброшенные чрезъ рѣку подъ замкомъ. Замокъ этотъ, построенный на скалѣ, совершенно неприступенъ: туда можно проникнуть не иначе, какъ съ согласія защитниковъ. Онъ укрѣпленъ столь хорошо, что даже одинъ человѣкъ, затворившійся тамъ, будетъ въ состояніи выдержать нападеніе всѣхъ невѣрныхъ, ибо замокъ, висящій, такъ сказать, на воздухѣ, господствуетъ надъ мостомъ, дорогой и рѣкой!»

Плиній, согласно со Страбономъ, говоритъ, что къ сѣверу отъ Колхиды «въ горахъ живутъ Эпагериты, *сарматское* племя, на хребтѣ Кавказа, а за ними Савроматы» (VI, 5, 2), но Алановъ на Кавказѣ онъ не упоминаетъ, хотя и даетъ перечисленіе народовъ къ сѣверу отъ Кавказа. Едва-ли можно что-либо узнать изъ Плиніева списка очевидно исковерканныхъ именъ, заимствованныхъ у болѣе раннихъ писателей. Довольно подробно говоритъ объ Аланахъ Амміанъ Марцеллинъ, но въ разсказѣ его повторены общія мѣста о кочевникахъ, ихъ жестокости, отсутствіи храмовъ, перевозкѣ жилищъ и т. п. «За Танаисомъ безконечныя скиѳскія пустыни населены Аланами (Halani), названными по имени горъ; подобно Персамъ, уничтоживъ понемногу сосѣдніе народы частыми побѣдами, Аланы дали имъ свое имя». Но далѣе Аммiанъ указываетъ на общность этого имени: «Аланы кочуютъ по огромнымъ степямъ, какъ номады; съ теченіемъ времени они приняли одно имя и всѣ вообще называются Аланами» (XXXI, 2, 13 и 17). «Почти всѣ Аланы стройны и красивы, волосами довольно русы, страшны свирѣпостью глазъ, быстры и легко вооружены, во всемъ равны Гуннамъ, только мягче ихъ образомъ жизни. Грабя и охотясь, доходятъ они до Меотійскихъ болотъ и киммерійскаго Босфора и дѣлаютъ набѣги на Армянъ и Мидію» (XXXI, 2, 21). Аланы имѣли на западѣ сосѣдей Гревтунговъ, называемыхъ обыкновенно Танаитами (XXXI, 3, 1).

Набѣги Алановъ на Арменію и Персію вызвали походы царей этихъ странъ. Моисей Хоренскій разсказываетъ, что при царѣ Вагаршѣ (II в.) «толпы горцевъ... соединившись прошли чрезъ врата Джора (Дарьяльское ущелье, которое Прокопій называетъ Цуръ (Bell. Goth. IV, 3) подъ предводительствомъ царя своего Внасепа Сурхана... Вагаршъ разогналъ ихъ толпу, все поле усѣялъ ихъ трупами и, гоня враговъ предъ собою, прошелъ чрезъ ущелье Джора. Тутъ вторично соединяются непріятели и строются къ бою. Вагаршъ падаетъ отъ руки могущественныхъ стрѣлковъ, сынъ его Хозровъ немедленно собираетъ армянское войско, переходитъ великую гору для отмщенія за смерть своего отца и, въ знакъ владычества своего, оставляетъ памятникъ съ надписью на греческомъ языкѣ, доказывающей зависимость отъ Римлянъ» (Моисей Хоренскій II, LXV). Позднѣе царь Тиридатъ (259 — 312) «спустившись на равнину Гаргараци (Гаргареевъ Страбона) встрѣчаетъ сѣверные народы войною. Тиридатъ убилъ царя Басиловъ (припомнимъ Скиѳовъ царскихъ или «Басилеевъ»). Войска, увидавъ царя своего разсѣченнымъ, обратились въ бѣгство. Тиридатъ пошелъ по слѣдамъ и преслѣ-

довалъ ихъ до земли Гунновъ» (Моис. Хор. II. LXXXV). Табари говоритъ объ оборонительныхъ постройкахъ Сасанидовъ у Дербента. О проходѣ этомъ упоминаетъ еще Тацитъ (Annales VI, 33), что онъ находится «между моремъ и послѣдними отрогами горъ Албаніи и недоступенъ въ лѣтнее время, потому что морской вѣтеръ покрываетъ его на лѣто водою, и только зимой южный сгоняетъ ее назадъ и такимъ образомъ обнажаетъ узкую полосу суши».

По разсказу Табари, при царѣ Хозроѣ Ануширванѣ (496 — 531) многіе народы, носившіе имена Абхазъ, Баланджаръ и Аланъ, напали на его земли. Когда они утвердились въ его землѣ, то послалъ онъ войска, которыя ихъ покорили. Царь Перозъ (459 — 484) построилъ въ странѣ Алановъ каменное сооруженіе, которымъ онъ хотѣлъ оберечь свою страну отъ набѣговъ этихъ народовъ. Царь Кавадъ (488 — 496), воздвигъ въ тѣхъ-же странахъ еще больше укрѣпленій. Хозрой Ануширванъ ходилъ въ страны къ сѣверу отъ Дербента и, возвращаясь, «построилъ великія ворота», т. е. Дербентъ. Въ восточныхъ сказаніяхъ Дербентъ, вытянувшійся своими длинными стѣнами перпендикулярно къ морю, между моремъ и горами, смѣшивается съ миѳической стѣной, выстроенной Александромъ Македонскимъ гдѣ-то на сѣверо-востокѣ между двумя горами, за которою кишатъ злые карлики Гогъ и Магогъ; заключенные въ послѣднія времена пролижутъ эту стѣну своими языками и, подобно хищнымъ набѣгамъ кочевниковъ, прорывавшимся иногда чрезъ персидскія укрѣпленія Кавказа и Гирканіи, разнесутъ по всей землѣ смерть и опустошеніе.

По словамъ Прокопія Кесарійскаго (Bell. Goth. IV, 3 — 4), Аланы жили на сѣверномъ склонѣ Кавказа вплоть до Каспійскихъ воротъ, на прибрежьи Чернаго моря, сливаясь съ Готами евдусійскими, которые говорили на готскомъ и таврическомъ языкѣ, т. е. вѣроятно аланскомъ. О сосѣдствѣ Готовъ съ Аланами свидѣтельствуетъ имя Готалановъ. На сѣверъ Аланы доходили до Дона, самое имя котораго значитъ по-осетински вода, рѣка. Константинъ Порфирородный замѣчаетъ, что «властитель Аланіи можетъ надѣлать много зла Хазарамъ, залегая имъ пути и нападая на нихъ внезапно при проѣздѣ ихъ въ Саркелъ, или въ Климаты или въ Херсонъ» (De adm. imp. гл. XI). Въ русскихъ лѣтописяхъ Аланы извѣстны подъ именемъ Ясовъ. Въ 965 году «Святославъ и Ясы побѣди, и Касоги». Въ 1116 году Ярополкъ Владиміровичъ «ходи... къ рѣкѣ, зовомѣй Донъ, и приведе съ собою Ясы и жену полони Ясыню». Убіеніе татарами кн. Михаила Тверскаго совершилось (1318) «за рѣкою Теркомъ, на рѣкѣ Севенцѣ (Сунджѣ), подъ городомъ Тетяковымъ (Дедяковымъ), минувше горы высокія, яськія и черкаськія, близь воротъ желѣзныхъ» (близь Владикавказа).

Курганы, составляющіе характерный типъ могилъ для жителей степей, среди горъ не имѣютъ смысла, и поэтому у горцевъ или вовсе не существуютъ, или служатъ прямымъ доказательствомъ, что племена, ихъ насыпавшія, были нѣкогда загнаны въ горы изъ степей. Въ Закавказьи кургановъ нѣтъ вовсе: исключеніе составляютъ курганы Муганской степи и прибрежья Каспійскаго моря, но они объясняются нерѣдкими набѣгами и завоеваніями. Зато сѣверный Кавказъ усѣянъ тысячами кургановъ; на сѣверѣ они сливаются съ курганами Донской области и Астраханской губерніи; на югѣ они переходятъ за Кубань и Терекъ, и все умень-

шаясь въ количествѣ и величинѣ, пропадаютъ въ глубинѣ горныхъ ущелій, знаменуя путь кочевыхъ нѣкогда племенъ, втиснутыхъ въ эти «щели», обратившихся тамъ въ горцевъ и принявшихъ съ теченіемъ времени иные погребальные обычаи, въ обыкновенныхъ могилахъ безъ насыпей, въ катакомбахъ и особыхъ сооруженіяхъ, называемыхъ Чеченцами «кашъ», Осетинами «зäппадзъ», куда трупы помѣщались по ученію маздаизма.

103. Дольмены Кубанской области.

Въ Кубанской области, въ Майкопскомъ уѣздѣ, близь станицы Баговской, на берегахъ р. Ходзи, по склонамъ горъ находится наибольшее количество дольменовъ, расположенныхъ двумя группами: одна открытая группа оказалась въ 12 дольменовъ, другая въ 11, кромѣ многихъ скрытыхъ въ лѣсной заросли. Общее число ихъ доходило въ этомъ мѣстѣ до 29, но изъ нихъ только 7 сохранились въ цѣлости. Построены они были частью на ровномъ мѣстѣ, частью на небольшихъ земляныхъ насыпяхъ и имѣли форму четыреугольнаго ящика, сложеннаго изъ каменныхъ плитъ, съ плитовымъ поломъ и такою-же крышею; рѣже встрѣчаются дольмены, высѣченные изъ одной каменной глыбы. Длина продольныхъ стѣнъ была отъ 2 до 3 арш. 13 вершк., высота — до 2½ арш., толщина плитъ по 8 вершк.; въ одной поперечной плитѣ было отверстіе около 10 вершк. въ поперечникѣ.

Какъ въ Кубанской области, такъ и въ Индіи, Алжирѣ, западной Франціи, Англіи, Шотландіи и т. д. дольмены служили могилами. Трупы хоронились въ

сидячемъ положенiи, упертые къ стѣнѣ. Судя по остаткамъ вещей, уцѣлѣвшимъ въ иныхъ дольменахъ отъ повальнаго расхищенiя, напр. глинянымъ пряслицамъ, куску синяго стекла и пр., дольмены эти нельзя относить къ каменному вѣку. Напротивъ, по тождеству съ Керченскими древностями, явно ихъ происхожденiе изъ первыхъ столѣтiй по Р. Х. Вопросъ этотъ до извѣстной степени рѣшается находками погребенiя съ босфорскою монетой римской эпохи, именно царя Рескупорида. Прочiя группы дольменовъ гораздо малочисленнѣе, разсѣяны въ сѣверо-западной части хребта, въ предѣлахъ Кубанской области; таковы дольмены близь Новороссiйска, Геленджика, Джубы, Пшада и у станицъ Еривансқой, Владимiрской, Царской и др.

Дольмены Кавказа и Крыма (Орiанда, Гаспра) можно относить къ первымъ вѣкамъ по Р. Х.; какъ разъ въ эти времена южный берегъ Крыма и юго-западную часть Кавказа заселяли одни и тѣ-же племена, сперва сарматскiя, потомъ Аланы и Готы.

Кавказскiе некрополи или сплошныя кладбища по склонамъ холмовъ и высѣченныя въ этихъ склонахъ катакомбы дали массы туземныхъ бронзовыхъ издѣлiй и рѣдко вещи иноземной работы. Напротивъ, древнѣйшiе курганы сѣвернаго Кавказа тѣсно примыкаютъ къ сарматскимъ курганамъ южно-русскихъ равнинъ: какъ тамъ, такъ и здѣсь главными основанiями для опредѣленiя времени служатъ вещи греческой работы.

Въ Кубанской области, въ Сиверской станицѣ, въ 1882 г., въ гробницѣ изъ каменныхъ плитъ, уже подвергнувшейся расхищенiю, сдѣлано было счастливое открытiе. Грабитель почему-то не могъ или не успѣлъ выбрать всѣ вещи, и въ гробницѣ оказались, хотя въ разрушенномъ состоянiи, слѣдующiя драгоцѣнности: золотая оправа для трехъ стеклянныхъ чашъ или кубковъ, золотой браслетъ, орнаментированный въ видѣ лавровой гирлянды и порѣзанный по концамъ грубо ножемъ, золотая бляшка въ видѣ четыреугольнаго тисненаго листка съ двумя грифонами, круглая золотая фибулка съ камнемъ, золотая пуговка выпуклая и съ изображенiемъ грифона, золотой дискъ съ рельефнымъ изображенiемъ и, наконецъ, золотая монета Перисада съ буквою К, принадлежащая скорѣе всего одному изъ Перисадовъ втораго или перваго столѣтiя до Р. Х. Монета доказываетъ, что содержанiе найденной гробницы мы должны относить къ первой половинѣ I-го столѣтiя до Р. Х., съ чѣмъ согласенъ стиль и характеръ самыхъ предметовъ. Изъ нихъ грубой варварской вещью можетъ быть названъ только одинъ браслетъ. Четыреугольная бляшка вытиснута грубымъ изображенiемъ двухъ грифоновъ, нападающихъ другъ на друга; такой-же грифонъ сдѣланъ на пуговицѣ; уродливый ихъ рисунокъ указываетъ на мѣстный шаблонъ, которому подобнаго по недостаткамъ не знаемъ среди древностей скиѳо-сарматскихъ. Круглая фибулка орнаментирована мелкой филигранью, представляющей виноградныя грозди. Еще характернѣе золотая оправа къ стекляннымъ сосудамъ; стекла эти были несомнѣнно цвѣтныя и имѣли видъ глубокихъ стопочекъ или кубковъ; стекло, кромѣ остатковъ одного кубка, оказалось уничтоженнымъ; возможно, что оно было гранатоваго цвѣта, какъ многiе сосуды (ойнохои) и кубки для вина, находимые въ Керчи и на Кавказѣ. Подобнаго рода, но меньшаго размѣра кубки встрѣчены въ могиль-

никахъ Камунты въ катакомбахъ и пещерныхъ гробницахъ изъ гранатоваго, зеленаго и бирюзоваго стекла. Близъ аула Чми въ Дарьяльскомъ ущельѣ найдены подобныя-же чашечки, орнаментированныя византійскими крестами. Все это были издѣлія стеклянныхъ мастерскихъ и фабрикъ Сиріи и, по всей вѣроятности, тамъ-

104. Золотая чаша изъ Закавказья въ Эрмитажѣ.

же устроена была золотая оправа на Сиверскихъ сосудахъ. Эта золотая оправа представляетъ характерную широкую ручку, которая, нѣтъ сомнѣнія, подражаетъ въ золотѣ греческимъ сосудамъ изъ глины съ черной лаковой поливой, но къ этимъ ручкамъ придѣланъ золотой вѣнчикъ или верхній бордюръ сосуда изъ листоваго золота, орнаментированнаго тонкою сканью и инкрустаціями изъ стеколъ цвѣта сирійскаго граната; къ этому бордюру, далѣе, вокругъ всего сосуда прикрѣплены тоненькія золотыя цѣпочки съ искрами и золотыми шариками на концахъ — спеціально персидскій или варварскій способъ украшенія діадемы, вѣнца, или верхняго бордюра (древне-русскія *рясны*). Наиболѣе любопытенъ дискъ (рис. 105) изъ толстаго золотаго листа, по чекану дополненный рѣзьбою; на задней сторонѣ дискъ имѣетъ три скобочки, которыми онъ укрѣплялся на широкомъ ремнѣ, повидимому служа фаларомъ или конскимъ нагрудникомъ; изображенія сдѣланы въ

крайне огрубѣломъ, поздне-римскомъ стилѣ и напоминаютъ собою наиболѣе рѣзные камни съ изуродованными пехлевійскими надписями; между тѣмъ сюжетъ скомпонованъ столь искусно, что представляется явнымъ заимствованіемъ. Особенно характерной чертою композиціи, предназначенной и въ оригиналѣ для блюда или же щита, умбона, — представляется стволъ виноградной лозы, согнутый въ кругъ и напоминающій собою металлическую гривну или torques. Очевидно, что эта

105. Золотая бляха Сиверской станицы въ Историческомъ Музеѣ.

лоза представлена вполнѣ съ натуры: толстый чубукъ ея согнутъ и выпущенъ на поверхность земли двумя концами; на немъ кружками обозначены натуральныя почки и глазки; изъ его концовъ выходятъ два плодовые побѣга съ гроздями; по концамъ завиваются усики, которые показываютъ намъ, что въ такую-же спи-

раль завитые кончики древнихъ русскихъ металлическихъ гривенъ представляютъ подобный-же орнаментъ. Все поле щитка раздѣлано наколомъ для показанія почвы, какъ иногда на пермскихъ серебряныхъ сосудахъ. Внутри круга Діонисъ или владыка Персіи несется на барсѣ, одѣтый въ короткую, тунику, подпоясанную жемчужнымъ поясомъ на шеѣ плетеный золотой маніакъ или гривна; на головѣ повязка съ большимъ начельнымъ камнемъ; въ лѣвой рукѣ онъ поднимаетъ тирсъ; на ногахъ его матерчатые, украшенные жемчугомъ париянскіе башмаки; въ полѣ подъ барсомъ на холмѣ или курганѣ съ помятымъ растеніемъ лежитъ отрубленная голова; въ сторонѣ Аѳина, какъ богиня войны, съ поднятымъ щитомъ въ правой рукѣ, влечетъ за волосы нагую женскую фигуру: или аллегорія страны, или Афродита.

Во всякомъ случаѣ, мы имѣемъ здѣсь предметъ, такъ сказать, полуперсидскаго происхожденія, а по времени — парѳянскаго. Вліяніе Персіи на Кавказѣ устанавливается, очевидно, лишь въ римскую эпоху, когда народцы Кавказа достигли нѣкоторой культурности, и Парѳянское царство (250 до Р. Х. — 226 по Р. Х.) пользуется Кавказомъ для своихъ войнъ съ Римомъ. Еще болѣе и далѣе вглубь горной страны проникаетъ сила сасанидской монархіи, занявшей въ началѣ VI вѣка своими отрядами даже охранныя укрѣпленія Даріала и обратившей въ этомъ вѣкѣ главныя мѣстности, какъ напр. Дербендъ, Албанію, Иберію въ персидскія вассальныя владѣнія. Такъ продолжалось до временъ императора Иракла (629 г.). Моисей Хоренскій, армянскій писатель V вѣка, свидѣтельствуетъ даже о знакомствѣ Закавказья съ иранскимъ эпосомъ, а иранская колонизація восточнаго Кавказа должна была значительно содѣйствовать торговлѣ.

Интересны многія вещи (хранимыя въ Тифлисскомъ музеѣ), добытыя казаками въ курганахъ Кубанской и Терской областей. Въ 1872 году близь Екатеринослава найдены были обломки двухъ ритоновъ греческой работы римскихъ временъ. Сохранилась сильно поломанная серебряная фигура передней части скачущаго коня, отъ оправы стекляннаго ритона, обломки серебряной фигурки оленя отъ ритона и обломки серебряныхъ, покрытыхъ золотымъ листикомъ, рельефовъ, на которыхъ можно разобрать варвара съ рогомъ въ рукѣ, натянутый лукъ и колчанъ. Близь ст. Ходыжинской найдены были въ 1869 году черепки греческаго чернолаковаго сосуда, прорѣзная четыреугольная золотая бляшка, миніатюрная золотая головка быка, прекрасной работы, съ тремя подвѣсками. Близь ст. Некрасовской въ курганѣ конское погребеніе содержало золотые наконечники (гривны?) въ видѣ львиныхъ головъ, тождественные съ керченскими, но дурнаго чекана, ряды бляшекъ въ формѣ лежащаго оленя. Въ 1866 году въ юртѣ ст. Успенской найдены были два весьма любопытные серебряные выпуклые диска: работа ихъ (см. рис. 106) по серебряному, золоченому фону та-же, что и въ скиѳскихъ вещахъ Куль-Оба, чеканъ и рѣзьба грубыя; звѣзда-же азіатскаго происхожденія. Вмѣстѣ съ ними найдена круглая серебряная бляха съ чеканнымъ изображеніемъ головы быка; на шеѣ быка орнаментъ, встрѣчающійся на звѣряхъ сасанидскихъ блюдъ. У ст. Чамлыцкой найдено было нѣсколько мелкихъ золотыхъ бляшекъ и привѣсокъ въ видѣ репейковъ. У Новоалександровской — большой золотой витой шейный обручъ и другая гривна поменьше. Близь Ставрополя найденъ большой бронзовый котелъ извѣстнаго такъ называемаго скиѳскаго типа, распространеннаго

отъ южной Россіи до Енисейской степи. Другимъ примѣромъ сходства курганныхъ вещей Сѣвернаго Кавказа и Сибири можетъ служить рѣзное изъ кости украшеніе, повидимому усикъ отъ уздечки, въ видѣ птичьей головы съ очень длиннымъ клювомъ и завиткомъ на другомъ концѣ, найденное близь Кисловодска и хранящееся въ Историческомъ Музеѣ въ Москвѣ. Въ Румянцевскомъ же музеѣ хранится (№ 384) похожее костяное украшеніе изъ сибирскихъ вещей Погодинскаго собранія. Въ курганѣ близь аула Куллары, на р. Сунждѣ, найдена (нынѣ въ собраніи граф. П. С. Уваровой) золотая гривна изъ плоскаго прута съ переднею частью въ видѣ ряда головъ; рѣзьба поражаетъ своей грубостью. У ст. Тарской остатки кольчуги и золотыя нашивныя бляшки въ видѣ масокъ. На нижнемъ теченіи р. Терека, въ Чернышевскомъ курганѣ, найдены въ 1875 г. интересныя вещи, хранящіяся въ Тифлисскомъ музеѣ: каменный шлифованный молотокъ со сверлиной, два бронзовыхъ оленя, сердоликъ въ золотой оправѣ, съ рѣзнымъ изображеніемъ женской фигуры, поздней греческой работы. Еще ниже по Тереку, у ст. Старогладковской, найдена въ 1867 году бронзовая посуда, отчасти греческой, отчасти варварской работы.

106. Серебряный дискъ Кубанской области, станицы Успенской, въ Тифлисскомъ Музеѣ.

Изъ этихъ находокъ сѣвернаго Кавказа достаточно выясняется сходство его древностей съ древностями южной Россіи въ началѣ нашей эры, что объясняется отчасти племеннымъ родствомъ, отчасти господствующимъ вкусомъ. Греческія работы оказываются на всемъ протяженіи перешейка отъ Меотиды до Каспія.

Но вещи греческой работы заходили и къ горскимъ племенамъ и находятся въ некрополяхъ главнаго Кавказскаго хребта. Въ могильникѣ Чегема найдены были золотыя овальныя бляшки съ человѣческими масками, круглыя золоченыя бляшки изъ стекляной пасты съ изображеніемъ Горгоны, замѣчательныя по сходству съ золотыми бляшками Куль-Обы. Всѣ золотыя вещи могильниковъ представляютъ замѣчательное сходство съ золотыми ювелирными работами, находимыми въ босфорскихъ могилахъ.

Эти греческія издѣлія служатъ указаніемъ сношеній съ босфорскимъ царствомъ горцевъ изъ наиболѣе глухихъ ущелій хребта и даютъ главныя точки опоры для хронологическаго опредѣленія. Напротивъ того, въ предметахъ изъ бронзы древности Кавказа какъ-будто заимствовали все художественное и характерное изъ Азіи, и ихъ оригиналы оказываются нынѣ среди древностей сибирскихъ.

Наиболѣе типичными бронзами не даромъ славится кобаньскій могильникъ. Наводненіе 1869 года обнаружило въ Кобани, осетинской деревушкѣ, лежащей въ ущельѣ Тагауръ, при р. Гизель или Кобанъ, на сѣверо-западъ отъ Казбека и въ 30 в. отъ Владикавказа, сплошное кладбище: могилы были устроены

изъ плитъ и булыжника, тѣло было согнуто колѣнями впередъ и лежало на правомъ боку, руки были на груди, кисти у головы. Научныя раскопки произвелъ тамъ впервые Г. Д. Филимоновъ, и затѣмъ могильникъ этотъ изслѣдовали многіе русскіе и иностранные археологи, а туземцы, видя спросъ на бронзовыя древности, окончательно изрыли его, продавая массами вещи русскимъ и заграничнымъ любителямъ. Эта печальная участь постигла уже и постигаетъ понынѣ и другіе могильники сѣвернаго Кавказа. Ежегодно добывается въ нихъ и продается масса вещей, но, такъ какъ раскопки ведутся лишь для выгоды, то составленныя доселѣ коллекціи кавказскихъ бронзъ не могутъ служить прочнымъ матеріаломъ для научнаго изученія культуры сѣвернаго Кавказа.

Бронзы кобаньскаго некрополя вызвали на первыхъ порахъ ихъ открытія общее вниманіе ученыхъ. Согласно сложившейся, отчасти по ихъ поводу, гипотезѣ, введеніе бронзы или сплава мѣди съ оловомъ въ Европу совершилось не однимъ южнымъ, средиземнымъ путемъ, но и по сѣверу Каспійскаго моря изъ Средней Азіи, и Кавказъ будто-бы ранѣе другихъ странъ воспользовался новою индустріею. А такъ какъ въ кобаньскомъ некрополѣ почти вполнѣ отсутствуетъ желѣзо, выдѣлывавшееся на Кавказѣ задолго до Геродота (по извѣстію о Халибахъ), то древность этого некрополя казалась восходящею до періода прото-этрусскаго или за 1,000 лѣтъ до Р. Х. Въ погребальной утвари этого некрополя полагали возможнымъ видѣть оригиналы древней культуры въ Европѣ (по могильнику носящей названіе «галльштатской»), какъ въ предметахъ, такъ и въ орнаментикѣ и техническихъ процессахъ. Гадательно указана была связь или даже родство того-же могильника съ находками въ предѣлахъ дунайской территоріи, палафиттами сѣверной Италіи и открытіями въ пелазгичекихъ мѣстностяхъ древней Греціи и Малой Азіи (Микены, Троя), и по этой связи намѣчена для Кобани эпоха перваго появленія желѣза. Исключительное господство бронзы въ этомъ могильникѣ было принято какъ свидѣтельство самостоятельной восточной ея фабрикаціи, стоящей особнякомъ отъ бронзъ финикійскихъ и итало-этрусскихъ, которыми снабжалась вся Европа. Если, наконецъ, въ некрополѣ Кобани оказывались вещи, тождественныя или родственныя съ вещами могильниковъ, возникшихъ не ранѣе римской эпохи, какимъ являются напр. Камунта, Камбулта и др., этотъ противорѣчивый фактъ полагали возможнымъ устранить, предположивъ, что въ Кобани могильникъ, по своимъ слоямъ, служилъ для многихъ поколѣній и даже вѣковъ.

Между тѣмъ, среди вещей кобаньскаго могильника находятся бронзовые сосуды греко-римской работы позднѣйшаго времени. Равнымъ образомъ нѣтъ основаній относить въ глубь вѣковъ до Р. Х. и прочіе некрополи, такъ какъ, съ одной стороны, при незначительной величинѣ каждаго изъ нихъ, трудно думать, чтобы ими пользовались въ теченіи многихъ столѣтій, а съ другой въ нихъ попадается немало вещей античнаго характера, зашедшихъ съ Босфора, часты находки сасанидскихъ монетъ и рѣзныхъ камней, изъ которыхъ первое мѣсто принадлежитъ печати изъ бѣловатаго камня, найденной въ Дигоріи, въ могильникѣ Рутха, у Камунты, и принадлежащей гр. Уваровой, съ изображеніемъ головы сасанидскаго царя VI в. по Р. Х. Довольно часты находки византійскихъ монетъ VI, VII и

слѣдующихъ вѣковъ по Р. Х., а византійскіе историки тѣхъ-же временъ нерѣдко говорятъ о дани, платимой Аланамъ для обезпеченія владѣній Византіи.

Рядъ золотыхъ вещей указываетъ на время послѣ Р. Х., а бронзовыя иногда подражаютъ этимъ золотымъ, позднѣйшимъ предметамъ. Вещи изъ Недвиговки (Танаиса) совершенно сходны съ бронзовыми вещами Кавказа, а Недвиговское городище занимаетъ мѣсто «Новаго» Танаиса, построеннаго въ I—II в. по Р. Х., вмѣсто стараго, разрушеннаго Полемономъ (см. вып. I, стр. 13).

Что бронзовая культура сѣвернаго Кавказа продолжалась до временъ довольно позднихъ, до временъ введенія христіанства въ Аланіи, видно отчасти по изображеніямъ крестовъ на двухъ бронзовыхъ зеркальцахъ: одно найдено въ могильникѣ близъ аула Дзивгиса и украшено изображеніями такъ называемой печати Соломоновой и двумя крестами (въ Историческомъ музеѣ), а другое, неизвѣстнаго происхожденія — двумя зайцами и двумя крестами (въ колл. гр. Уваровой).

Наконецъ, есть прямое свидѣтельство о бронзовыхъ аланскихъ вещахъ у византійскаго писателя XV в. Халкокондилы, пользовавшагося, видимо, болѣе древними источниками. «Въ сосѣдствѣ съ горами верхней Иберіи — говоритъ онъ — живутъ Аланы, Гунны и Эмбы. Аланы простираются до горы Кавказа и считаются между другими самыми храбрыми и искусными въ военномъ дѣлѣ. Они дѣлаютъ превосходныя кольчуги, слѣдуютъ ученію Господа нашего Іисуса Христа, имѣютъ особый языкъ и *изъ мѣди изготовляютъ оружіе, называемое аланскимъ*».

Бронзы Кобани не составляютъ ея исключительныхъ типовъ. Такъ, фибула въ видѣ дуги съ иглою, выходящею изъ закругленнаго ея конца, встрѣчается въ Камунтѣ, и тамъ-же встрѣчаются головныя булавки съ концами въ видѣ загнутыхъ роговъ, притомъ тѣхъ-же варварскихъ преувеличенныхъ размѣровъ.

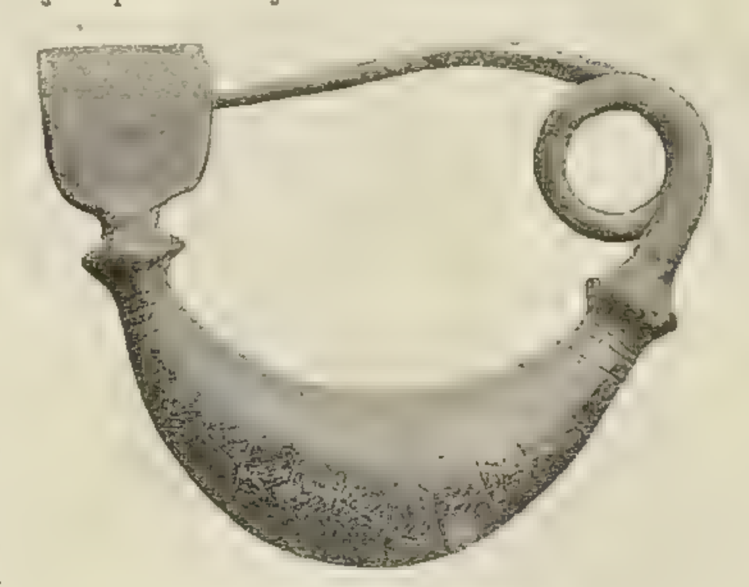

107. Бляха изъ Кобани.

Любопытный металлъ представляютъ тонкія бляшки и бляхи (рис. 107) въ видѣ щитковъ, сверху покрытыхъ грубо отлитыми геометрическими орнаментами, обыкновенно кругами, сегментами и пр., снизу же совершенно гладкихъ и блестящихъ, какъ вычищенное накладное серебро. Эти щитки или диски принимаются доселѣ за древнія зеркала, съ которыми они, дѣйствительно, имѣютъ наиболѣе сходства, и встрѣчаются отъ южной Россіи до глубины Сибири включительно. Но, вмѣсто обычныхъ у зеркалъ ручекъ, эти щитки снабжены только маленькимъ ушкомъ, черезъ которое можно продѣть лишь тонкую веревочку или ремешокъ, и для употребленія въ качествѣ зеркалъ, явно, не приспособлены. Единственное объясненіе этихъ бляшекъ идетъ отъ конскихъ уборовъ, гдѣ подобныя формы очень обычны во всѣ времена; у варваровъ наборные ремни и ременныя бляхи также были обыкновенннымъ украшеніемъ. Эти бляхи между кавказскими, средне-азіатскими и сибирскими древностями дѣлались изъ сплава.

Возможно, что именно эта композиція называлась въ древности *орейхалкъ*, сплавъ мѣди, о которомъ говоритъ Плиній. Тотъ-же сплавъ, подъ невѣрнымъ

именемъ латуни, извѣстенъ во множествѣ издѣлій древнихъ и современныхъ Средней Азіи и доселѣ въ особенномъ употребленіи у Текинцевъ.

108. Фибула изъ Кобани. Эрмитажъ.

Фибулы въ кобаньскомъ некрополѣ составляютъ непремѣнную принадлежность мужскаго и женскаго убора; число фибулъ въ могилахъ отъ одной доходитъ до шести, и потому, хотя большинство ихъ носитъ характеръ плечевыхъ, надо думать, что форма этихъ послѣднихъ была распространена на всякаго рода застежки въ одеждахъ. Въ плечевыхъ фибулахъ, имѣющихъ по длинѣ иглы отъ 7 до 11 сантиметровъ, преобладаетъ форма лука, котораго тетиву образуетъ игла, сдѣланная вмѣстѣ съ лукомъ изъ одного куска проволоки, но болѣе тонкая къ концу; тамъ, гдѣ игла выходитъ изъ лука, проволока согнута спирально, и эта спираль сообщаетъ иглѣ упругую эластичность; острымъ концомъ игла затыкается въ лоточекъ, образованный изъ другаго расплюснутаго конца лука. А такъ какъ подобная плечевая фибула, по своей тяжести, натурально свѣшивается лукомъ внизъ, и помогаетъ перетягивать мантію сзаду на передъ, къ подмышкамъ, то и было принято увеличивать тяжесть части, выгнутой лукомъ, утолщая его и придавая ему форму калачика или, пожалуй, піявки (рис. 108). Орнаментація поверхности фибулъ, исполняемая или рѣзцомъ въ обычномъ геометрическомъ синтаксисѣ, или проволокою, или гранями, ничѣмъ не выдѣляется изъ начальнаго искусства, общаго древностямъ Европы въ самыя разнообразныя эпохи. Исключеніе составляетъ издаваемая (рис. 109) фибула, которая орнаментирована тремя головами каменнаго козла; подобная фибула найдена вмѣстѣ съ головною булавкою, такъ-же украшенною.

109. Тоже.

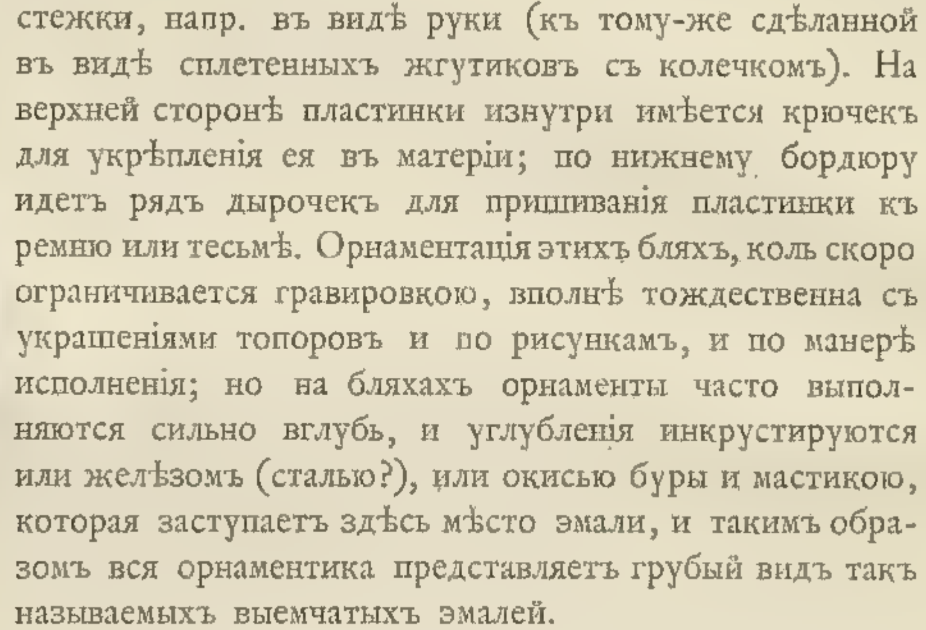

110. Поясная пластина изъ Кобани. Эрмитажъ.

Наиболѣе оригинальнымъ предметомъ кобаньскаго некрополя являются большія (до 20 и болѣе сантиметровъ) бронзовыя пластинки или бляхи продолговатой

четыреугольной формы, служившія украшеніемъ ременнаго или матерчатаго пояса. Рѣже встрѣчаются обычныя наборныя бляхи ремней полукруглой формы или за-

111. Головная булавка изъ Кобани, въ уменьшенномъ видѣ. Эрмитажъ.

112—113. Головныя булавки изъ Кобани, въ уменьшенномъ видѣ. Эрмитажъ.

стежки, напр. въ видѣ руки (къ тому-же сдѣланной въ видѣ сплетенныхъ жгутиковъ съ колечкомъ). На верхней сторонѣ пластинки изнутри имѣется крючекъ для укрѣпленія ея въ матеріи; по нижнему бордюру идетъ рядъ дырочекъ для пришиванія пластинки къ ремню или тесьмѣ. Орнаментація этихъ бляхъ, коль скоро ограничивается гравировкою, вполнѣ тождественна съ украшеніями топоровъ и по рисункамъ, и по манерѣ исполненія; но на бляхахъ орнаменты часто выполняются сильно вглубь, и углубленія инкрустируются или желѣзомъ (сталью?), или окисью буры и мастикою, которая заступаетъ здѣсь мѣсто эмали, и такимъ образомъ вся орнаментика представляетъ грубый видъ такъ называемыхъ выемчатыхъ эмалей.

Грубо-варварскій характеръ этой орнаментаціи, зачастую совершенно разногласящей съ формами орнаментируемаго предмета — животныя приходятся вдоль пластинки иногда (рис. 110) въ запрокинутомъ положеніи, потому что скопированы съ предмета иной формы — стоитъ въ связи съ варварскою утрировкою величины этихъ пряжекъ; болѣе пригодные размѣры (0,05 — 0,07) встрѣчаются и въ Кобани, но рѣже, чѣмъ въ прочихъ могильникахъ Кавказа. Повидимому, это преувеличеніе размѣровъ указываетъ на позднѣйшее варварское развитіе древней формы.

Головныя булавки имѣютъ въ кобаньскомъ уборѣ наиболѣе разнообразную орнаментацію и по своимъ крупнымъ размѣрамъ, доходящимъ до 33 сантиметровъ длины (въ единичныхъ случаяхъ и болѣе), составляютъ

оригинальность этого некрополя, чисто варварскаго характера. Булавки находятся всегда подъ головою, расположенными накрестъ; ихъ размѣры указываютъ на погребальный варварскій уборъ и на обильную, даже чрезмѣрную шевелюру племени; того-же типа шпильки встрѣчаются на груди или у колѣнъ, гдѣ онѣ служили для закалыванія одеждъ. Головки этихъ булавокъ раздѣланы или въ формѣ лопатки, листа, подобнаго плющевому и виноградному, массивной крестообразной шляпки, или даже въ видѣ военнаго топорика, и на нѣсколькихъ экземплярахъ украшены сценою преслѣдованія оленя двумя собаками (рис. 113).

Оригинальный, но мало понятный предметъ личнаго убора представляютъ небольшія (отъ 3 до 6 сантиметровъ длины), свитыя спиралью изъ бронзовой тесьмы зажимки или аграфы (рис. 114), той-же техники и даже той самой формы, что налокотники и наручи. Нельзя предполагать, чтобы это были перстни, такъ какъ, по свидѣтельству раскапывавшихъ кобанскія могилы, эти предметы всегда находятся близь ушей скелетовъ и притомъ парами; но нельзя также допустить, чтобы это были подвѣски къ серьгамъ, какъ то думаютъ обыкновенно. Скорѣе всего, эти зажимки, расположенныя на вискахъ, назначались для двухъ толстыхъ, ниспадающихъ локоновъ, и потому, въ существѣ дѣла, должны повторять тѣ, также непонятные, золотые аграфы греко-восточнаго искусства, въ видѣ спирали, съ богатою орнаментаціею, которыя нерѣдко встрѣчаются между находками кипрскими и керченскими и могутъ быть объяснены въ этомъ смыслѣ черезъ посредство нѣкоторыхъ статуэтокъ.

114. Бронзовая спираль изъ Кобани.

Ножныя кольца, изъ массивной бронзы, находимыя въ Кобани, парами, въ качествѣ женскихъ украшеній, представляютъ явное воспроизведеніе въ бронзѣ блестящихъ и тяжелыхъ золотыхъ колецъ Персіи и Индіи. Ту-же имитацію дорогихъ издѣлій изъ листоваго золота даютъ браслеты изъ бронзы, желобчатые, съ спиральными завитками по концамъ, бронзовые перстни изъ спиральныхъ пластинъ и въ особенности пышные налокотники и наручи изъ длинной, свитой спиралью бронзовой тесьмы, съ спиральными-же завитками по концамъ. Налокотники имѣютъ коническую форму (рис. 116), наручи у кисти (рис. 117) — правильную цилиндрическую. Ни тѣ, ни другіе не имѣютъ никакого отношенія къ вооруженію и не назначались для защиты руки отъ ударовъ, взамѣнъ ременнаго плетенія: ихъ единственною цѣлью было, видимо, стягивать рукава, какъ то

115. Бронзовая спираль изъ Кобани.

наблюдается въ костюмахъ кавказскихъ горцевъ. Подобные наручи встрѣчаются въ некрополяхъ Венгріи, Рейна, Франціи и Италіи, но нигдѣ не имѣютъ они такихъ большихъ размѣровъ.

116. Бронзовый налокотникъ изъ Кобани.

Между браслетами, кромѣ обычныхъ бронзовыхъ въ видѣ спирали, рѣдко попадаются иные: по рѣдкости золотыхъ кобаньскихъ древностей обращаетъ на себя вниманіе маленькій золотой браслетъ съ змѣиною головкою на концѣ въ собраніи графа А. А. Бобринскаго.

Предметы вооруженія съ художественными украшеніями въ Кобани относятся къ двумъ типамъ: топоровъ и короткихъ мечей или кинжаловъ. Топоры, сдѣланные исключительно изъ бронзы, массивные и тяжелые, замѣчательно и тонко сформированные и украшенные, никогда не были простою утварью, но всегда оружіемъ и могли бы называться сѣкирами, по своему назначенію, если бы по своей формѣ, съ однимъ остріемъ и пяткою, не приближались наиболѣе къ обыкновеннымъ топорамъ. По своему выгибу, общей изящной формѣ, эти предметы, очевидно, идутъ отъ элегантныхъ формъ римской бронзы и напоминаютъ въ своемъ родѣ скорѣе народное вооруженіе, чѣмъ въ собственномъ смыслѣ боевое орудіе. Въ противоположность ихъ общей утонченной формѣ, полученной черезъ отливку въ шаблонѣ, варварская мѣстная рѣзьба покрываетъ ихъ поверхность или общепримитивнымъ геометрическимъ орнаментомъ, или звѣриными фигурами: оленей, барсовъ, лошадей, рыбъ, змѣй и птицъ, напр. лебедей, пѣтуховъ и пр. Всѣ эти фигуры лишь весьма отдаленно напоминаютъ древніе восточные образцы, напр. въ подтянутыхъ животахъ звѣрей, и настолько грубы, что было бы трудно говорить о ихъ стилѣ. Пока на одномъ только экземплярѣ встрѣчена фигура человѣка, очень поверхностно переданная, но, повидимому, воина: человѣкъ окруженъ семью змѣями и стрѣляетъ въ нихъ изъ лука. Возможно, что мы имѣемъ здѣсь иранскій прототипъ легенды о св. Георгіи Храбромъ, избивающемъ змѣй; любопытно, что тотъ-же самый сюжетъ повторенъ на скандинавскомъ топорѣ.

117. Бронзовый браслетъ изъ Кобани.

Въ виду поздняго происхожденія кобанскихъ бронзъ, излишне разбирать геометрическую орнаментику, ихъ покрывающую, и способъ ея рѣзьбы и насѣчки; здѣсь встрѣчаемъ обычные меандры, зигзаги, розетки, такъ назыв. свастику, лучи звѣздные, уподобляющіе блескъ оружія сіянію солнечному, согласно восточнымъ поговоркамъ и заклинаніямъ.

Рукояти мечей или кинжаловъ орнаментируются лишь въ томъ случаѣ, когда дѣлаются изъ массивной бронзы; образецъ подобной рукояти представляетъ намъ ту-же излюбленную форму вѣтвистыхъ роговъ каменнаго козла, какъ и на привѣскахъ прочей утвари.

118. Бронзовый топоръ изъ Кобани, съ изображеніемъ оленя.

Къ бронзовымъ украшеніямъ отъ личнаго убора относятъ также любопытныя (погребальнаго назначенія и спеціальнаго производства) имитаціи въ миніатюрныхъ размѣрахъ конскихъ псаліевъ, также палицъ и булавъ (въ типѣ такъ наз. шестоперовъ). Сюда-же можно отнести и непонятнаго назначенія бронзовыя кольца, снабженныя по ободу колеса птичьими головками.

119. Бронзовый конекъ изъ Кобани.

Фибулы, застегивающія мантію или иную верхнюю одежду на плечѣ, относятся въ древностяхъ Кавказа (какъ и повсюду въ древностяхъ варварскихъ народовъ) къ сферѣ римско-греческаго вліянія и перенятой отъ классическихъ народовъ одеждѣ; какова-бы ни была эта верхняя одежда, но, въ отличіе отъ варварскаго кафтана, она должна была свободно покрывать тѣло, и именно потому нуждалась въ легкой металлической застежкѣ. Чѣмъ легче, слѣдовательно, эти застежки, тѣмъ болѣе эти свободные покровы приближаются къ античной короткой мантіи, и, наоборотъ, чѣмъ фибулы грузнѣе и, главное, массивнѣе и больше, тѣмъ болѣе выдается, во-первыхъ, варварское подражаніе античному оригиналу, и, во-вторыхъ, характеръ самой одежды, изъ сукна, войлока или даже мѣховыхъ шкуръ.

120. Колечко изъ Камунты.

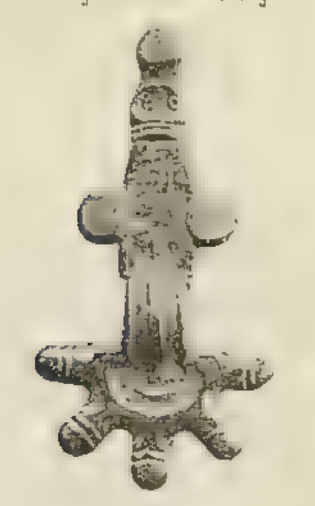
Между фибулами Камунты не рѣдкость встрѣтить крохотныя застежки въ видѣ лучка съ иглою изъ золота и серебра, вѣроятно, дѣтскія или для легкихъ мантій. Но явно преобладаетъ типъ большой фибулы (до 3 вершковъ длины) изъ серебра или изъ бронзы, крытой серебрянымъ золоченымъ листомъ, въ формѣ арбалета. По фибулѣ иногда въ гнѣздахъ сажены цвѣтныя стекла — гранатоваго или яхонтоваго цвѣта и изумруднаго. Фибулки бронзовыя въ видѣ птицъ и животныхъ съ фантастическими при-

датками въ видѣ птичьихъ головъ (въ типѣ урало-алтайскихъ древностей) украшаются стеклянными инкрустаціями цвѣта граната, лаписъ-лазули и бирюзы, уже по способу выемчатой эмали. Одна (рис. 121) большая и массивная фибула, въ осложненной, но грубой формѣ арбалета имѣетъ на концѣ три орнаментальные ассирійскаго типа (не христіанскихъ) креста и въ выемчатыхъ поляхъ украшена зеленоватымъ стекломъ на красной мастикѣ (изъ буры), подобно находимымъ въ Керчи фибуламъ, и составляетъ мѣстное издѣліе. Находимыя доселѣ круглыя бронзовыя фибулы бываютъ украшены разноцвѣтною эмалью и представляютъ издѣлія римскихъ фабрикъ. Наконецъ, важный для связи съ такъ наз. готскими древностями типъ бронзовой фибулы въ видѣ арбалета съ пятью шариками вокругъ головки (подобіе жемчужинъ, насаженныхъ на проволоку) встрѣчается также между вещами некрополей Камунты и Камбулты (рис. 122), какъ и въ керченскихъ могилахъ, но сравнительно рѣдко.

121. Фибула изъ Камунты.

Эмалевыя фибулы (рис. 123) Кавказа, какъ и тождественныя съ ними находки въ Крыму (Керменчикъ въ Симферополѣ), Керчи, Ольвіи и пр., ничѣмъ не отличаются отъ лучшихъ издѣлій этого рода, находимыхъ въ Венгріи, на Рейнѣ и во Франціи.

122. Фибула найденная въ Галіатъ-Ратхѣ.

Предметы убора изъ золота, находимые въ Камунтѣ, рѣдко представляютъ такія высокія художественныя формы, чтобы быть предметами вывоза. Большинство предметовъ носитъ на себѣ печать мѣстнаго издѣлія, причемъ, однако, ихъ матеріалъ доставлялся, видимо, въ извѣстной разработанной формѣ: золотой и серебряной проволоки, золотыхъ полушариковъ, изъ которыхъ на мѣстѣ изготовлялись и предметы, и ихъ нехитрая орнаментація зернью, филигранью, сканью.

Такъ, серьги въ предѣлахъ Кавказа, начиная съ эпохи Рождества Христова, даютъ повтореніе одного излюбленнаго типа: колечко согнуто изъ проволоки, иногда обмотано золотыми или серебряными нитями, или набрано зернью, или оставлено гладкимъ; къ этому кольцу подвѣшенъ на ушкѣ подвижной прутикъ, на который насаженъ жемчугъ, или иные камни (рѣже) и кораллы, или золотое подобіе жемчужины. Второй типъ видоизмѣняетъ эту форму такъ, что жемчужина, иногда три зерна, крупныя или мелкія, чаще изъ золота, прикрѣплены къ самому колечку, (рис. 126) какъ-бы нитью изъ зерни. Оригинальный видъ серегъ (рис. 129)

123. Эмалевая фибула изъ Камунты.

съ подвѣшенною къ колечку опрокинутою пирамидкою вспоминаетъ въ схемѣ натуралистическій типъ орнаментальной виноградной грозди, почему пирамидка набрана вся зернью.

Изрѣдка встрѣчаются серьги (рис. 130) калачикомъ — античный типъ, извѣстный еще въ древностяхъ Керчи и перешедшій, затѣмъ, черезъ варваровъ на древнюю Русь, и серьги, охватывающія ухо индо-персидскаго типа (рис. 131).

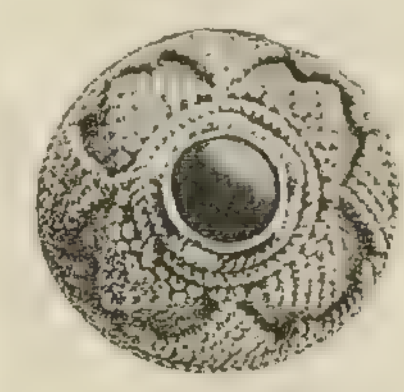
Въ то время, какъ серьги и перстни составляютъ необходимую принадлежность женскаго убора, украшеніе головы діадемою, хотя бы изъ тонкаго золотаго листика, подражающаго вѣнку изъ листьевъ и ягодъ, составляетъ уже рѣдкое и отдаленное воспоминаніе. Діадема, очевидно, уступила мѣсто азіатскимъ матерчатымъ покровамъ, кикамъ и кокошникамъ, отъ которыхъ сохраняются только украшавшія ихъ бляшки, пряжки, аграфы, пуговочки съ камнями.

На шеѣ мужчинъ изрѣдка встрѣчаются серебряныя гривны, или изъ гладкой проволоки, или изъ свитой жгутомъ; тоже въ могилахъ дѣтскихъ. Шея женщины убиралась нерѣдко рядомъ монистъ въ видѣ низокъ изъ бусъ разнаго достоинства по матеріалу и работѣ. Запястье рукъ неизмѣнно украшается браслетомъ изъ металлической проволоки.

Столь-же малымъ художественнымъ достоинствомъ отличаются бляшки нашивныя, подвѣсныя къ монистамъ и наборныя отъ ремней: скань, бисерныя украшенія или зернь и камни, преимущественно сердолики, рѣже

124. Золотая бляшка изъ Камунты.

125. Серебряная бляшка изъ Перми.

126. Золотая серьга.

127. Серебряная серьга

128. Золотая серьга.

129. Золотая серьга изъ Камунты.

яхонты и гранаты, таковы немногія средства ихъ орнаментики. Особо замѣчательны условныя формы хищной птицы, которыми орнаментируются небольшія золотыя подвѣски.

130. Золотая серьга изъ Камунты.

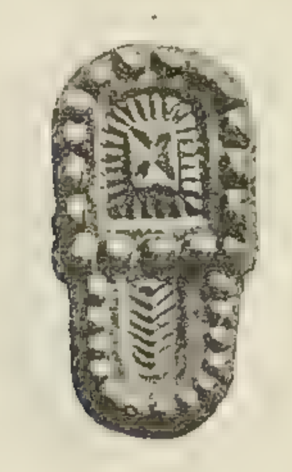
Наиболѣе любопытнымъ предметомъ мужескаго убора были наборные ремни поясовъ, по всей длинѣ усаженные бляшками золотыми или бронзовыми золочеными, или только по концамъ. Одинъ типъ (рис. 132) бляшекъ этого рода, орнаментированныхъ крупными перловыми штабиками по краямъ, а въ срединѣ дающихъ въ рѣзьбѣ подобіе вѣтки, оказывается тождественъ съ издѣліями того-же рода, найденными въ Тарсосѣ, въ Малой Азіи, въ Саратовской губерніи, въ Венгріи и Сѣверной Италіи, и указываетъ на явное родство этой художественной формы въ варварскихъ издѣліяхъ въ эпоху IV — VI стол. по Р. Х.

131. Золотая серьга Кубанской области.

Въ женскомъ уборѣ обращаютъ на себя вниманіе золотые полые (рис. 133) цилиндры, украшенные по листовому золоту снаружи зернью треугольниками, и служившіе, вѣроятно, для пропусканія закрученной косы.

Рѣзные камни, происходящіе изъ Камунты, имѣютъ въ большинствѣ форму небольшаго перстня-печатки, но носились не на пальцахъ, а въ видѣ подвѣски къ рукѣ по восточному обычаю, такъ какъ существующее въ нихъ небольшое отверстіе сдѣлано только для нанизыванія. Тотъ-же типъ извѣстенъ во множествѣ находокъ среднеазіатскихъ, и самые типы рѣзныхъ вглубь изображеній одни и тѣ-же. Матеріалъ, изъ котораго сдѣланы эти геммы, большею частью или халцедонъ, или сердоликъ. Рѣзьба небрежная, неискусная, зачастую ограничивается одною работою сверломъ. Эти печатки входятъ здѣсь въ составъ монистъ, вмѣстѣ съ другими низками.

132. Золотая пряжка изъ Камунты.

Самостоятельнаго значенія въ исторіи глиптики эти издѣлія не имѣютъ и, видимо, составляютъ лишь привозные продукты,

входя, такимъ образомъ, въ общую группу рѣзныхъ камней пароянской Персіи, Средней Азіи, Кавказа, Малой Азіи и отчасти южной России, существовавшую съ тѣмъ-же грубымъ вкусомъ отъ эпохи Рождества Христова до весьма позднихъ временъ.

133. Золотой цилиндръ изъ Камунты.

Изображенія на этихъ камняхъ представляютъ животный міръ: быковъ, оленей, каменныхъ барановъ, птицъ, свиней, также фантастическаго грифона, льва, который терзаетъ быка, разныя эмблемы, вѣтки лавра, шестилучевой звѣзды, лотоса и роговъ изобилія и монограммы, тождественныя съ позднегреческими.

Лишь въ видѣ исключенія являются рѣзные восточные цилиндры (иные каппадокійскаго происхожденія) съ символическими изображеніями священныхъ животныхъ по сторонамъ древа жизни, божествъ и поклонниковъ, равно греческія геммы рѣзныя на гранатѣ, восточные конусы изъ халцедона съ причудливыми фигурами (*гриллами*), но и этотъ разрядъ относится почти исключительно къ эпохѣ эллинистическаго искусства послѣ Александра Македонскаго.

Камунтскіе некрополи доставили массу разнообразныхъ монистъ, богатствомъ употребленныхъ матеріаловъ указывающую на близость къ Востоку, этому всемірному рынку драгоцѣнныхъ и полудрагоцѣнныхъ камней. Здѣсь низки бусъ круглыхъ и плоскихъ, цилиндрическихъ, овальныхъ, четыреугольныхъ, пріобрѣтаютъ иногда изрядную тяжесть. Большинство бусъ привозилось изъ Сиріи, составляя ея фабричныя издѣлія изъ стекла, и отличается правильною механически выработанною формою: таковы особенно бусы изъ цвѣтнаго и разноцвѣтнаго стекла, изъ такъ назыв. пасты съ глазками, съ масками, изъ золоченаго стекла, подражающаго жемчугу. Должно отмѣтить находку низокъ зеленыхъ (аквамариновыхъ и сапфировыхъ) бусъ изъ прозрачнаго стекла въ могильникѣ Камбулты. Особо любопытно обиліе, массивные размѣры и грубая обдѣлка бусъ изъ пурпурной амбры. Явно мѣстнымъ производствомъ являются бусы очень крупныхъ размѣровъ изъ горнаго хрусталя и черной лавы.

Любопытно развитіе вкуса къ стекляннымъ перстнямъ и кольцамъ; большинство этихъ колечекъ, однако, составляло предметъ вывоза вмѣстѣ съ стеклянными браслетами, но въ то время, какъ послѣдніе вытянуты изъ голубоватаго или зеленаго стекла, перстеньки чаще всего представляютъ темнокоричневый (черепашій, или-же гранатовый оттѣнокъ) цвѣтъ; перстеньки неизмѣнно снабжены въ верхней части пуговкою или эмалевымъ плоскимъ щиткомъ изъ пестраго стекла.

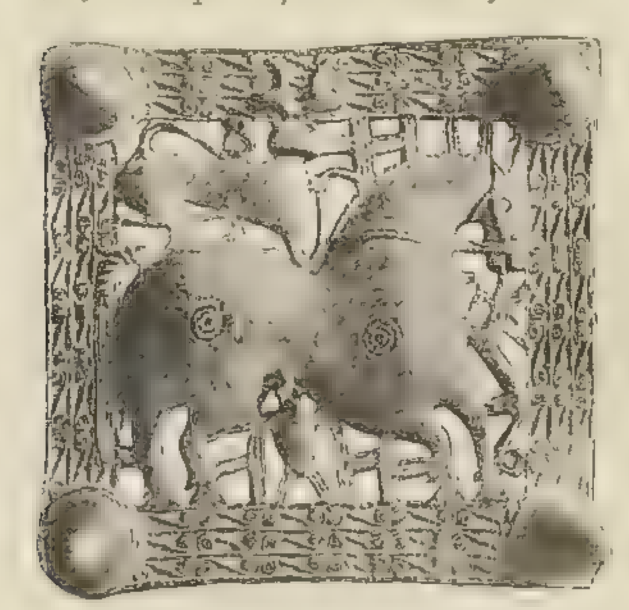
Древности могильниковъ въ Камбултѣ ничѣмъ не отличаются отъ находокъ Камунты: тѣ-же золотыя и электровыя кольца для серегъ, тѣ-же подвѣски къ монистамъ изъ сердоликовъ (вмѣсто сирійскихъ гранатовъ, но съ удержаніемъ моды на красные камни) въ оправѣ изъ тонкой филиграни, тѣ-же фибулы изъ серебра, крохотныя лучкомъ изъ золота, мониста изъ большихъ бусъ горнаго хрусталя, халцедона, сердолика. Одна (рис. 134) изящная подвѣсочка сдѣлана изъ золота въ видѣ птички, слетающей внизъ съ распущенными крыльями, въ

которыя вправлены сердолики и ляписъ-лазули. Любопытны лишь диски и рукоять меча изъ жада-яшмы, пріобрѣтаемой въ Индіи и доселѣ общеупотребительной на Востокѣ въ предметахъ оружія.

134. Золотая птичка изъ Камбулты.

Большая поясная бляха изъ некрополя Камбулты въ собраніи Эрмитажа ясно представляетъ имитацію въ бронзѣ образца, исполненнаго по золоту. Широкая кайма бляхи въ золотомъ оригиналѣ была сдѣлана въ видѣ тонкаго золотаго листика, на которомъ напаяна золотая проволока и свитые изъ той-же проволоки жгуты: здѣсь все это на отлитой пластинѣ съ большими усиліями выполнено рѣзьбою. По угламъ посажены четыре высокія коническія пуговки, также отлитыя, въ подражаніе покрытымъ листиками золота шляпкамъ мѣдныхъ или желѣзныхъ гвоздей, скрѣплявшимъ облицовку съ основою и ремнемъ. Внутренность пластины сначала исполнена литейнымъ мастерствомъ, затѣмъ чеканомъ и рѣзьбою, которая столь-же мучительно подражаетъ легкой работѣ въ золотомъ листѣ, чѣмъ отчасти объясняется и крайняя тяжеловатость и даже неуклюжесть фигуръ. Самая вялость стиля, выражающаяся въ странныхъ пропорціяхъ, толстотѣ груди и зада, безхарактерной головѣ, имѣетъ своимъ источникомъ ремесленную небрежность добытыхъ путемъ торговли или принесенныхъ оригиналовъ изъ золота и серебра. Все поле занято однимъ оленемъ, уже припадающимъ на колѣни или затравленнымъ; неуклюже вытянутая въ одну линію собака впилась ему въ нижнюю челюсть; въ полѣ сверху виденъ убѣгающій съ обернувшейся головою туръ или муфлонъ. Оленья морда имѣетъ вмѣсто верхней челюсти клювъ грифона; хвостъ загнутъ на спину и образуетъ на концѣ причудливый щитокъ изъ спирали.

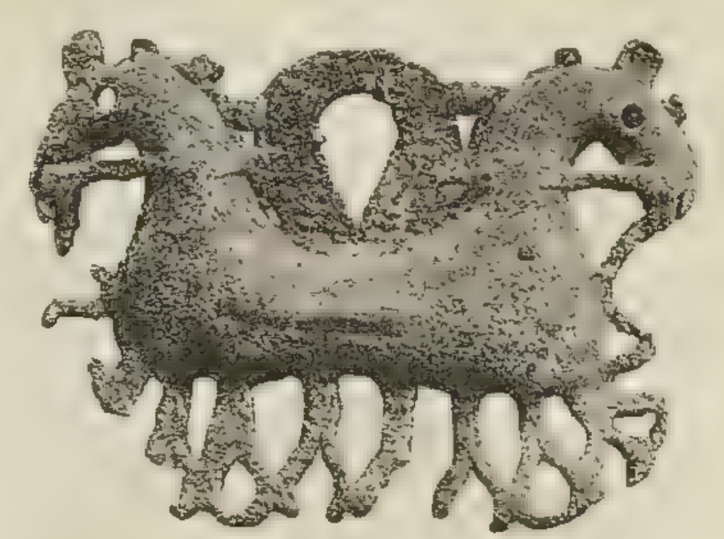

135. Бронзовая бляха изъ Рачи.

Къ тому-же типу поясныхъ бляхъ относится (рис. 135) бронзовая бляха изъ Саэліо въ Рачѣ съ изображеніемъ коня въ уздечкѣ.

Большія поясныя четыреугольныя бляхи отъ пояса встрѣчаются въ некрополяхъ Камунты, Казбека, Делижана и др., и хотя сдѣланы изъ бронзы, но во всемъ рисункѣ, самой фактурѣ, видимо, подражаютъ неизвѣстнымъ пока издѣліямъ изъ золота другихъ, вѣроятно, среднеазіатскихъ мѣстностей. Кайма ихъ бываетъ украшена въ чеканѣ спиралями — восьмерками или волютами, которыя въ золотыхъ вещахъ дѣлаются изъ проволоки сканью; внутри этой каймы чеканомъ-же выполнена фигура оленя съ длинными, вѣтвистыми рогами, съ фантастическими придатками къ рогамъ и хвосту въ видѣ птичьихъ головокъ, точь въ точь, какъ въ сибирскихъ древностяхъ; формы тѣла преувеличены, представлены вяло и безхарактерно; вмѣсто прежнихъ сильныхъ мускуловъ замѣчается опухлость членовъ.

Подобныя бляхи представляютъ также тура съ птицами; одна — человѣка, сидящаго на двойномъ конѣ — по всей вѣроятности, воспоминаніе античныхъ изображеній колесницы бога или героя.

136. Бронзовое украшеніе изъ Камунты.

Раскопки Пфафа, Байерна и Антоновича въ Дигоріи, въ м. Камунтѣ, дали бронзовыя браслеты, пряжки, фибулки лучкомъ, серьги съ сажеными бусами, зеркала, шпильки, булавки съ головками въ видѣ рожковъ и пр. — типа общаго съ другими могильниками; разрытъ былъ, кромѣ того, рядъ могилъ позднѣйшаго типа; въ одной изъ нихъ найдена византійская монета съ 3 императорами и наборы бляшекъ, крытыхъ золотымъ листомъ, на поясахъ, золотыя втулки съ зернью, длинныя пряжки съ зернью, серьги съ подвѣскою, желѣзные топоры того-же типа, что въ Кобани, стеклянныя зеленыя бусы, иногда съ глазками, горшочки черной глины, желѣзныя стремена и пр. Всѣ эти вещи находятся нынѣ въ Тифлисскомъ музеѣ.

137. Бляшка изъ Камунты.

Раскопки проф. Антоновича въ Дигоріи, близь аула Зивгиса, открыли гробницу, по всей вѣроятности, болѣе поздняго времени, сложенную изъ черепицъ, съ крышкою, выкрашенною въ черный, желтый и бѣлый цвѣтъ. Въ ней на подстилкѣ, на которой найденъ хмѣль, лежалъ скелетъ въ мѣховомъ кафтанѣ ниже колѣнъ, полосатомъ фригійскомъ колпакѣ съ мѣховымъ околышемъ, въ матерчатыхъ сапогахъ съ загнутыми носками и съ поясомъ, набраннымъ бронзовыми бляшками по бѣлой кожѣ.

Бронзовыя подвѣски въ видѣ человѣческой фигурки, очень грубо и поверхностно отлитой въ $1^{1}/_{2}$ вершка вышиною, встрѣчающіяся нерѣдко въ древностяхъ кавказскихъ могильниковъ, имѣли, повидимому, значеніе амулетовъ. Такъ, между подобными фигурами изъ Камунты обращаетъ на себя вниманіе фигурка воина съ воздѣтыми въ молитвенномъ положеніи руками. Эти воины чаще представляются въ римскихъ шлемахъ съ высокимъ гребнемъ, чѣмъ въ восточныхъ шишакахъ.

Болѣе многочисленны подвѣски въ видѣ роговъ оленьихъ, козлиныхъ, бараньихъ, а также въ видѣ самихъ животныхъ. Вся манера представленія этихъ животныхъ (какъ и человѣческихъ фигурокъ) отличается тою безхарактерною вялостью, которая свойственна позднему, замирающему въ глуши подражательному

стилю и ничего не имѣетъ общаго съ примитивнымъ стилемъ, преувеличеннымъ, но всегда характернымъ.

Кобаньскія подвѣски, однако, не достигаютъ той утрировки, какую находимъ въ орнаментикѣ Казбекскаго некрополя, и ихъ общій характеръ сводится къ типу древностей сибирскихъ или арало-каспійскихъ и земли Войска Донскаго.

Изъ могильника Чми извлечены массы бронзовыхъ уборовъ того-же типа, что въ Камунтѣ, но, видимо, подражательныхъ и лишенныхъ характера. Топоры, какъ въ Кобани, но безъ рисунка, наборы бронзовые на ремняхъ въ видѣ ажурныхъ бляшекъ и пряжекъ, подобные золотымъ Камунтскимъ, такіе-же короткіе и широкіе кинжалы, браслеты въ видѣ улитки, цѣпи и цѣпочки, фибулы плечевыя съ цѣпочками и пр. Лишь очень рѣдко между вещами встрѣчаются предметы стильные. Таковы, напримѣръ, двѣ поясныя пряжки, съ подымающеюся къ одной изъ нихъ конскою головою, тогда какъ на другой эта голова съ длинными заложенными назадъ ушами, какъ будто хватаетъ язычекъ другой смыкающей пряжки.

138. Бронзовая золоченая бляха изъ Чми въ Императорскомъ Эрмитажѣ.

Тамъ-же и мелкія хозяйственныя принадлежности, какъ-то: иглы, огниво и пр., подвѣшиваемыя къ поясамъ, какъ и на западѣ въ средніе вѣка (châtelaine). Доселѣ обычай этотъ наблюдается у горцевъ, засвидѣтельствованъ у Мингрельцевъ и прочихъ народностей Кавказа въ старину. Поясъ нерѣдко покрывали даже золотыми бляхами, а къ нему, кромѣ сабли, привѣшивали все, что можетъ понадобиться горцу внѣ дома: ножъ, точило, огниво, мѣшочки съ солью и перцемъ, иглу, шило, нитки и даже свѣчу.

Некрополь катакомбъ, высѣченныхъ въ скалахъ по дорогѣ изъ Владикавказа въ Ларсъ (проѣхавъ по Военногрузинской дорогѣ мимо аула Чми и Джераховскаго укрѣпленія), по берегу р. Сцаргома, представилъ доселѣ рядъ находокъ, вполнѣ аналогичныхъ съ могильникомъ Камунты. Подобно этому послѣднему, его эпоха восходитъ до Рождества Христова. Отъ ранняго времени здѣсь встрѣчаемъ мелкія золотыя издѣлія: серьги, брактеаты или подвѣсныя бляшки отъ ожерелій и монистъ, иногда съ гранатами; отъ позднѣйшей эпохи тѣ-же издѣлія, украшенныя цвѣтными стеклами. Ко II—III вѣку по Р. Х. относится, напр., большой оправленный ониксъ въ кавказскомъ собраніи Императорскаго Эрмитажа,

двуслойный; уже въ концѣ существованія Римской Имперіи это было своего рода рѣдкостью. Въ эпоху позднѣйшую здѣсь умножаются золотыя издѣлія съ инкру-

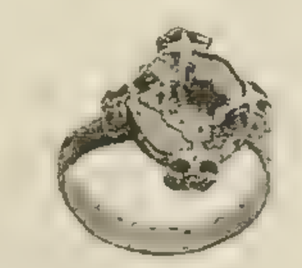

139. Ониксъ въ золотой оправѣ изъ Эрмитажнаго собранія.

стаціями. Но въ общемъ вкусѣ, выборѣ предметовъ наблюдается все та-же оскудѣвшая греческая культура: вещи отличаются мелкими размѣрами, даже миніатюрностью сережекъ и пряжекъ, перстеньковъ стеклянныхъ и бронзовыхъ, со стеклышками вмѣсто камней, крохотныхъ золотыхъ и электровыхъ аграфовъ въ видѣ спиралей съ зажимами, бусинокъ съ цвѣтными глазками и маскаронами, подвѣсочекъ, трубочекъ и пр. Характерныя крупныя, даже громоздкія и неуклюже преувеличенныя издѣлія варварскаго вкуса, столь обычныя въ некрополяхъ Кобани, Казбека, представлены здѣсь слабо.

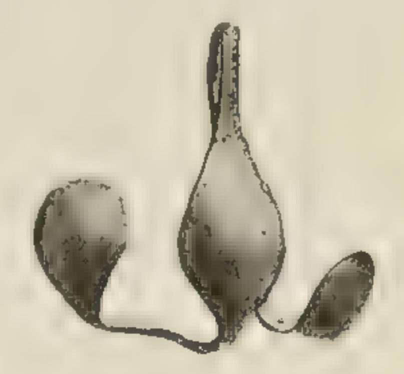

140. Бляшка изъ Камунты.

141. Перстень изъ Кубанской области.

Некрополь Казбека, открытый въ 1871 году на правомъ берегу Терека, въ сторонѣ отъ Военно-грузинскаго шоссе, въ видѣ большихъ зарытыхъ кучъ всевозможныхъ предметовъ, сваленныхъ жителями мѣстности послѣ разрытія переѣзаннаго дорогою кладбища, былъ разслѣдованъ Филимоновымъ, Байерномъ и Комаровымъ. Нѣсколько уцѣлѣвшихъ могилъ, открытыхъ проф. Антоновичемъ, къ сожалѣнію, кромѣ обычныхъ фибулъ у бедръ, бронзовыхъ браслетовъ, перстней изъ золота, серебра, бронзы и желѣза, серегъ золотыхъ, желѣзныхъ ножей, не содержали именно

142. Золотой аграфъ изъ Камунты.

тѣхъ замѣчательныхъ по своимъ крупнымъ варварскимъ размѣрамъ предметовъ, которые и составляютъ оригинальность этого некрополя. Именно здѣсь были

143. Бронза изъ Казбекскаго могильника.

144. Тоже.

145. Тоже.

найдены большія бронзовыя втулки, на цѣпяхъ и съ цѣпочками внизу, въ видѣ оленей (рис. 143) съ вѣтвистыми рогами, а также человѣческихъ фигуръ, воиновъ, стоящихъ какъ-бы на деревѣ, уподобленномъ фантастическому звѣрю о множествѣ роговъ, и держащихъ въ рукѣ (рис. 146) подобіе погремушки. По концамъ этихъ колесничныхъ и конскихъ уборовъ прицѣплены большіе бубенцы или колокольцы, подобные которымъ встрѣчаются и въ разныхъ мѣстахъ Терской области. Встрѣчаемыя здѣсь втулки (иногда съ остатками дерева) въ видѣ оленьяго бюста съ рогами указываютъ, повидимому, на принадлежность всѣхъ крупныхъ бронзъ къ предметамъ конскаго убора и даже колесничныхъ украшеній.

146. Тоже.

Изъ прочихъ бронзовыхъ вещей, добытыхъ Г. Д. Филимоновымъ, любопытны

плоскія, прорѣзныя пряжки въ видѣ животныхъ съ подогнутыми ногами, втулки со спиральными рогами, иногда съ уродливо переданными сценами, напр., Персея, убивающаго Горгону. Круглыя бляхи съ фигурками лошадей, козловъ, барановъ и всадниковъ, прикрѣплявшіяся на уздахъ лошадей; наконецъ, замѣчательная серебряная чашка, украшенная завитками, съ гусиными головами на концахъ и пальметками восточнаго характера; на днѣ ея повторена семитическая буква.

Раскопки Байерна на Казбекѣ доставили въ Тифлисскій музей, кромѣ большихъ бронзовыхъ колокольцевъ, подвѣшенныхъ на рогахъ оленя, еще восемь выпуклыхъ круглыхъ бронзовыхъ бляхъ съ умбономъ посрединѣ, съ ушкомъ на оборотѣ и съ животнымъ, повидимому отъ плечевыхъ украшеній, на подобіе носимыхъ и доселѣ, затѣмъ рядъ золотыхъ пластинокъ со всадниками (см. рис. 147), золотыя серьги съ сѣтью подвѣсокъ, золотые зажимы для волосъ разныхъ размѣровъ, богатый подборъ бусъ, пасты съ масками, сердолики и стекло.

147. Золотая бляшка изъ Тифлисскаго музея.

Г. Долбежевъ производилъ разслѣдованія въ разныхъ мѣстахъ Осетіи, именно въ Кобани, Камунтѣ, Чми, въ нагорной Кабардѣ, въ Нальчиковскомъ округѣ, гдѣ изслѣдованы имъ могильники Балкаръ, Хуламъ, Чегемъ, далѣе въ Озорковѣ по Баксану до Эльбруса, въ Атажукинѣ аулѣ, въ Тліѣ по ущелью на югъ за хребтомъ, въ Бомутѣ на Сунджѣ, гдѣ разслѣдованы имъ кладбище, курганы и пещеры, идущія этажами въ началѣ ущелья. Въ 1881 г. имъ-же разслѣдованъ каменный курганъ близъ Троицкой станицы по Сунжѣ; затѣмъ въ нагорной части Аргуньскаго округа, въ м. Кіѣ, открыты имъ гробницы въ видѣ отдѣльныхъ плитовыхъ и общихъ усыпальницъ, подобныхъ кубанскимъ дольменамъ.

Въ Чечнѣ, въ м. Ичкеріи, раскопки производилъ Н. С. Семеновъ. Въ нѣкоторыхъ могилахъ имъ найдены были бронзы, браслеты, фибулы, булавки, латы пектораль, привѣски, поясныя пряжки съ орнаментомъ и съ личиною въ серединѣ въ формѣ колеса, крючки и желѣзныя вещи. Характерными чеченскими типами являются бронзовыя бляхи въ видѣ двухъ крылъ, между которыми помѣщенъ крючекъ и два фантастическихъ звѣря.

148. Бронзовая бляха изъ Хевсуріи.

Вещи Хевсуріи тѣсно примыкаютъ къ древностямъ Осетіи. Между ними замѣчательны странно преувеличеннаго размѣра бронзовыя украшенія и уборы, выпуклыя бронзовыя бляхи, большая ажурная бляха со звѣрями (рис. 148), инаго стиля, нежели ажурныя бляхи со звѣрями Осетіи и Рачи (см. выше), фигуры оленей какъ-бы собирающихся прыгнуть, составивъ вмѣстѣ заднія и переднія ноги, на втулкѣ (поза, встрѣчаемая и на сибирскихъ бронзахъ), пара бронзовыхъ быковъ

казбекскаго типа, бронзовая статуэтка человѣка весьма грубая, но съ примѣтными слѣдами греческаго вліянія.

Находки въ Дагестанѣ пока скудны и мало интересны; въ Тифлисскомъ музеѣ хранится рядъ небольшихъ грубыхъ фигурокъ, воздѣвшихъ съ мольбою руки, найденныхъ въ количествѣ 88 въ курганѣ около Чаліяхо въ Дидоевскомъ обществѣ. Упоминается о находкѣ въ Дагестанѣ бронзовой статуэтки женщины, кормящей ребенка.

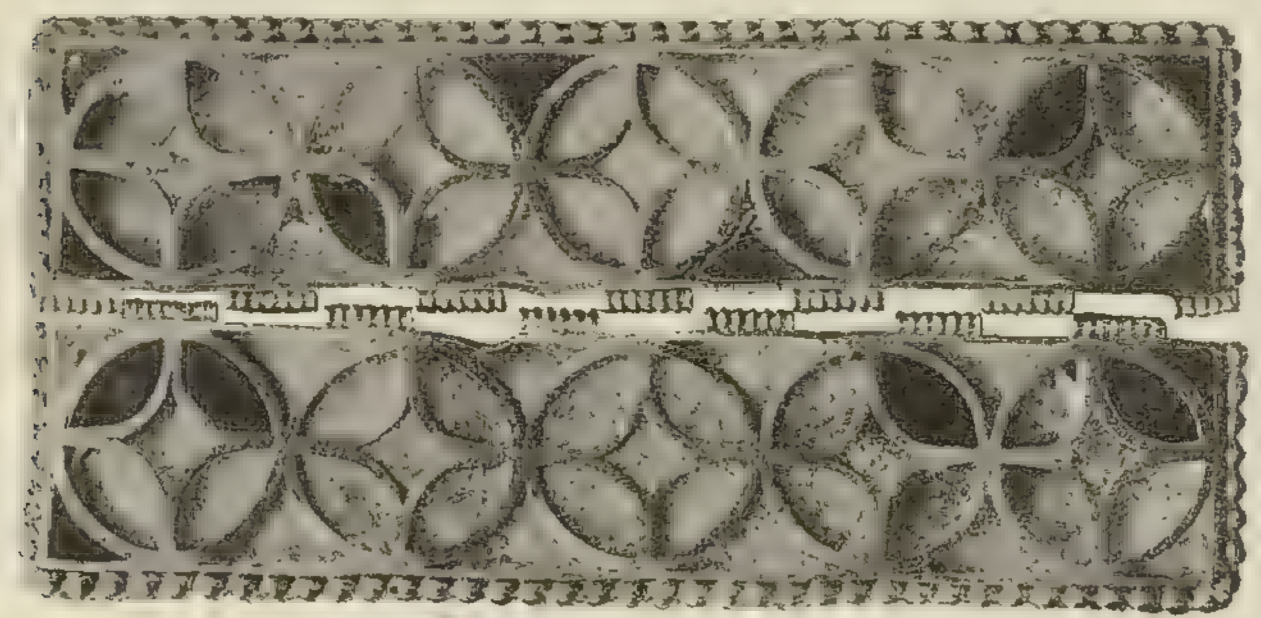
Могильникъ Самтавро, или Мцхетскій, расположенъ въ долинѣ Арагвы, вблизи монастыря Самтавро и городка Мцхета, на промежуточной плоской возвышенности, и былъ открытъ въ 1871 году, благодаря нивеллировкѣ шоссе, идущаго по правой сторонѣ Араґвы и перерѣзавшаго уголъ могильника въ полутора верстахъ отъ города. Около собора въ 1872 году найдено было нѣсколько вещей римской работы въ могилахъ; на одномъ цилиндрическомъ бронзовомъ сосудѣ находится латинская надпись: «изъ мастерской Кальпурнія»; близь Мцхета, по дорогѣ въ Тифлисъ подъ высокимъ берегомъ, на верху котораго высѣчено нѣсколько погребальныхъ пещеръ найдена была въ 1867 году греческая надпись, говорящая о сооруженіи въ 75 г. по Р. Х. Веспасіаномъ крѣпости иберійскому царю Миѳридату. Эти находки и нѣкоторыя изъ нижепоименованныхъ, кромѣ яснаго указанія на греко-римское вліяніе, точно опредѣляютъ и время Самтаврскаго некрополя, по крайней мѣрѣ могилъ, устроенныхъ въ видѣ каменныхъ ящиковъ. Въ нихъ найдены были монета Августа, оттискъ съ парѳянской монеты II вѣка по Р. Х., рѣзной камень съ грубымъ изображеніемъ Аѳины съ побѣдой на рукѣ, что опредѣляетъ время некрополя первыми вѣками по Р. Х. Эти вещи хранятся въ Историческомъ музеѣ. Но большая часть вещей, добытыхъ Байерномъ изъ этого некрополя, хранится нынѣ въ Тифлисскомъ музеѣ. Изъ нихъ обращаютъ на себя вниманіе слезницы и флаконы изъ прекраснаго виннаго стекла краснаго цвѣта, масса булавокъ съ жемчужными и сердоликовыми головками, массивные надлокотные браслеты, фигурки оленей, фибулы и фибулки разныхъ формъ, большой акинакъ, пряжки бронзовыя, разнообразныя мониста греко-римскаго и кавказскаго типа, привѣска съ сердоликовымъ сердечкомъ и голубою эмалью, идущею кругомъ по рамкѣ, зеркала, колокольцы, обсидіаны, сердоликовые и стекляные перстеньки, серьги съ подвѣсками, украшенными гранатами и пр.

Раскопки Байерна и Цилосани въ Рѣдкинѣ Лагерѣ, близь Делижана, въ Закавказьи обнаружили много разнообразной посуды, бронзовыя копья и кинжалы, такіе-же тонкіе браслеты и поясныя накладки, перстни, привѣски въ видѣ птицъ весьма грубой работы, мониста изъ бусъ съ бронзовыми брактеями и ажурными бубенцами и проч. Всѣ эти предметы находятся нынѣ въ Тифлисскомъ музеѣ.

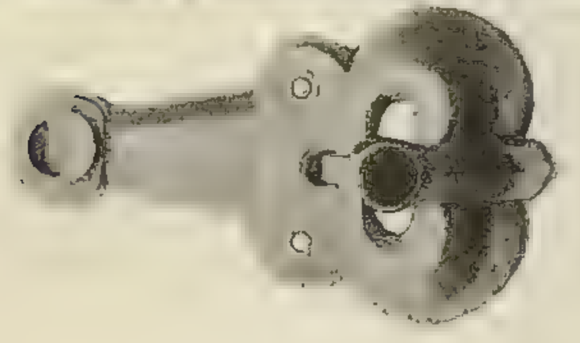
Когда появились въ южной Россіи племена германскія и славянскія, уже сидящія тамъ на памяти исторіи въ VI столѣтіи по Р. Х.? Пришли ли первыя въ тоже время, когда совершилось переселеніе народовъ для Восточной Европы и Азіи, а именно въ началѣ христіанской эры? Или же они сидѣли тутъ со временъ Геродота и только скрыты подъ иными именами?

Представителями Германцевъ въ южной Россіи въ эпоху переселенія народовъ были Готы. Имя ихъ впервые является здѣсь въ началѣ III-го вѣка по Р. Х. По

разсказу повѣствователя о древнѣйшихъ временахъ готской исторіи Іорданиса (VI в.), Готы вышли будто-бы изъ Скандинавіи подъ предводительствомъ царя Берига. Въ подтвержденіе разсказа приводятъ свидѣтельства Плинія о неизвѣстныхъ Гутонахъ и Тацита о Готонахъ — племенахъ, жившихъ на побережьи Бал-

149. Золотая пластинка съ инкрустаціями красная стекла изъ Терской области.

150. Пряжка оттуда-же.

тійскаго моря и занимавшихся добываніемъ янтаря. Уже со временъ римскаго императора Каракаллы начинаются (съ 215 г. по Р. Х.) враждебныя столкновенія Готовъ съ Римлянами за Дунаемъ и набѣги ихъ чрезъ Дунай на Балканскій полуостровъ.

При царѣ Филимерѣ Готы покорили неизвѣстное племя спаловъ (имя сближаютъ со славянскимъ «сполинъ, исполинъ»), затѣмъ подчинили себѣ будто-бы и племена германскія: Вандаловъ, Гепидовъ, Геруловъ, Квадовъ. Готы дѣлились, по Іорданису, на *Остроготовъ* (восточныхъ) и *Визиготовъ* (западныхъ); два готскихъ племени *Тервинговъ* и *Гревтунговъ*, встрѣчаемыя у прочихъ писателей, соотвѣтствуютъ, повидимому, этимъ частямъ Готовъ: Тервинги жили до Дуная, т. е. тамъ-же почти, гдѣ наша лѣтопись помѣщаетъ Тиверцевъ, а Гревтунги восточнѣе — до Танаиса. Изъ готскихъ царей Іорданисъ особенно возвеличиваетъ Германариха (въ половинѣ IV в.), «который покорилъ много сѣверныхъ племенъ» (при этомъ) наиболѣе воинственныхъ, и заставилъ (ихъ) подчиняться своимъ законамъ; нѣкоторые предки (наши) достойно сравнивали его съ Александромъ Великимъ. По увѣренію того-же автора, онъ подчинилъ всѣхъ Венедовъ (славянъ?), Эстовъ, Чудь, Леттовъ, Весь, Мерю, Мордву, Черемисъ и другія племена, имена которыхъ мы не можемъ отождествить ни съ какими извѣстными. Но такое описаніе могущества Германариха явно преувеличено, какъ то любитъ дѣлать

для прославленія Остготовъ Іорданисъ или, вѣрнѣе, источникъ его Кассіодоръ, министръ Ѳеодориха великаго. Весьма возможно, что и перечень именъ якобы покоренныхъ Германарихомъ финнскихъ племенъ относится не къ IV в., а ко временамъ самого Іорданиса, къ VI в. Явно противорѣчитъ такому возвеличенію его то, что даже родственники и сосѣди Остготовъ, Визиготы, ему не подчинялись. Болѣе историческаго значенія имѣетъ краткое замѣчаніе Амміана (XXXI, 3, 1), что Гунны, пройдя чрезъ земли Алановъ, именуемыхъ Танаитами, сосѣднихъ съ Гревтунгами, внезапнымъ нападеніемъ дерзко вторглись на широко раскинувшіяся и тучныя равнины (владѣній) Ерменриха, весьма воинственнаго царя, страшнаго для сосѣдей послѣ многихъ подвиговъ храбрости».

Царь этотъ, по Аммiану, самъ наложилъ на себя руки, вслѣдъ за побѣдоноснымъ вторженіемъ Гунновъ, а по Іорданису (гл. 24-я)—былъ раненъ мстившими ему вождями народца (кавказскаго?) Росомоновъ. Нельзя вѣрить толкованію сагъ, что Германарихъ жилъ, въ «градѣ Днѣпра» — Кіевѣ, такъ какъ битва готовъ съ гуннами, всего вѣроятнѣе, могла происходить на Дону или даже за Дономъ, у «горъ высокихъ, ясскихъ, и черкасскихъ, близъ воротъ желѣзныхъ», т. е. кавказскихъ. Очевидно, центръ тяжести готскаго преобладанія въ южной Россіи помѣщался на устьяхъ Дона, какъ о томъ доселѣ свидѣтельствуютъ находки. Погибъ въ битвѣ и преемникъ Германариха Витимиръ, а опекуны малолѣтняго Видериха Алатей и Сафраксъ ушли на Днѣстръ. Вождь Тервинговъ Атанарихъ, узнавъ о нашествіи Гунновъ, рѣшилъ сопротивляться: выстроилъ рядъ лагерей вдоль Днѣстра, а затѣмъ провелъ болѣе высокія стѣны отъ верховьевъ (Прута) до Дуная, отдѣлившія земли Тайфаловъ; быстро устроивъ это укрѣпленіе, готы считали обезпеченною свою безопасность (Аммiанъ, XXXI, 3, 5 сл.).

Но валы эти не спасли и Вестготовъ отъ гуннскаго покоренія. Главная масса Готовъ испросила позволенія укрыться за Дунай во владѣнія имперіи. По поводу этой переправы мы узнаемъ объ утвари и личномъ убранствѣ Готовъ: «женщины ихъ были одѣты великолѣпнѣе, чѣмъ можно ожидать отъ плѣнницъ»... въ числѣ имущества ихъ находились «льняныя ткани и ковры, съ обѣихъ сторонъ мохнатые» (Евнапій, стр. 43). На добро варваровъ позарились римскіе чиновники; корыстолюбіе ихъ вызвало роковое для императора Валента возстаніе всѣхъ варваровъ, перешедшихъ за Дунай. Оставшіеся по сю сторону Дуная Готы покорены были Гуннами и продолжали играть видную роль при дворѣ Аттилы, какъ видно изъ разсказовъ Приска. Нѣкоторыя бытовыя свѣдѣнія объ этихъ Готахъ, жившихъ къ Сѣверу отъ Дуная, даетъ также житіе Св. Савы, жившаго во времена Атанариха; народъ жилъ деревнями, и князья ходили съ дружиной по деревнямъ, творили судъ, возили на телѣгахъ деревянные идолы. Многія подробности дворцовой обстановки Аттилы, какъ описываетъ ее Прискъ, были принадлежностью покоренныхъ Гуннами осѣдлыхъ племенъ, Готовъ, таковы напр. искусно сооруженные деревянные дворцы.

«Въ половинѣ III вѣка Готы, — говоритъ проф. В. Г. Васильевскій — давно утвердясь на берегахъ Чернаго моря, а вслѣдъ за ними и подъ ихъ руководствомъ также и другіе сосѣдніе народы начинаютъ громить его азіатскіе берега, напоминая намъ казацкіе походы XVII вѣка, когда изъ устьевъ Дона отправля-

лись ладьи, приводившія въ трепетъ Константинополь, достигавшія Трапезунта и Синопа.

Еще во времена Страбона племена восточнаго побережья Чернаго моря жили морскими разбоями и сбывали добычу на босфорскихъ рынкахъ: для своихъ набѣговъ «они употребляютъ узкія и легкія лодки, вмѣщающія 25, рѣдко 30 человѣкъ, которыя Эллины называютъ «камары». Изъ нихъ составляютъ они цѣлые флоты, нападаютъ то на торговыя суда, то на земли или города и, такимъ образомъ, владычествуютъ на морѣ... Возвратившись на родину, не имѣя гаваней, они берутъ свои лодки на плечи и уносятъ ихъ въ лѣса, гдѣ они живутъ, обрабатывая свою неплодородную землю; но какъ только время года благопріятствуетъ судоходству, они опять достаютъ свои лодки» (Страбонъ XI, 2, 12).

Тацитъ разсказываетъ объ этихъ лодкахъ: «варвары безъ страха разъѣзжаютъ по морю, наскоро выстроивъ суда (они ихъ называютъ камарами) съ узкими боками и широкимъ чревомъ, сколоченнымъ безъ всякихъ мѣдныхъ или желѣзныхъ связей. Когда море бурно, они, смотря по тому, какъ высоко поднимается волна, прибавляютъ досокъ къ верху (обшивкѣ) судовъ, пока они не закроются наподобіе кровли. Такъ суда эти и плаваютъ среди волнъ, имѣя носы на обоихъ концахъ и весла, которыя могутъ перемѣнять направленіе, причемъ для нихъ безразлично и нѣтъ опасности причаливать той или другой стороной» (Тацитъ, Исторія, III, 47). Лодки эти напоминаютъ тѣ «однодеревки», на которыхъ дѣлали свои морскіе набѣги Готы, и которыя они разомъ сдѣлали для переправы чрезъ Дунай; на такихъ-же дѣлали походы на Цареградъ въ IX вѣкѣ Руссы, а въ XVII — донскіе казаки и запорожцы на берега Анатоліи.

Первый походъ Готовъ былъ въ 255 году. По словамъ Зосимы, «пока въ династіи босфорскихъ царей соблюдался правильный порядокъ наслѣдованія и держалась дружба съ Римлянами, попытки Готовъ пробраться отъ устьевъ Дона чрезъ Азовское море и Керченскій проливъ къ черноморскимъ берегамъ встрѣчали отпоръ. Но власть досталась въ руки людей недостойныхъ, которые изъ опасенія за свои собственные интересы не только дали свободный пропускъ Скиѳамъ, но даже перевезли ихъ на собственныхъ судахъ, куда тѣ хотѣли». Въ этотъ набѣгъ Готы, вмѣстѣ съ Воранами (Ворадами) осаждали безъ успѣха Питіунтъ (н. Пицунда), но были отбиты; высадились на устьяхъ Фазиса (Ріона), но захватить богатаго храма Артемиды имъ не удалось. Зато Трапезунтъ былъ взятъ и страшно разграбленъ. Въ 259 г. предпринятъ былъ походъ вдоль западнаго берега Чернаго моря разомъ и по морю, и по суху. Затѣмъ, захвативъ рыбачьи лодки и посадивъ на нихъ пѣхоту, Готы прошли Ѳракійскій Босфоръ и пограбили Халкидонъ, Никомидію, Никею, Апамею и Пруссу. Въ 262 — 263 г. Готы разграбили юго-восточное побережье Малой Азіи и разрушили эфесскій храмъ Артемиды. Походы были сдѣланы въ 264 и въ 267 годахъ, когда изъ Азовскаго моря выплыло 500 судовъ преимущественно Геруловъ; въ 268 г. принимали участіе Герулы, Остроготы или Гретунги, Визиготы или Тервинги, Гепиды и какіе-то «Кельты», вѣроятно, Славяне; шайки двинулись отъ устьевъ Днѣстра на 6.000 судахъ; въ 275 г. былъ послѣдній морской походъ Готовъ.

Вѣроятно, результатами этихъ морскихъ походовъ были и самыя поселенія Го-

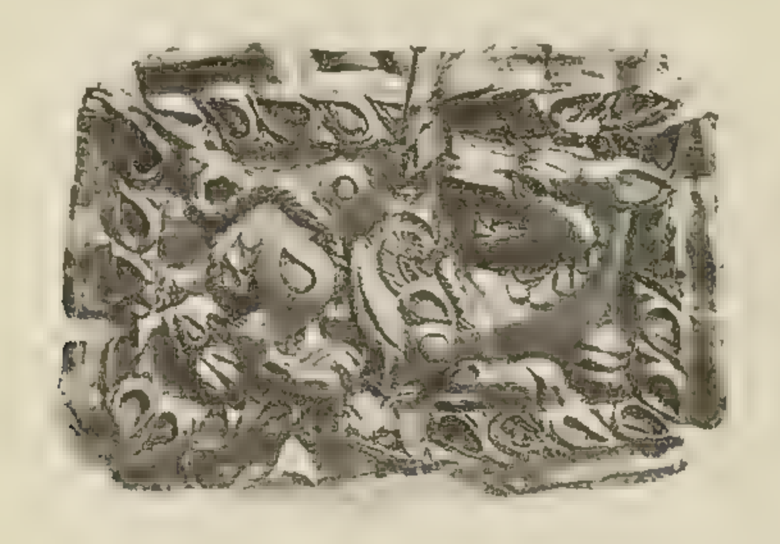
товъ на черноморскомъ побережьѣ. Прокопій (VI вѣка) говоритъ о поселеніяхъ Готовъ въ Крыму, въ странѣ «Дори», т. е. по южному берегу Крыма, отъ Балаклавы до Судака, и подробно разсказываетъ о поселеніи Готовъ на Таманскомъ полуостровѣ. Готы этой послѣдней мѣстности назывались Готами Тетракситами.

Прокопій (въ соч. «О постройкахъ Юстиніана») говоритъ слѣдующее: «Есть тамъ (у Меотійскаго озера) одна страна на морскомъ побережьѣ, называемая Дори; въ ней издавна живутъ Готы, которые не были увлечены Теодорихомъ въ Италію, а добровольно остались тамъ и понынѣ остаются союзниками Римлянъ и вмѣстѣ съ ними ходятъ на войну противъ ихъ враговъ, когда этого пожелаетъ императоръ. Число Готовъ простирается до трехъ тысячъ, они прекрасные воины, трудолюбивые и искусные земледѣльцы и отличаются гостепріимствомъ. Самая страна Дори лежитъ высоко, однако, не особенно дика и сурова, напротивъ, пріятна и богата прекрасными плодами. Въ этой странѣ императоръ нигдѣ не строилъ ни города, ни крѣпости, потому что тамошніе жители не терпятъ, чтобы ихъ запирали въ стѣнахъ, но всего болѣе любятъ жить въ поляхъ; только въ тѣхъ пунктахъ, которые казались легко доступными для непріятелей, онъ заградилъ входы длинными стѣнами и обезпечилъ Готовъ отъ опасностей нашествія». Впрочемъ, самъ-же Прокопій говоритъ, что Юстиніанъ «построилъ два сторожевыя укрѣпленія: такъ называемый Алустонъ и укрѣпленіе въ Горзувитахъ», нынѣшнія Алушту и Гурзуфъ. Такимъ образомъ, имя области Дори, данное южному берегу Крыма, видимо, ничто иное, какъ готское произношеніе имени Тавріи. Впослѣдствіи страна часто упоминается подъ именемъ «Готскихъ климатовъ» или прямо «Готіи». Мѣста, грозившія вторженіемъ варваровъ, были, несомнѣнно, горные проходы: по обѣ стороны Чатырдага сохранились еще остатки каменныхъ стѣнъ, считаемыхъ за тѣ длинныя стѣны, которыя выстроены Юстиніаномъ.

Готы заняли еще въ III вѣкѣ Таманскій полуостровъ и часть восточнаго берега Чернаго моря. Объ этихъ Готахъ Прокопій въ соч. «О Готской войнѣ» говоритъ слѣдующее: «Выше Сагиновъ (или Сагидовъ, жившихъ на восточномъ берегу Чернаго моря) обитаютъ многіе гуннскіе народы. А страна, которая, начинаясь отсюда, простирается до Меотійскаго болота и рѣки Танаиса, впадающей въ это болото, называется Евлисіей и населена по берегамъ и внутри варварами. Жители, здѣсь обитающіе, въ древности назывались Киммеріями, а теперь Утургурами. Выше ихъ въ сѣверномъ направленіи расположены безчисленные народы Антовъ. А подлѣ этой страны, тамъ, гдѣ начинается изліяніе озера, поселились Готы Тетракситы. Хотя они немногочисленны, но не хуже другихъ хранятъ свои христіанскіе уставы. Они присылали въ Византію четырехъ пословъ (въ 548 г.) съ просьбою дать имъ епископа. При публичномъ пріемѣ, когда присутствуетъ много слушателей, послы эти не заявляли ничего другаго, кромѣ дѣла объ епископѣ, —изъ страха предъ Гуннами Утургурами. Но въ тайномъ свиданіи объяснили всѣ выгоды, которыя имперія могла получить, возбуждая вражду среди сосѣднихъ варваровъ. Теперь я скажу о томъ, откуда переселились сюда Тетракситы и какимъ образомъ здѣсь утвердились. Прежде эти области были заняты большими толпами Гунновъ, называвшихся тогда Киммерійцами; они всѣ находились подъ властью

одного государя. У одного изъ этихъ государей родилось два сына: Утургуръ и Кутургуръ; сыновья раздѣлили между собой власть и сообщили свои прозванія управляемымъ ими народамъ: и до сего времени одни называются Утургурами, а другіе Кутургурами. Всѣ они жили здѣсь вмѣстѣ, имѣя одни и тѣ-же учрежденія, но не вступая въ сношенія съ другими людьми, обитавшими на другой сторонѣ Меотійскаго болота и вытекающаго изъ него рукава... А за переходомъ Меотиды и вытекающаго изъ нея пролива тотчасъ на самомъ берегу жили прежде Готы Тетракситы. Гораздо дальше были расположены Готы (Остготы) и Визиготы, Вандалы и другіе готскіе народы»...

Кутургуры остались у Дуная. «А Утургуры со своимъ предводителемъ собрались въ обратный путь домой, гдѣ они стали бы теперь жить одни. Когда они очутились близь Меотиды, то встрѣтились съ Готами Тетракситами. Готы сначала, оградившись щитами, стали насупротивъ наступающихъ, какъ-бы намѣреваясь защищаться, въ надеждѣ на свою силу и крѣпость самой позиціи. Они могутъ считаться самыми мужественными изъ тамошнихъ варваровъ; а рукавъ, идущій изъ Меотиды въ самомъ началѣ своемъ, гдѣ тогда жили Готы Тетракситы, и гдѣ онъ образуетъ лунообразный заливъ, ограждалъ ихъ, оставляя для нападающихъ только одинъ входъ. Но потомъ они вошли между собою въ такое соглашеніе, чтобы сдѣлать переходъ сообща и затѣмъ Готамъ поселиться на противоположномъ материкѣ на самомъ берегу пролива, гдѣ они и теперь еще сидятъ, и чтобы, сдѣлавшись на будущее время друзьями и союзниками Утургуровъ, жить съ ними впредь на вѣчныя времена на однихъ и тѣхъ-же взаимныхъ правахъ. Такимъ-то образомъ эти Готы основались здѣсь».

151. Золотая бляшка изъ Кубанской области.

Связь древностей Сибири съ кавказскими открывается всѣми сторонами художественнаго содержанія и самой формы предметовъ въ этихъ, повидимому, столь разъединенныхъ мѣстностяхъ. Но эта связь не играетъ здѣсь роли господствующаго основнаго факта. Напротивъ, на первый взглядъ наиболѣе бросается въ глаза варварская оригинальность кавказскихъ могильниковъ. Уже на второмъ планѣ замѣчаются многочисленныя связи съ античнымъ искусствомъ, иначе го-

*

воря, съ греческими колоніями и царствомъ Босфора Киммерійскаго, и только при подробномъ разсмотрѣніи, хотя зато почти всюду, начинаешь наблюдать сходство съ древностями Сибири и искусствомъ Востока. Правда, то-же наблюденіе въ концѣ концовъ убѣждаетъ, что замѣчаемыя прежде другихъ варварскія особенности, какъ напр. Кобанскихъ древностей, ничѣмъ не отличаются отъ обыкновенныхъ варварскихъ древностей Европы, что античный характеръ здѣсь составляетъ только сторонній придатокъ и что, наоборотъ, народная сущность этихъ памятниковъ или ихъ типъ заключается въ сходствѣ, въ связи съ Сибирскими древностями.

Напротивъ того, земля Войска Донскаго, а съ нею отчасти и теченіе Кубани являются второю стоянкою того восточнаго искусства, которое, сложившись въ эпоху Рождества Христова, вмѣстѣ съ народами передвинулось затѣмъ черезъ южную Россію и которое мы знаемъ на Востокѣ пока исключительно въ древностяхъ Сибири.

Древности земли Войска Донскаго, относящіяся къ эпохѣ переселенія народовъ, болѣе нежели сходны съ сибирскими: онѣ составляютъ вмѣстѣ одну нераздѣльную художественную группу, взаимно дополняемую, и связаны однимъ стилемъ. Донскія древности, правда, не лишены (какъ и кавказскія) элемента античнаго, котораго вовсе нѣтъ въ сибирскихъ, т. е. нѣтъ, такъ сказать, изъ первыхъ рукъ, а чувствуется антикъ, уже переработанный Востокомъ. Здѣсь, напротивъ, во многихъ вещахъ, особенно серьгахъ, подвѣскахъ, римскомъ бюстѣ на діадемѣ Новочеркаскаго клада, мы имѣемъ греко-римскій придатокъ, но онъ не вліяетъ на его стиль, который остается азіатскимъ, тѣмъ-же, что въ древностяхъ Сибири. Мы могли бы, напр., указать даже предметы древности, найденные на Дону, и на столько тождественные съ сибирскими, что въ нихъ не замѣчается ни малѣйшей противъ нихъ разницы даже въ техникѣ. Такъ, въ текущемъ 1890 году, въ юртѣ станицы Голубинской, 2-го Донскаго округа, оказались добытыми изъ кургана: одинъ мѣдный котелокъ съ коньками сибирскаго типа, одно бронзовое гладкое зеркальце и пара браслетовъ, свитыхъ изъ толстыхъ золотыхъ дротовъ. Концы браслетовъ сбиты молоткомъ въ одинъ дротъ, котораго наконечники раздѣланы затѣмъ въ видѣ головы лошади: въ шеѣ животнаго, и на мѣстѣ глазъ выбиты и затѣмъ начисто вырѣзаны овальныя ячейки, которыя и наполнены кусками бирюзы. Типъ головокъ, фактура, инкрустаціи, все въ этихъ браслетахъ тоже самое, что въ сибирскихъ древностяхъ Эрмитажа. Тоже родство открываетъ намъ главный памятникъ этой эпохи на почвѣ южной Россіи — такъ называемый *Новочеркаскій* кладъ.

Новочеркаскій кладъ, открытый въ 1864 году въ землѣ Войска Донскаго, близъ Новочеркаска, въ небольшомъ курганѣ Хохлачъ, при устройствѣ запаснаго резервуара для строившагося тамъ водопровода, заключалъ въ себѣ слѣдующія вещи: 1) діадему изъ листоваго золота, украшенную разноцвѣтными камнями, мелкимъ жемчугомъ, рѣзнымъ женскимъ бюстикомъ изъ аметиста, изображеніемъ оленей, птицъ и деревьевъ и различными привѣсками изъ золота; 2) массивное золотое ожерелье съ разноцвѣтными камнями; 3) два золотыхъ браслета; 4) три золотыхъ складныхъ коробочки; 5) золотой флаконъ на цѣпочкѣ; 6) продолго-

ватый агатовый цилиндръ, съ фигуркою льва изъ чеканнаго золота; 7) золотая статуэтка Эрота, играющаго на свирѣли; 8) два золотыхъ кубка; 9) два серебряныхъ кувшина; 10) три бронзовыхъ поломанныхъ сосуда; 11) множество золотыхъ украшеній, вѣроятно отъ одежды; 12) остатки золотыхъ нитей; 13) переломанныя части какихъ-то серебряныхъ вещей; и 14) обломки терракоттовой статуэтки. Всѣ эти вещи лежали въ кучкахъ надъ самымъ материкомъ, въ слоѣ насыпной глины. Дальнѣйшее разслѣдованіе кургана, произведенное В. Г. Тизенгаузеномъ, показало, что около центра его, на днѣ бассейна, вырытаго въ курганѣ, находилась глубокая, котлообразная яма, плотно заваленная черноземомъ, въ слояхъ котораго попадались обломки бронзоваго сосуда, черепки глинянаго кувшина, нѣсколько перетлѣвшихъ человѣческихъ костей, небольшой кусокъ обдѣланнаго желѣза, двѣ нашивки изъ листоваго золота и нѣсколько тонкихъ золотыхъ нитей.

Самый замѣчательный предметъ Новочеркаскаго клада — золотой вѣнецъ принадлежитъ по формѣ своей къ виду такъ называемыхъ діадемъ, или повязокъ. Знакомъ царскаго достоинства діадема служила для владыкъ востока. Александръ Великій прибавилъ персидскую діадему къ національному убору Македонянъ; эта діадема была бѣлою, она рано стала ненавистнымъ для Римлянъ знакомъ восточнаго деспота, и хотя Каракалла носилъ діадему въ видѣ домашняго убора и на монетахъ изображается въ повязкѣ съ двумя рядами жемчуга, какъ побѣдитель Парѳянъ, но онъ не носилъ ее публично. Первымъ римскимъ императоромъ, носившимъ жемчужную діадему, былъ Діоклетіанъ. Діадема Константина и Констанція состояла изъ золотаго вѣнка съ драгоцѣнными камнями, а у Валентиніана на монетахъ находимъ начельникъ — большой камень. Рано появилось и женское головное украшеніе въ формѣ съуживающейся повязки или діадемы, и Геліогабалъ, нося скрытно въ своемъ дворцѣ діадему, дѣлалъ это въ честь и въ подражаніе женщинѣ. Новочеркаская діадема есть женскій вѣнецъ: это обстоятельство доказывается столько же женскимъ императорскимъ бюстомъ изъ халцедона, на головѣ котораго вѣнокъ имѣетъ надъ лбомъ большой сирійскій гранатъ, сколько и подвѣсками, или, по старому русскому названію, *рясками*, въ видѣ золотыхъ репейковъ, идущихъ рядами кругомъ всей головы подъ нижнимъ бордюромъ повязки. Повязка убрана большими овальными гранатами и аметистами; въ промежуткахъ хищная птица, прикрѣпленная впрямь къ золотому листу грубой формы и отдѣлки, инкрустированная бирюзою. По каймѣ повязки въ два ряда шли нѣкогда крупныя жемчужины, отъ нихъ нынѣ уцѣлѣли только маленькіе золотые щитки, служившіе для ихъ прикрѣпленія. По всему полю повязки разсыпаны также драгоцѣнные камни. Главнымъ и наиболѣе характернымъ украшеніемъ является вѣнечный фризъ діадемы. Посрединѣ видимъ растеніе; оно повторено три раза и къ нему идутъ олени и козлы, которыхъ тѣло было инкрустировано бирюзою; во рту ихъ имѣются миніатюрныя колечки, на которыхъ опять подвѣшены были нынѣ недостающія жемчужины для красоты и приданія жизни убору производимымъ шумомъ и звономъ (этотъ звонъ имѣлъ также значеніе профилактическое, т. е. суевѣрно-оберегательное). Оба вида животныхъ принадлежатъ Сибири: первое — ея сѣверный олень; второе — мон-

152. Золотая діадема Новочеркаскаго клада.

гольскій *аргалъ*. Типъ этого аргала извѣстенъ намъ изъ древностей округа Минусинскаго и Красноярскаго, Перми и береговъ Дона. Обычай увѣнчивать края

153. Золотая діадема Новочеркаскаго клада.

предметовъ утвари фигурами мирно пасущихся животныхъ представленъ многими древностями Сибири, и мы должны отнести къ среднеазіатской техникѣ способъ припайки фигурокъ на особыхъ золотыхъ подвижныхъ палочкахъ, при помощи которыхъ фигуры первоначально можно было поднимать или спускать. Время про-

исхожденія этой діадемы косвенно опредѣляется нѣкоторыми ея частями. Мастеръ вставилъ посреди діадемы имѣвшійся у него подъ руками или данный ему заказщикомъ женскій рѣзной бюстъ изъ халцедона, снятый съ неизвѣстнаго намъ другаго предмета. По своей работѣ эта головка должна принадлежать къ III или даже IV в. по Р. X. и представлять портретъ римской императрицы. Съ такимъ опредѣленіемъ времени согласуется тождество фактуры этой головки и одной камеи конца IV-го столѣтія, сохранившейся въ соборной ризницѣ Трира. На ту-же эпоху намъ указываетъ и небрежно-грубая отдѣлка подвѣсокъ, исполненныхъ, однако, не самимъ мастеромъ короны, но кѣмъ либо ранѣе его, и снятыхъ также съ другаго предмета, котораго онѣ были украшеніемъ. По своему тождеству съ позднѣйшими керченскими издѣліями, онѣ ясно указываютъ, что новочеркаская корона могла быть исполнена только въ южной Россіи.

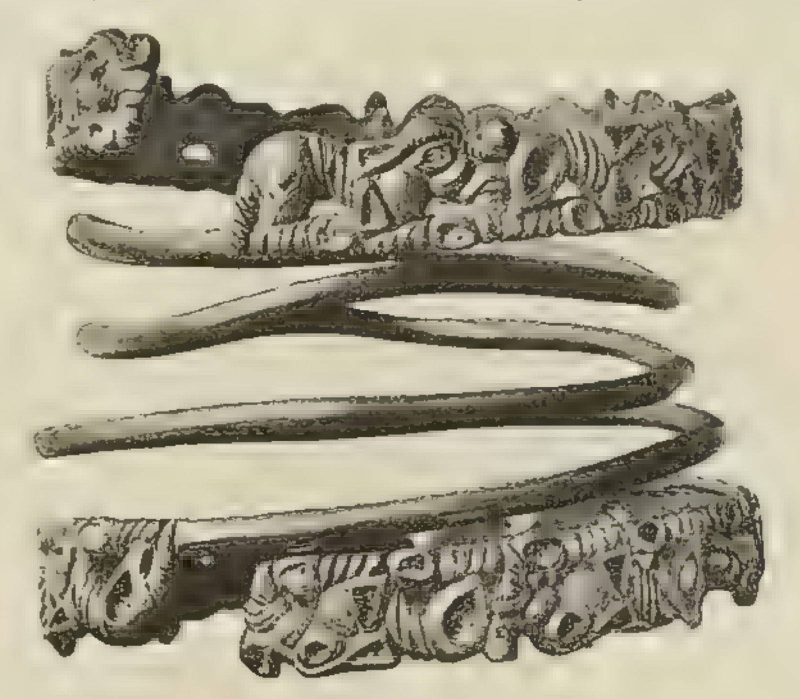

154. Ожерелье Новочеркаскаго клада.

Украшеніе (см. рис. 154) въ родѣ ожерелья, круглое, массивнаго золота, 16½ сант. въ поперечникѣ, 6 сант. высоты съ лицевой стороны и не болѣе 2 сант. на задней сторонѣ, подобно предыдущей діадемѣ. Весьма возможно, что мы имѣемъ здѣсь такую-же діадему. Середина его изъ трехъ согнутыхъ трубочекъ, сверху и снизу фризъ животныхъ, исполненныхъ горельефомъ и ажурно, почти совершенно сходныхъ другъ съ другомъ: съ громадными когтями на лапахъ, съ хвостомъ въ видѣ веревки; головы у однихъ какъ у грифовъ, у другихъ какъ у собакъ, на шеяхъ ошейники и въ бедрахъ ногъ—инкрустаціи розоваго коралла и бирюзы, въ глазахъ — топазы. Весь пошибъ держится изуродованнаго стиля Средней Азіи и Кавказа, но работа еще болѣе грубая, чѣмъ въ коронѣ.

Пара браслетовъ (рис. 155) изъ массивнаго золота въ видѣ спиралей о пяти оборотахъ; два послѣдніе оборота въ видѣ ряда чудовищъ, прилегшихъ на землю и грызущихъ хвостъ другъ друга. Громадная голова, широкая пасть и особенно рогъ надъ носомъ уподобляютъ это чудовище животному, которое особенно часто было встрѣчаемо нами на золотыхъ предметахъ изъ Сибири.

Неизвѣстнаго назначенія коробочки (рис. 156, 157), рѣзанныя изъ массивнаго золота, съ полукруглымъ, но приплюснутымъ низомъ, съ плоской крышечкой на подвижномъ шарнирѣ, 6 сант. въ поперечникѣ. На коробочкѣ дважды повторенъ мотивъ пожиранія оленя тигромъ и орломъ. На крышкѣ три бѣгущихъ животныхъ, представленныя въ кругу, имѣютъ такой-же грубый характеръ.

155. Браслетъ Новочеркаскаго клада.

Золотой рѣзной флакончикъ (рис. 158 и 159) для духовъ, тождественной формы съ флакономъ изъ Керчи (выпускъ II, рис. 134), вышиною въ 9 сант. и снабженный золотою цѣпочкой для ношенія у пояса, явно работы того-же мастера. Барсъ и орелъ терзаютъ оленя на поверхности сосуда. По шейкѣ бѣгутъ нѣсколько животныхъ, повидимому, зайцевъ.

Агатовый цилиндръ выдолбленъ внутри и образуетъ также флаконъ, котораго горлышко находится подъ передними ногами хищнаго животнаго. Передъ и задъ хищника придѣланы изъ золота. Персидскій пошибъ въ изображеніи животнаго указываетъ на образцы, служившіе мастеру новочеркаскаго клада.

Золотая статуэтка въ видѣ амура, играющаго на флейтѣ, можетъ относиться къ I—II в. по Р. Х.

156. Коробочка того-же клада.

157. Крышка той-же коробочки.

Въ кладѣ нашли цѣлый рядъ мелкихъ бляшекъ изъ чистаго золота; изъ нихъ однѣ (рис. 160), служившія украшеніемъ одежды, представляютъ оленя; на немъ гнѣзда еще болѣе грубой работы, чѣмъ на коронѣ. Другія бляшки, въ боль-

шомъ числѣ, изъ золота, инкрустированы пластинками голубой и розовой смальты или-же розоваго коралла и бирюзы.

158. Флаконъ для духовъ того-же клада.

Одна продолговатая пластинка неизвѣстнаго назначенія, съ цѣпочкой изъ золота набрана въ видѣ рѣшеточки (рис. 162), кусочками смальты голубаго, бирюзоваго и розоваго цвѣтовъ. Всѣ эти инкрустаціи напоминаютъ наиболѣе поздне-египетскія и азіатскія украшенія эпохи близкой къ Р. Х.

159. Крышка флакона.

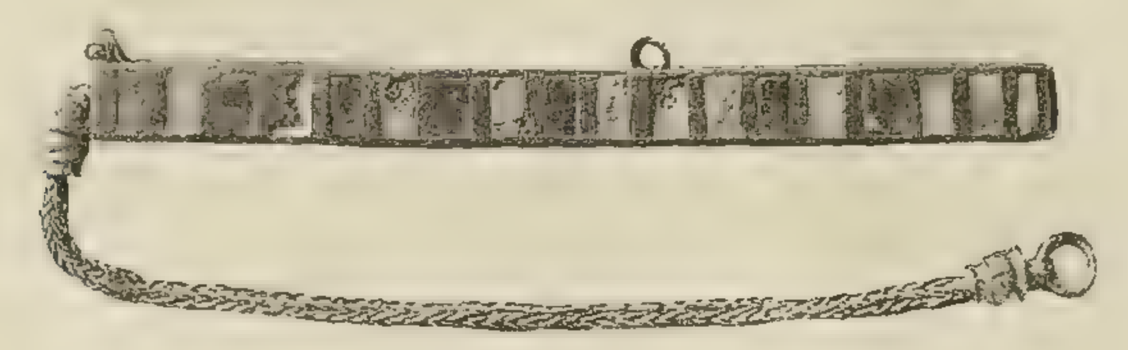
160. Флакончикъ для духовъ.

161. Золотая бляшка.

Золотые сосуды новочеркаскаго клада имѣютъ форму круглыхъ чашекъ, съ легко обозначенной губкой, и имѣютъ въ вышину отъ 7 до 8 сант. Ручка одной изъ нихъ (рис. 163) представляетъ того-же самаго оленя, но на этотъ разъ съ поломанными рогами, пришедшаго пить и наклонившагося къ сосуду. Подобный-же сосудъ, найденный въ станицѣ Мигулинской, былъ пріобрѣтенъ для коллекціи гр. А. С. Уварова: онъ имѣетъ большіе размѣры ($11^1/_2$ сант. высоты) и ручка его имѣетъ видъ хищнаго звѣря; по шейкѣ вазы идетъ поясокъ вырѣзанныхъ въ массивномъ золотѣ вглубь ромбовъ и треугольниковъ; ячейки этого пояска были набраны пластинками цвѣтной смальты. По верху идетъ надпись, исполненная наколомъ, неизвѣстнаго содержанія: ΞΗΒΑΝΟΚΟΥΤΑΡΟΥΛΑC — ΕΠΟΙΕΙ ⚹ ΜΠ: *Ксиванокутарулась дѣлалъ...*

Подобные-же сосуды съ фигурными ручками, но изъ глины и грубѣйшей работы встрѣчаются въ могильникахъ Кавказа.

162. Инкрустированная пластинка съ цѣпочкой Новочеркаскаго клада.

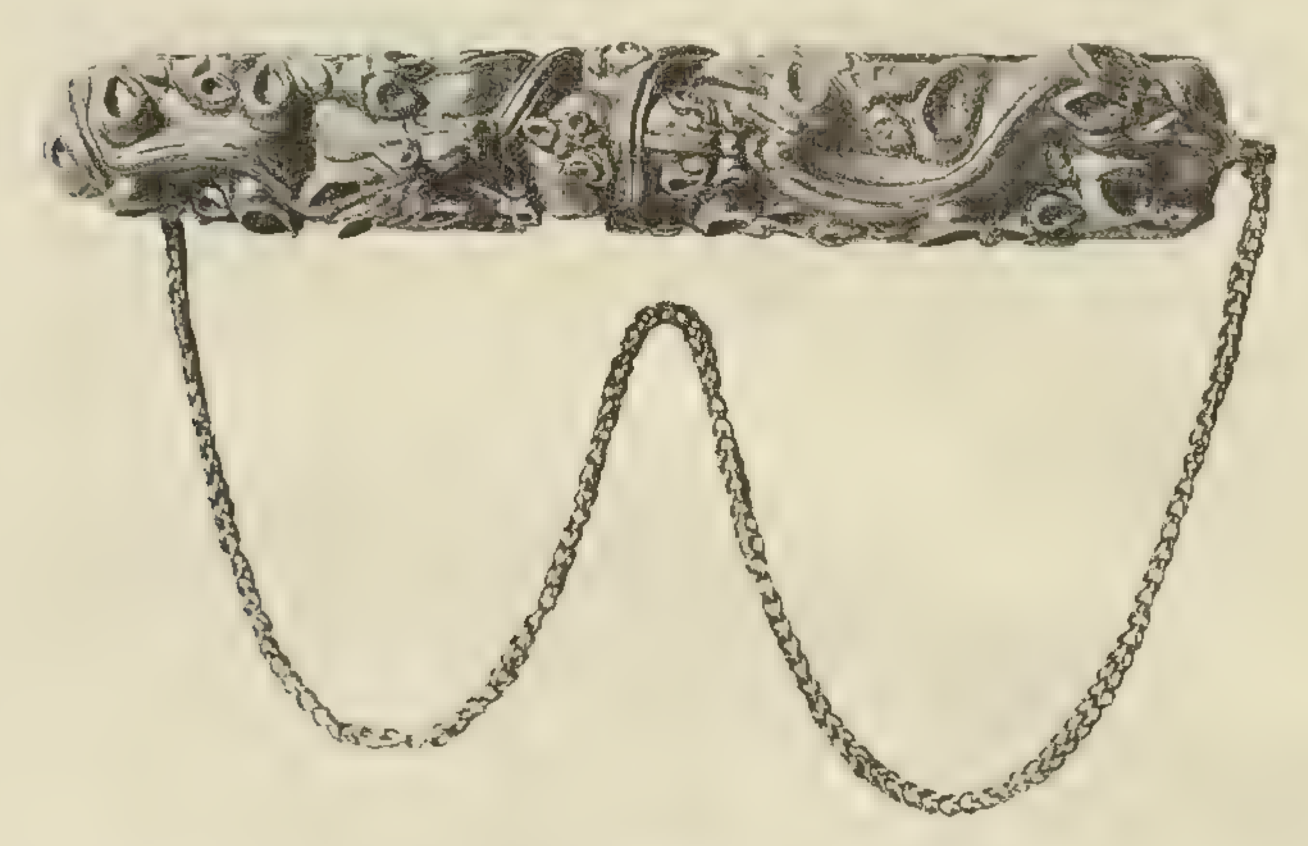
Послѣднiй и наиболѣе замѣчательный предметъ изъ новочеркаскаго клада представляетъ маленькiй золотой футлярчикъ (длиною 13 сант.) съ золотою цѣпочкой для ношенiя въ рукахъ или на поясѣ (рис. 164). Поверхность этого предмета рѣзана горельефомъ и представляетъ трехъ животныхъ съ длин-

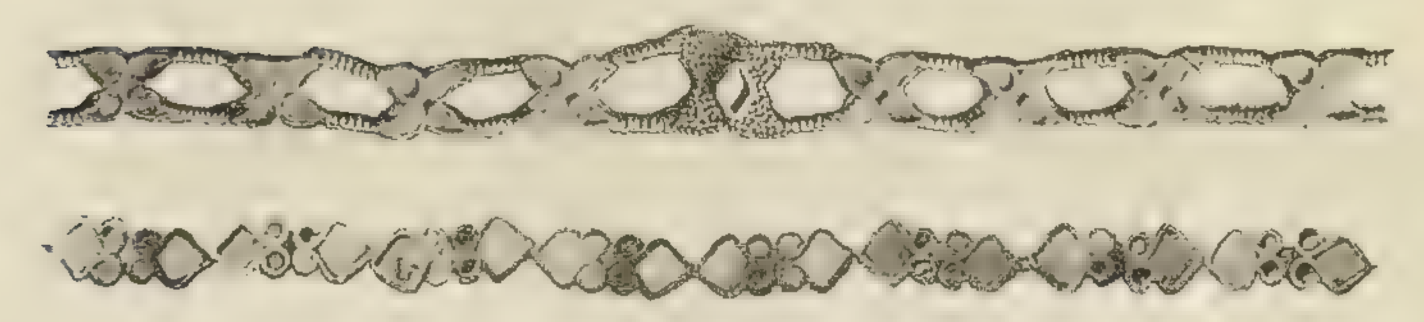
163. Золотая чашка Новочеркаскаго клада.

ными ушами, грызущихъ хребетъ другъ друга и инкрустированныхъ бирюзою. Основной характеръ стиля, руководившаго всею орнаментацiею предметовъ клада, здѣсь выступаетъ съ полною ясностью: этотъ характеръ знаемъ въ полномъ развитiи и исключительно въ искусствѣ Китая и Японiи. А такъ какъ та-же орнаментальная манера, совершенно забывающая о назначенiи предмета, который хотятъ орнаментировать, и о его собственной формѣ, принадлежитъ, кромѣ Китая и Японiи, Индiи, то возможно было-бы предполагать появленiе этой манеры въ тѣхъ и другихъ странахъ вмѣстѣ съ вторженiемъ неизвѣстныхъ варваровъ около эпохи Р. Х.

Предметы новочеркаскаго клада могутъ имѣть свой источникъ въ томъ-же самомъ варварскомъ стилѣ, который послужилъ оригиналомъ для выработки своеобразной китайской орнаментики.

164. Золотой футлярчикъ изъ Новочеркаскаго клада.

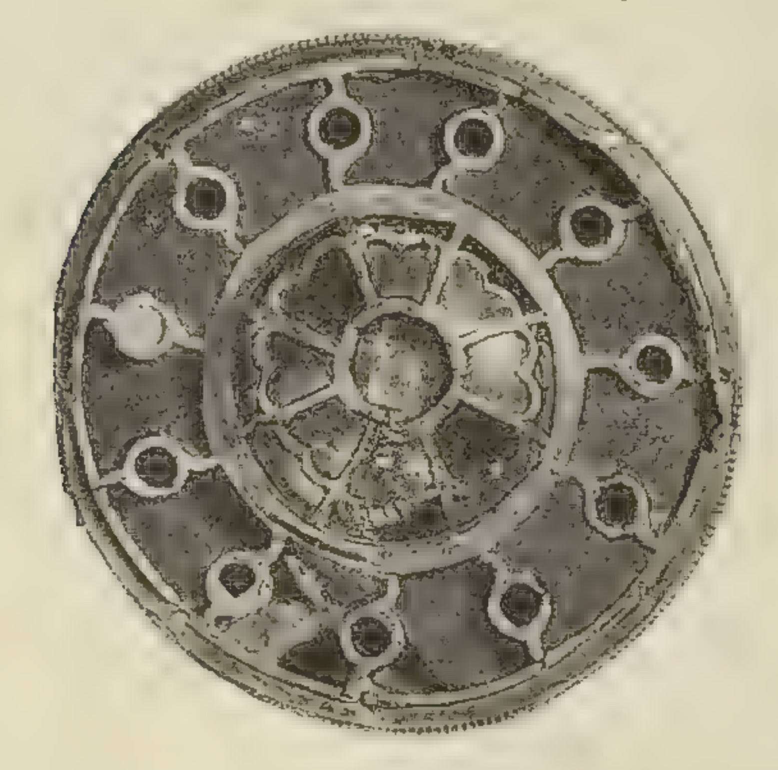

165. Нашивныя эмальированныя бляшки Новочеркаскаго клада.

Чулекская находка 1868 года на $1^1/_2$-аршинной глубинѣ при рытьѣ котловины на р. Морскомъ-Чулекѣ, въ 30 в. отъ Таганрога и въ $1^1/_2$ в. отъ морскаго берега, въ томъ мѣстѣ, гдѣ р. Чулекъ впадаетъ въ устье Донецкихъ гирлъ, заключала въ себѣ слѣдующія вещи:

1) семь медальоновъ (рис. 166) или бляхъ тонкаго рѣзанаго золота, изъ коихъ три имѣютъ по $6^1/_2$ с. и четыре по 8 с. въ поперечникѣ; каждый медальонъ составленъ изъ двухъ крѣпкихъ ободковъ, припаянныхъ къ тонкой пластинкѣ и связанныхъ между собою при помощи золотыхъ перегородочекъ, поставленныхъ на ребро и расположенныхъ колесомъ, какъ видно на рисункѣ; въ каймѣ внѣшняго ободка имѣются, вѣроятно, для пришивки, 8 сквозныхъ дырочекъ, въ которыхъ сохранились мѣдные штифты или куски проволоки, прикрѣплявшіеся, очевидно, къ кожѣ, т. е. къ ремнямъ; внутри на бетонной основѣ, наложены пиленыя вишневаго

цвѣта стекляныя пластинки, а снизу пришиты весьма тонкіе листики золота; въ глазки волютъ вставлены пиленые кусочки голубой смальты; по серединѣ звѣзда

166. Инкрустированная бляха изъ Чулекской находки.

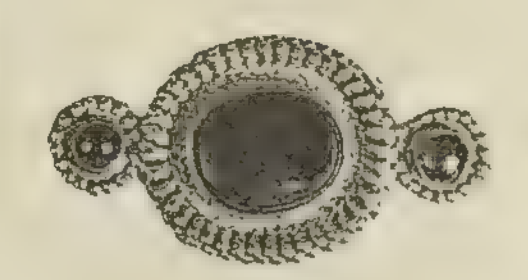

167. Наборная бляха той-же находки.

украшена въ видѣ ломаныхъ линій перегородчатымъ строеніемъ, съ напилеными гранатовыми стеклышками, слегка выпуклой формы. 2) Пять кіотцевъ (одинъ электровый) (рис. 167) со вставными плитками стекла лиловаго, багрянаго и голубаго пурпура, въ подражаніе лапись - лазули; пять сквозныхъ дырочекъ въ ободкахъ указываютъ, очевидно, на то, что этими кіотцами украшалась тесьма; 3) двѣ сердцеобразныя подвѣски (рис. 168) со вставными стеклами гранатоваго цвѣта изъ коихъ нѣкоторыя выпали; по краямъ идетъ ободокъ въ видѣ перегородки, обложенной бисерною ниткою, очень тонкій и изящный; 4) четыре перстня (рис. 169) (одинъ обломокъ), состоящіе изъ ободка, оплетеннаго цѣпочкою, къ серединѣ котораго припаяно снаружи гнѣздо со свѣтлокраснымъ сердоликомъ, оплетеннымъ тремя рядами бисерныхъ нитей; 5) три перстня изъ ободка съ овальнымъ

168. Тоже.

169. Перстень.

170. Цилиндръ со стеклами.

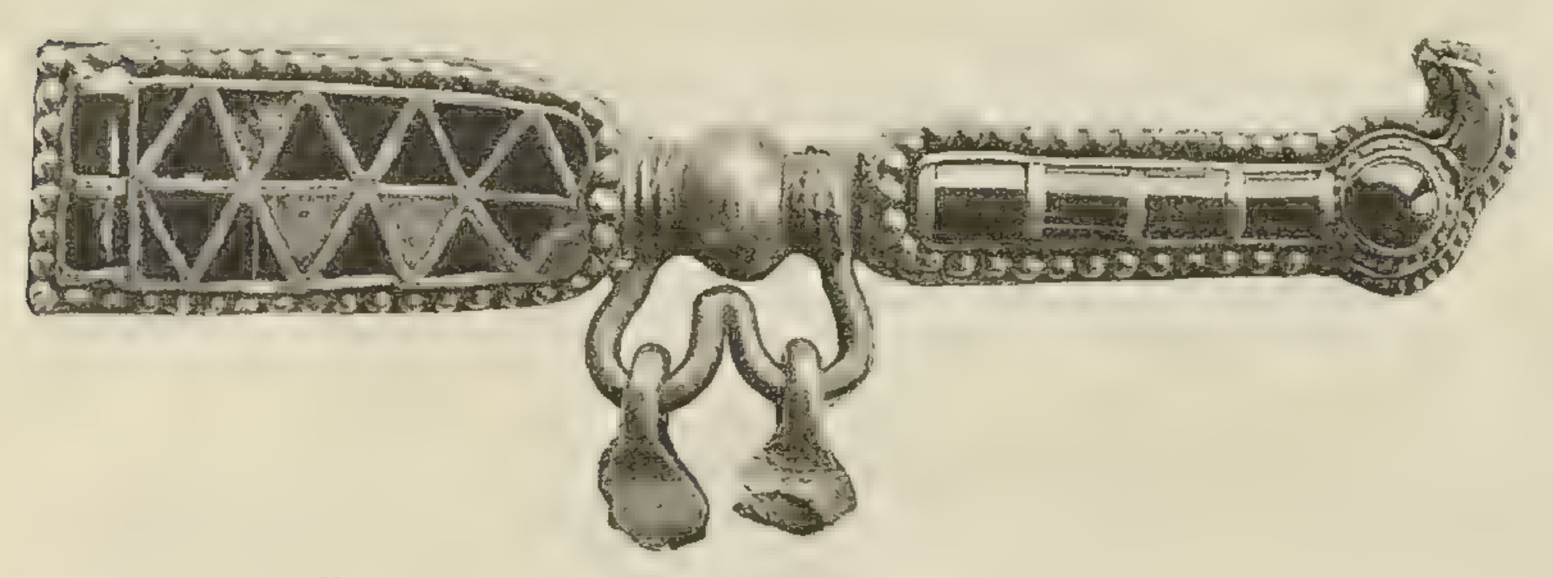

171. Серьга.

гнѣздомъ, внутри котораго двѣ гранаты и сердоликъ съ античнымъ дельфиномъ; 6) двѣ трубочки (рис. 170), повидимому отъ наконечника жезла, по 22 мил. вышины каждая съ гранатовымъ стекломъ внутри перегородокъ; 7) двѣ серьги (22 мил. въ попер.) (рис. 171) въ видѣ дутыхъ изъ золота калачиковъ, усыпанныхъ 10 бисерными нитями; своимъ видомъ онѣ очень напоминаютъ извѣстныя кіевскія подвѣски; два ушка, прикрѣпленныя къ нимъ, указываютъ, что черезъ нихъ проходило колечко для продѣванія въ ухо; 8) семь мѣдныхъ гвоздиковъ съ шляпками, украшенныхъ наборомъ изъ бисера и гнѣздомъ изъ граната и сердолика; 9) двѣ цѣпи, изъ которыхъ одна четырегранная, въ 47 мил., того-же типа, что и въ черниговскомъ кладѣ; одинъ конецъ ея оборванъ, на другомъ сохранился четыреугольный наконечникъ съ большимъ гранатомъ и кускомъ проволоки отъ застежки; на битой скобочкѣ на ней виситъ медальонъ изъ двухъ рядовъ бисера съ большимъ гранатомъ на шалнерахъ; другая цѣпочка (въ 38 мил.) нѣсколько грубѣе и имѣетъ два наконечника; 10) одинъ овальный медальонъ (6 сант. и 5 с. по среднему поперечнику) въ видѣ ободка съ двумя бисерными нитями (поломанъ); 11) два браслета изъ тонкой золотой пластинки, вырѣзные, съ расширенными слегка концами, самой простой работы; на нихъ сдѣланы четыреугольныя гнѣзда для камней, но самые камни отсутствуютъ, виденъ только слѣдъ бетонной подкладки; малый размѣръ ихъ ($6^1/_2$ сант. въ попер.) указываетъ на то, что они были женскіе; 12) два браслета массивнаго золота грубой работы, наподобіе древнихъ обручей, съ тонкою серединою и утолщенными концами; внутри одного изъ нихъ наколомъ латинская надпись.

Золотые медальоны или круглыя бляхи и такіе-же кіотцы чулекскаго клада представляютъ замѣчательные предметы варварскихъ конскихъ уборовъ, до насъ дошедшіе. Они относятся къ разряду такъ назыв. фаларовъ, ременныхъ и подвѣсныхъ бляхъ отъ конскаго убора. Богатство этихъ уборовъ у народовъ Востока въ эпоху Арсакидовъ и Сасанидовъ указывается свидѣтельствами, подтверждается памятниками (см. рисунки сасанидскихъ блюдъ). Восточные мастера изощрялись особенно надъ рисункомъ и формами этихъ конскихъ украшеній: это были тонкія вырѣзныя изъ золота и серебра бляшки, то округлой формы въ видѣ солнца и звѣздъ, то сердцеобразной, овальной, то въ формѣ полулунія, креста и пр. Восточные владыки не жалѣли лучшихъ драгоцѣнныхъ камней, чтобы въ соотвѣтственной оправѣ убирать ими чолку (фронталіи) и узду своихъ лошадей (pensilia). Подражая имъ, римскіе полководцы дѣлали фалары изъ серебра съ изображеніями Горгоны, Діаны, львиной пасти, орловъ и обвѣшивали узды такими-же золочеными лунницами, какъ вожди Гетовъ и Гунновъ. Южная Германія и въ древности занималась поддѣлываніемъ дорогихъ предметовъ художественной промышленности изъ дурнаго серебра, бронзы, покрытой серебряными и золотыми листьями, и именно тамъ-же встрѣчается много поддѣлокъ восточныхъ конскихъ уборовъ. Круглыя чулекскія бляхи принадлежатъ къ разряду наглазныхъ и нащечныхъ бляхъ узды (*наузольники*); кіотцы составляютъ, по всей вѣроятности, наборъ самыхъ поводьевъ. Въ старину въ Россіи имъ было названіе *наузовъ*, украшавшихъ узду съ *чекмами* и *плящиками*, *вотолками* и *ворворками* (наборныя кисти); круглыя бляхи налобника назывались въ старину *лысинами*. Столь-же разно-

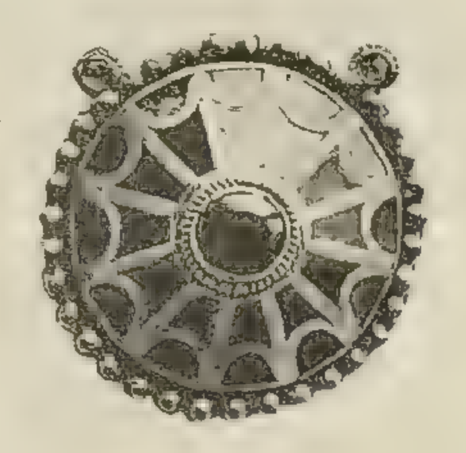
образныя техническія названія имѣлись и у Грековъ для всякаго рода конскихъ бляхъ.

172. Усикъ узды изъ кургана близь села Кудинетова, Терской области.

Въ курганѣ близь села Кудинетова Терской области найдены были въ 1887 г. слѣдующіе предметы:

1) усикъ отъ узды (14 сант. дл.) на массивномъ серебрѣ, обитый снизу тонкимъ золотымъ листомъ, а сверху пластинкой дурнаго золота съ зигзагами; по краямъ идутъ полувалики, на верхнемъ концѣ четыре и кромѣ того глазокъ и клювъ хищной птицы; въ рамки положено лиловое стекло и весь усикъ убранъ крупною зернью; 2) золотая бляшка (рис. 173) (4 с. въ поп.) съ гранатами въ серединѣ и пилеными черепахово-красными стеклами; по верху два кружочка и одна дырочка, а снизу — воскъ и тонкій золотой листъ; 3) два гладкіе колокольчика изъ золота украшенные зернью; 4) двѣ золотыя фибулы, украшенныя гранатами желтоватаго оттѣнка и искорками гранатъ по краямъ; 5) складень (рис. 149), обложенный крупными зернами, дѣланными изъ половинокъ; на золотомъ листѣ рѣшетка съ уцѣлѣвшими стеклами; 6) двѣ бляшки дурнаго золота въ формѣ цвѣтка съ гранатами и стеклами; 7) кусокъ массивнаго серебрянаго колечка; 8) пряжечка (рис. 150) съ однимъ гранатовымъ стекломъ; 9) золотая пряжка ($5^1/_2$ с.) вычурной формы; 10) кусокъ фибулы съ двумя стеклышками и искрами граната; 11) 104 пуговки изъ тонкаго золота въ формѣ полуорѣшка; 12) семь бронзовыхъ пластинокъ съ разнымъ рисункомъ.

173. Бляшка оттуда-же.

Въ 1888 году въ *Грозненскомъ* округѣ Терской области сдѣланы были слѣдующія замѣчательныя находки, въ разныхъ аулахъ: Алдинскомъ, Гойтинскомъ и пр.:

1) золотыя привѣсочки въ видѣ козловъ съ загнутыми назадъ длинными рогами, туловища которыхъ осыпаны бисерными треугольниками, а сзади — многогранная бусина; 2) двѣ золотыя серьги съ привѣскою изъ бусъ къ которой прикрѣплены цѣпочки съ листиками или треугольниками; 3) золотой массивный

перстень восточнаго типа съ камнемъ, на которомъ изображенъ левъ и сзади звѣзда; 4) золотая продолговатая бляха отъ ремня, изъ тонкаго золота, съ углубленіемъ во всю длину, въ которое вставлены сплошь красныя стекла въ перегородчатыхъ гнѣздахъ на слоѣ мастики; 5) маленькая золотая пластинка со вставнымъ грансным камнемъ блѣднаго цвѣта, вся осыпанная узорами изъ бисерныхъ треугольниковъ; 6) золотое украшеніе со вставными красными стеклами или гранатами, въ формѣ двухъ кружковъ, видимо, отъ наборнаго ремня; 7) золотая массивная серьга въ формѣ калачика; 8) металлическій поясъ изящной работы, составленный изъ пластинокъ съ чеканными изображеніями голубей и птицъ.

Близь села Алешекъ, Таврической губерніи, въ м. Кучугурѣ, въ 1887 году открыто, при неизвѣстныхъ обстоятельствахъ, но, всего вѣроятнѣе, въ расхищенной гробницѣ, много мелкихъ, разрозненныхъ и даже полуразрушенныхъ древностей, относящихся, однако, къ тому-же готскому періоду. Изъ этихъ предметовъ обращаютъ на себя вниманіе разнообразныя пряжки и ременныя наборныя бляхи, въ большинствѣ случаевъ изъ золота, рѣже изъ серебра, всѣ украшенныя гранатовыми инкрустаціями, чаще всего въ видѣ мелкихъ зеренъ граната, вставленныхъ въ гнѣздо изъ филиграннаго кружка.

Въ сел. Кайбалы, Самарской губерніи, на луговомъ берегу Волги, въ 1861 г. найдены были замѣчательныя древности и поднесены Императору Николаю Павловичу. Между этими древностями были массивная золотая цѣпь на четыре грани (неизвѣстно, куда дѣвавшаяся) съ золотою массивною подвѣской и большая золотая серьга, вѣсомъ въ 23 зол. Подвѣска и серьга хранятся нынѣ въ Московской оружейной палатѣ (по описи № 3391). Серьга (рис. 174) представляетъ развитіе той-же формы калачика, какъ въ серьгахъ чулекскаго клада; она состоитъ изъ двухъ полушарій, скрѣпленныхъ широкимъ ободомъ; толщина всей серьги болѣе $^1/_2$ вершка; поверхность набрана бисерными треугольниками, средина была украшена пилеными гранатами или красными стеклами. Подвѣска, въ видѣ небольшой втулки съ кольцомъ наверху, служила, очевидно, для тигроваго когтя или клыка и имѣла значеніе амулета; она украшена гранатами въ гнѣздахъ и двухъ ячейкахъ, имѣющихъ обычную форму запятыхъ.

174. Золотая серьга, найденная бл. сел. Кайбалы Самарск. губ.; $^1/_3$ нат. вел.

Совершенно тождественная серьга пріобрѣтена Г. Д. Филимоновымъ изъ случайныхъ находокъ въ землѣ Войска Донскаго вмѣстѣ съ сасанидскимъ чеканнымъ сосудомъ замѣчательнаго рисунка (о которомъ см. выше, въ древностяхъ Перми).

Если Востокъ и въ частности Персія есть родина стекольной инкрустаціи золотыхъ издѣлій, то чаша Хозроя I, хранимая нынѣ въ Національной Библіотекѣ Парижа, можетъ быть принята за образецъ, хотя и представляетъ сама по себѣ памятникъ позднѣйшаго времени. И она дѣйствительно совмѣщаетъ въ себѣ, по крайней мѣрѣ по цвѣту инкрустацій, всѣ господствовавшіе на западѣ типы. Ея бордюръ состоитъ изъ пиленыхъ гранатъ, положенныхъ на мастикѣ, а вся внутренность составлена, въ видѣ ажурной работы въ три пояса, изъ золотой

сѣтки, кружковъ и ромбиковъ, вырѣзанныхъ въ золотѣ и заполненныхъ бѣлымъ, рубиновымъ и зеленымъ стекломъ. Поверхность стекла орнаментирована въ видѣ розетокъ о четырехъ лепесткахъ, отлично гравированныхъ. Въ срединѣ большой хрустальный щитокъ представляетъ исполненный гравюрою тонкій портретъ царя Хозроя.

На второмъ мѣстѣ за этимъ предметомъ стоитъ разрушенная чаша Сиверскаго клада, близкая по формѣ къ пиршественнымъ бокаламъ румынскаго клада. Нѣсколько подобныхъ предметовъ, но утратившихъ свой древній видъ, попало съ Востока въ Европу; изъ нихъ любопытный потиръ въ ризницѣ св. Марка въ Венеціи представляетъ по золоту ажурную инкрустацію изъ горнаго хрусталя, корналина и лаписъ-лазули. Этими немногими фрагментами и ограничивается, однако, списокъ предметовъ собственно восточнаго происхожденія въ указанномъ родѣ орнаментаціи.

Изъ предметовъ утвари, но уже европейскаго происхожденія, къ нимъ примыкаютъ готскія сокровища изъ ризницы въ Монцѣ, готскія короны, найденныя въ Испаніи, и часть парадныхъ латъ, сохраненныхъ въ Равеннѣ и относящихся ко времени готскихъ королей Италіи. Отъ факта принадлежности Готамъ предметовъ, украшенныхъ гранатами, легко было перейти къ предположенію, что этого рода орнаментація была усвоена преимущественно, если не исключительно, готскою національностью въ средневѣковой Европѣ и Готами-же перенесена на Западѣ во всѣ мѣста ихъ блужданія. Названіе «готскія древности» въ настоящее время получило видимый перевѣсъ надъ терминомъ «предметы меровингскаго стиля», который установился было ранѣе по вещамъ, открытымъ въ могилѣ короля Хильперика. Древности этого типа, находимыя въ Южной Россіи, должны имѣть рѣшающее значеніе въ вопросѣ о стекольной инкрустаціи.

Въ 1837 году между Букарештомъ и Галацемъ, близь селенія Петроссы, въ каменоломняхъ открытъ былъ великолѣпный кладъ изъ 22 золотыхъ предметовъ изъ массивнаго металла, украшенныхъ гранатами, изумрудами, сапфирами и жемчугомъ. Только 12 предметовъ, и притомъ уже испорченныхъ и лишенныхъ дорогихъ камней, удалось спасти и сохранить въ музеѣ Букарешта. Эти предметы вмѣстѣ вѣсятъ около полу-пуда и представляютъ богатую царскую утварь. Большое блюдо, имѣющее 14 вершковъ въ поперечникѣ, напоминаетъ серебряное блюдо Чертомлыцкаго кургана. Круглая патера, составленная изъ двухъ листовъ, спаянныхъ между собою, украшена внутри рядомъ фигуръ чеканной и рѣзной работы въ позднѣйшемъ греко-римскомъ стилѣ. Фигуры изображаютъ божествъ греко-римской миѳологіи со многими, однако, особенностями. Въ срединѣ патеры сидящая женская фигура съ сосудомъ воспроизводитъ обычный типъ такъ назыв. каменной бабы и исполнена въ видѣ особой статуэтки; по низу, кругомъ ея сѣдалища, представлена сцена охоты: два льва преслѣдуютъ лань и оленя, охотникъ спитъ, возлѣ него собака. Животныя представлены въ томъ типѣ, который знаемъ на предметахъ новочеркаскаго клада. Въ составъ этого-же клада входили двѣ столь-же великолѣпныя чаши: изъ нихъ одна $^1/_2$ арш. въ діаметрѣ съ большими ручками въ видѣ двухъ леопардовъ; чаша, вся сама по себѣ ажурная, рѣзана въ массивномъ золотѣ, и въ прорѣзныхъ ея рѣшеткахъ вставлено красное

стекло, а по бордюрамъ — выпуклыя гранаты; такимъ образомъ, по работѣ чаша наиболѣе напоминаетъ блюдо Хозроя; на другой чашѣ серебряные тигры усыпаны бирюзою и рубинами, а по каймѣ пилеными изумрудами. Вся техника средне-азіатская. Изъ предметовъ личнаго убора обращаютъ на себя особенное вниманіе шейное золотое ожерелье или маніакъ (бармы), украшенное сплошь пластинками гранатоваго и изумруднаго стекла въ видѣ сердечекъ и листьевъ плюща, замѣчательное своимъ сходствомъ съ готскимъ золотымъ ожерельемъ, найденнымъ въ озерѣ близь Стокгольма, хотя безъ украшавшихъ это ожерелье цвѣтныхъ стеколъ. Большая фибула въ видѣ орла, вся набранная стеклами, сапфирами и мелкими гранатами, приближается наиболѣе къ украшеніямъ шлемовъ на монетахъ сасанидскихъ царей.

Всѣ эти предметы носятъ на себѣ исключительно восточный характеръ, и самая примѣсь греко-римскаго стиля и формъ принадлежитъ восточнымъ провинціямъ, а не западнымъ окраинамъ римской имперіи, и если вѣрно, что румынскій кладъ составляетъ сокровище вестготскаго короля Атанариха, то художественная обстановка вестготскаго и гуннскаго племени представляла весьма мало разницы.

На второмъ мѣстѣ послѣ румынскаго клада должно поставить кладъ Гваррazара, близь Толедо, найденный въ 1858 году, изъ 14 (расплавленныхъ) маленькихъ золотыхъ вѣнцовъ и 9 вѣнцовъ изъ массивнаго золота съ гранатами, сапфирами и жемчугомъ, сохраняемыхъ въ музеѣ Клюни въ Парижѣ. Самая большая изъ коронъ, по надписи принадлежавшая готскому королю Рекцесвинту († 672 г.), украшена по каймѣ гранатами, по обручу сапфирами и жемчугомъ. Къ обручу подвѣшено 24 золотыхъ, украшенныхъ инкрустаціями, буквъ. Корона эта, какъ и всѣ прочія, вотивная или церковная, назначенная для украшенія алтарнаго киворія. Другая корона, по надписи царицы Сонники, называетъ даже монастырь, въ который эта корона съ прочими была пожертвована. Стиль орнаментовъ на другихъ вѣнцахъ клада особенно близокъ къ церковнымъ вѣнцамъ, найденнымъ въ прошломъ столѣтіи гдѣ-то на Волгѣ и нѣкогда сохранявшимся въ музеѣ Академіи Наукъ.

Между сокровищами собора въ г. Монцѣ, близь Милана, хранятся дары готской королевы Теодолинды, частью изъ подарковъ, полученныхъ ею самою отъ папы Григорія Великаго, частью ея собственные вклады, между ними церковный вѣнецъ ея, рисунка тождественнаго съ испанскими коронами. Окладъ большаго евангелія, изготовленный видимо въ королевской мастерской, представляетъ широкое примѣненіе того-же принципа инкрустаціи и аналогичнаго рисунка, какой находимъ въ таганрогскомъ кладѣ.

Въ 1870 году въ мѣстечкѣ Вольфсгеймѣ, близь Майнца, найденъ былъ замѣчательный золотой аграфъ, шириною въ 8 сант., въ видѣ четыреугольныхъ пластинокъ съ шарниромъ и двумя пряжечками по концамъ, имѣющими форму трехлепестковаго цвѣтка. Поверхность золотаго листа снаружи нарѣзана кружками и ромбами, заполненными красными и зелеными стеклами. На исподней сторонѣ начерчена надпись пеглевійскими буквами имени Артаксеркса, относящая аграфъ къ сасанидской эпохѣ. Эта бляха, видимо отъ пояса, относится къ III или IV сто-

лѣтіямъ по Р. Х. и найдена вмѣстѣ съ дутымъ золотымъ обручемъ, на концахъ котораго сдѣлана наколомъ весьма грубо львиная голова, золотымъ массивнымъ браслетомъ и фибулою, орнаментъ которой тождественъ съ таганрогскимъ кладомъ. Въ данномъ случаѣ персидскій оригиналъ гранатовыхъ инкрустацій не оставляетъ никакого сомнѣнія.

Такимъ образомъ, любопытная орнаментика, родившаяся на Востокѣ и черезъ племена Средней Азіи проникшая на сѣверный Кавказъ и берега Дона, сосредоточилась въ началѣ среднихъ вѣковъ въ южной Россіи и по берегамъ Дуная. Какъ временная и скоро преходящая мода, орнаментика эта встрѣчается и въ самой Византіи, и декоративная архитектура, представленная на мозаикахъ въ Солуни, украшена попеременно гранатовыми и изумрудными инкрустаціями. Но эта мода ограничивается для Византіи первою половиною V-го столѣтія, тогда какъ въ искусствѣ варваровъ она удерживается до конца VIII-го вѣка, и даже различные предметы церковной утвари и мощехранительницы Утрехта и Герфорда исполняются еще въ томъже завѣтномъ стилѣ. Въ одной изъ керченскихъ гробницъ позднѣйшаго времени, разобранной кладоискателями, найдены остатки меча съ желѣзной рукоятью, обложенной золотымъ листомъ, по которому въ золотыхъ клѣточкахъ, то квадратныхъ, то круглыхъ, на мѣстѣ волютъ по концамъ рукояти, то зигзагообразныхъ и овальныхъ, вставлены на массѣ изъ сѣрой извести красныя стекла. Эти остатки меча, по своему меровингскому типу, совершенно тождественны съ мечемъ отличной сохранности, вынутымъ изъ могилы короля Хильперика († 481 г.).

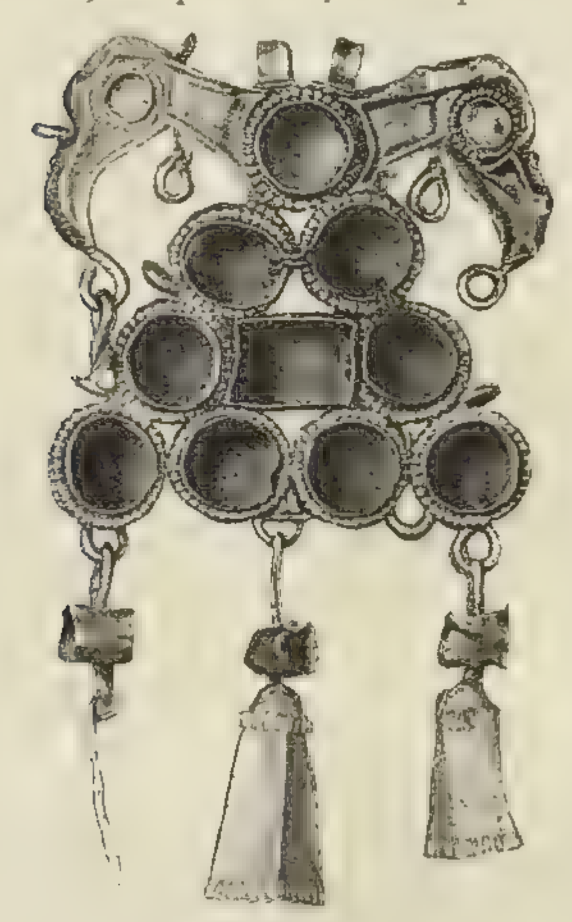

175. Золотая фибула съ гранатами изъ Нѣжина близь Черниговскаго городища.

Замѣчательно, что выше Кіева и по Вислѣ доселѣ не найдено ни одного образца между варварскими древностями, украшеннаго подобными инкрустаціями. Вездѣ ея мѣсто занимаетъ, какъ увидимъ ниже, въ сѣверо-западныхъ древностяхъ бронза, отдѣланная выемчатою эмалью краснаго и зеленаго цвѣтовъ, видимо

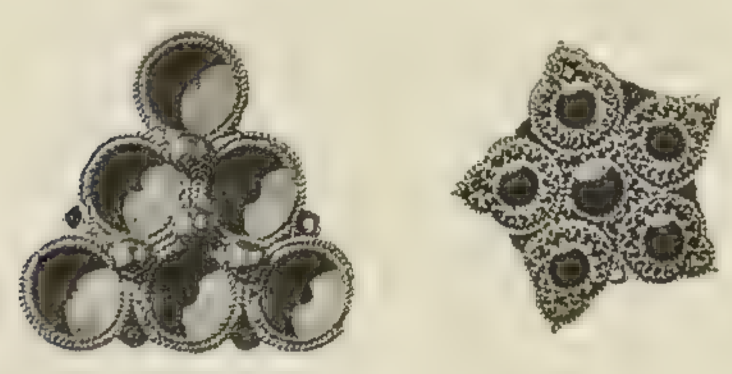
назначенною подражать тѣмъ-же самымъ цвѣтнымъ инкрустаціямъ. Самая крайняя на сѣверѣ находка вещей этого типа представляется парою фибулъ, найденныхъ въ Нѣжинѣ, возлѣ Черниговскаго городища, съ римскими монетами II вѣка по Р. Х.

Наибольшая масса находокъ предметовъ подобнаго рода приходится на долю Венгріи: находки въ самомъ Будапештѣ, съ острова Гепеля, изъ мѣстечка Пестроваца, Остропатаки, въ Моравіи и пр. Всего замѣчательнѣе крайнее разнообразіе предметовъ, подобнымъ образомъ украшенныхъ. На первомъ мѣстѣ стоятъ здѣсь массивныя или, наоборотъ, дутыя золотыя пряжки, брошки и аграфы; далѣе, плечевыя фибулы съ подвѣсными цѣпочками, набранныя красными и зелеными стеклами, а иногда украшенныя ониксами.

176. Подвѣска листоваго золота изъ Венгріи.

Того-же характера привѣски, любопытныя тождествомъ своей фактуры съ вещами Кавказа: такова находка изъ м. Ребрины Унгварскаго комитата (рис. 176). Верхъ представляетъ двѣ птичьи головы, убранныя жемчужинами и державшія во рту двѣ жемчужины; затѣмъ самая бляшка покрыта десятью ячейками или гнѣздами, оправленными въ филигрань и содержавшими прежде крупный жемчугъ, а снизу подвѣшены подобія колокольчиковъ; эта группа ячеекъ сама по себѣ воспроизводитъ въ варварскомъ преувеличеніи античную гроздь. Сюда-же относятся подвѣсныя бляшки и медальоны, набранныя стеклами, и цѣлыя серіи монетъ, отдѣланныхъ какъ брактеаты, и самыхъ брактеатовъ, дающихъ точныя указанія времени. Такъ большой трансильванскій кладъ, открытый пастухами въ 1797 году, содержалъ въ себѣ кромѣ золотаго диска съ красными стеклами отъ конскаго убора, двадцати четырехъ золотыхъ колецъ, большой золотой цѣпи съ подвѣсками, также 14 золотыхъ римскихъ медальоновъ отъ 290 по 378 годъ. Какъ извѣстно, въ 378 году произошла кровавая битва при Адріанополѣ, въ которой побѣдили Готы и палъ императоръ Валентъ. Наконецъ, въ національномъ музеѣ Пешта хранится кусокъ такого-же золотаго нагрудника, инкрустированнаго стеклянными подобіями гранатъ, какъ описанный выше нагрудникъ румынскаго клада и Стокгольмскаго музея.

177 — 178. Золотыя украшенія изъ Ставропольской губерніи.

Тѣ-же древности переходятъ съ Дуная на Рейнъ и представляютъ рядъ под-

вѣсныхъ медальоновъ, фибулъ, пряжекъ, перстней, вынутыхъ изъ могилъ древне-бургундскихъ. Не болѣе одной трети между ними сохраняютъ технику придунайскихъ и южно-русскихъ инкрустацій, т. е. выполнены изъ тонкихъ рѣзныхъ листовъ золота; ячейки наполнены сѣрою или иною массой, на которой наложено стекло цвѣта сирійскаго граната, или черепаховаго оттѣнка, или же цвѣта слабаго краснаго вина; гораздо рѣже встрѣчается стекло изумруднаго цвѣта, почти вовсе нѣтъ настоящаго изумруда и только очень рѣдко на круглыхъ фибулахъ, и притомъ уже въ VI и VII столѣтіяхъ, встрѣчаются иные цвѣтные камни; кромѣ краснаго стекла, мастеръ употребляетъ стекло синяго индиговаго цвѣта и голубую непрозрачную смальту. Коль скоро предметъ выполняется изъ мѣди, мастеръ, вмѣсто инкрустацій, употребляетъ обычную варварскую эмаль алаго и бирюзоваго цвѣтовъ. Работы на мѣди съ сохраненіемъ холодныхъ инкрустацій встрѣчаются только во Франціи.

Всѣ художественныя формы повторяются до мелочей, и если измѣняется не рѣдко самый предметъ, то его деталь сохраняется, какъ признакъ стиля. Некрополи, содержащіе въ себѣ подобнаго рода предметы, изрѣдка опредѣляются византійскими монетами V-го вѣка. Сравнительная бѣдность этихъ могилъ характеризуется уже тѣмъ, что въ большинствѣ изъ нихъ, кромѣ небольшихъ фибулъ, никакихъ другихъ украшеній не встрѣчено, и если попадаются фибулы, обдѣланныя золотыми листами сверху, а на этихъ листахъ гнѣздами съ цвѣтной инкрустаціей, то эти листы происходятъ отъ разобранныхъ золотыхъ медальоновъ, служившихъ подвѣсками для богатаго ожерелья и украшенныхъ искрами гранатъ и сканью. Тамъ-же встрѣчаются бусы изъ горнаго хрусталя и золотые набалдашники для оселка. Очевидно, мастеръ варварской общины передѣлывалъ доставшееся племени или въ его руки золотое монисто иноземной работы и приспособлялъ его части къ варварскимъ потребностямъ и господствующей модѣ. Фибулы въ видѣ арбалета все рѣже и рѣже украшаются альмандинами (европейскій видъ граната) и цвѣтными стеклами; напротивъ того, множество фибулъ, имѣющихъ форму птицы, исполняются цвѣтными стеклами и смальтою во всѣхъ деталяхъ.

179. Золотой аграфъ изъ земли Войска Донскаго, станицы Романовской, отъ двухъ паръ въ Эрмитажѣ и Историческомъ Музеѣ.

Характеръ находокъ, сопровождаемыхъ монетами Юстиніана, показываетъ, что лучшія издѣлія, выполненныя изъ золота съ тончайшими перегородочками, составляли предметъ привоза и торговли съ югомъ, или военную добычу.

Таково происхожденіе различныхъ предметовъ личнаго убора, исполненныхъ въ золотѣ и украшенныхъ цвѣтными инкрустаціями, въ средѣ древностей скандинавскихъ (впрочемъ, почти исключительно датскихъ). Все это, однако-же, лишь единичные примѣры, сравнительно съ обиліемъ подобнаго рода предметовъ въ могильникахъ Бургундовъ, Алеманновъ и Франковъ, разсѣянныхъ по Швейцаріи, Эльзасу и Лотарингіи и повторяющихъ основные типы безъ всякихъ измѣненій. Тождество или крайнее сходство рукоятій и ноженъ меча, а также и другихъ предметовъ вооруженія и убора: гривенъ или шейныхъ обручей, массивныхъ золотыхъ браслетовъ съ утолщеннымъ концомъ, крупныхъ и мелкихъ пряжекъ съ толстымъ изогнутымъ язычкомъ, представляется наиболѣе реальнымъ на примѣрѣ трехъ мечей, рукояти которыхъ украшены подобнымъ образомъ. Одинъ мечъ принадлежалъ королю Хильперику, другой — неизвѣстному вождю, павшему на полѣ битвы въ мѣстности Пуанъ, деп. Объ, и третій мечъ, найденный во Флонгеймѣ, близь Альцейля, въ окрестностяхъ Вормса, рукоять котораго вся раздѣлана цвѣтными инкрустаціями, повидимому, изъ настоящихъ гранатъ.

180. Пряжка Терской обл.

Между англо-саксонскими древностями столь-же обильны находки этого рода и столь-же настойчиво и неизмѣнно сохраняется однажды усвоенный иноземный типъ греко-римскаго или восточнаго стиля. Вещи отличаются сухостью и детальностью рѣзьбы; вмѣсто пластинокъ стекла вставляются искры яхонта, рубина и граната.

Какъ долго держалась эта манера украшенія и связанный съ нею стиль, наглядно показываетъ замѣчательный кладъ или, вѣрнѣе, могильный уборъ варварскаго вождя, найденный въ Кьюзи, городкѣ древней Тосканы, и хранимый нынѣ въ Сен-жерменскомъ музеѣ (№ 27087). Двѣ большихъ фибулы въ формѣ арбалета украшены птичьими головками, набраны искрами граната и двумя рыбами изъ пиленыхъ стеколъ, двѣ обыкновенныхъ пряжки съ гранатами-же, мечъ и часть нагруднаго доспѣха съ такими-же украшеніями (несохранившимися), орнаментальныя бляхи въ видѣ птицы и львовъ съ христіанскимъ крестомъ и, наконецъ, рядъ бляшекъ отъ наборнаго ременнаго пояса, украшенныхъ прорѣзнымъ рѣшетчатымъ орнаментомъ, котораго происхожденіе отъ прежнихъ инкрустацій указываетъ на любопытную связь этой орнаментики съ послѣдующимъ движеніемъ художественной формы въ варварскомъ искусствѣ Европы.

Когда перегородчатое стекольное мастерство перешло на сѣверъ, то взамѣнъ золота туземные мастера должны были употреблять золоченую бронзу, а вмѣсто стеколъ наливать эмаль по способу выемчатыхъ эмалей.

Такъ, въ Швеціи, въ м. Венделѣ, доставившемъ обширныя находки эпохи викинговъ, встрѣченъ весьма замѣчательный конскій уборъ — узда, набранная изъ бляхъ и фаларъ, украшенныхъ эмалями. Узда эта найдена въ лодкѣ-могилѣ, вмѣстѣ съ замѣчательнымъ желѣзнымъ шлемомъ, обитымъ бронзою, съ рельефнымъ изображеніемъ всадника, убивающаго змѣю и птицу, летящую передъ нимъ; также вмѣстѣ съ мечемъ, украшеннымъ золоченою бронзою, гранатами и пр.; судя по стилю, погребеніе относится къ VIII — IX вѣкамъ.

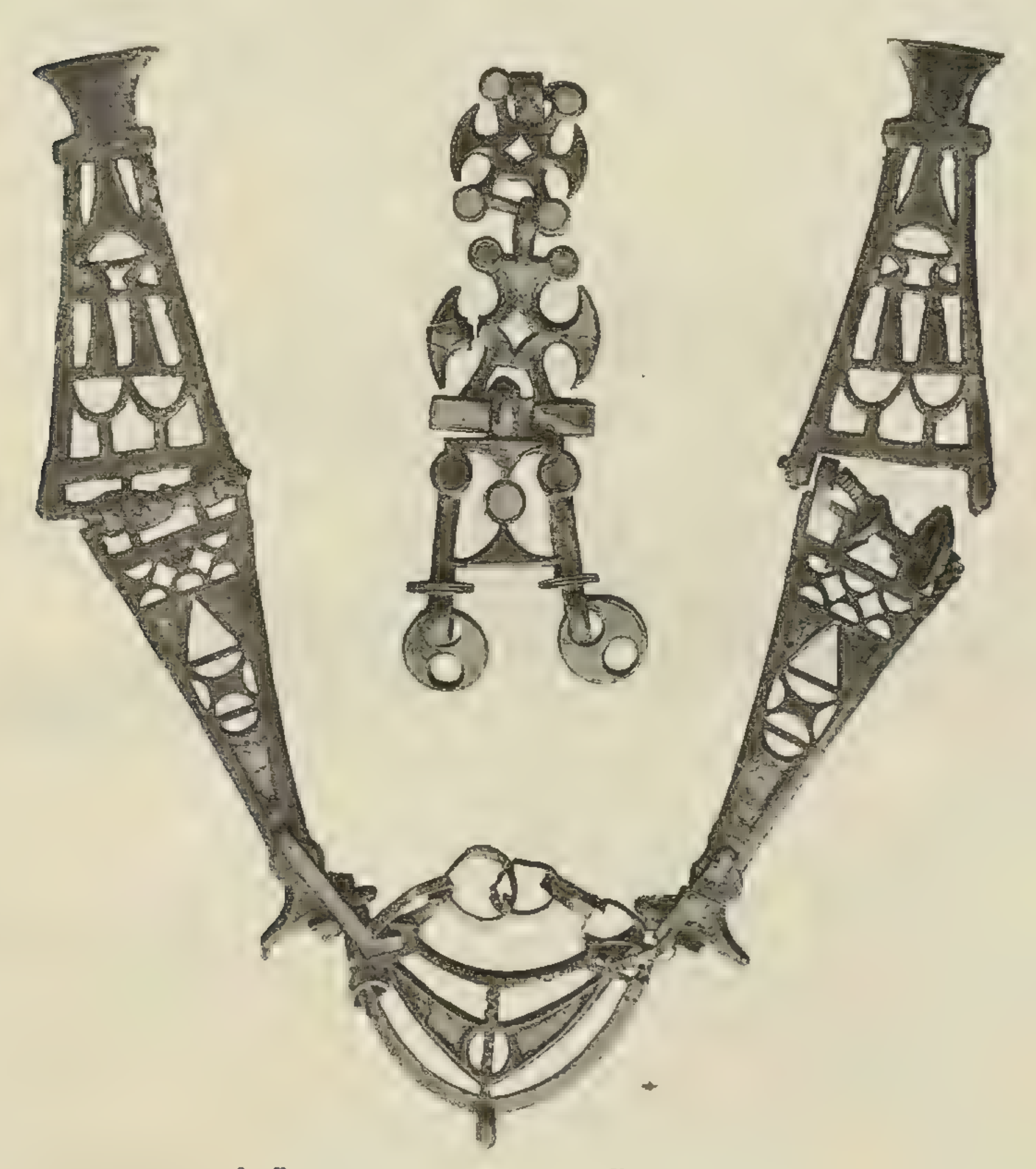
181. Бронзовая узда Виленскаго музея.

Основной восточный типъ значительно прикрытъ въ этой уздѣ, во всѣхъ бляхахъ, ушкахъ и колечкахъ, тѣмъ стилемъ, который принято называть доселѣ скандинавскимъ, но который въ VI—VII вѣкахъ принадлежитъ и Венгріи; однако, въ эмалевыхъ украшеніяхъ, состоящихъ исключительно изъ желтой и непрозрачной красной эмали (съ окисью свинца), этотъ типъ сохранился на столько ясно, что иныя отдѣльныя бляшки совершенно тождественны съ извѣстною бляхою или пряжкою, найденною въ Вольфсгеймѣ, относимою, по имени царя Артаксеркса, къ III столѣтію по Р. Х. и украшенною гранатами. Если эта узда и относится къ позднѣйшей эпохѣ, то, во всякомъ случаѣ, характеръ ея эмалей возникъ въ періодъ IV—V столѣтій, когда эмали должны были воспроизводить перегородчатое мастерство. Отдаленный сѣверъ удерживалъ и развивалъ у себя производство долго послѣ того, какъ оно перестало существовать въ южной Европѣ. Для примѣра можно было бы привести бронзовый котелокъ изъ Норвегіи съ 3-мя ручками, котораго фоны эмальированы бѣлою, голубою, синею, красною, желтыми красками и который, однако, можетъ относиться къ VIII—IX столѣтіямъ, судя по находкѣ его въ курганѣ съ сожженною лодкою.

Къ болѣе ранней эпохѣ относятся замѣчательныя эмалевыя древности, нынѣ хранящіяся въ Виленскомъ музеѣ. Предметы эти, извлеченные почти исключительно изъ гробницъ въ мѣстности, прежде именовавшейся Полоцкою землею, представляютъ тѣснѣйшее родство съ описанною выше уздою Швеціи. Число этихъ предметовъ (въ одномъ Виленскомъ музеѣ ихъ до 30), и, главнымъ образомъ, ихъ почти исключительная принадлежность къ разряду конскихъ и воинскихъ уборовъ, наконецъ, самый крайне оригинальный видъ этихъ «кованцевъ», какъ ихъ называли въ старину на Руси, указываетъ намъ совершенно самобытное явленіе ранней восточно-славянской культуры. Фактъ примѣненія эмали въ ея издѣліяхъ въ самомъ корнѣ измѣняетъ наши понятія о происхожденіи, развитіи и основномъ значеніи важнѣйшихъ типовъ древняго народнаго или такъ называемаго варварскаго искусства Европы. Эти издѣлія были ошибочно отнесены къ разряду діадемъ классической эпохи, но легко видѣть, что мы имѣемъ въ нихъ бронзовыя украшенія конскаго убора, удилъ, шлей и, быть можетъ, также части набора съ ременныхъ перевязей портупей и т. п., въ которыхъ, однако, намѣренно сохраненъ типъ тѣхъ-же конскихъ уборовъ, становившихся оригиналомъ для украшеній воинскихъ. Восточное происхожденіе лунницъ одной цѣпи Виленскаго музея, также какъ и орнаментальной формы креста на кіевской привѣскѣ, не подлежитъ сомнѣнію; но переходъ этихъ формъ изъ Азіи въ Европу составляетъ особую и весьма сложную археологическую тему. Въ эмалевыхъ украшеніяхъ на этихъ предметахъ замѣтно предпочтеніе красной и бирюзовой эмали и употребленіе вкрапленныхъ внутрь красной эмали оранжевыхъ кружковъ. Наконецъ, весьма важенъ геометрическій рисунокъ эмалевыхъ украшеній, который, по своей простотѣ и характерности, указываетъ оригиналъ, и посеребренный фонъ бирюзы, свидѣтельствующей, что прототипомъ этихъ издѣлій служили украшенія изъ серебра. Древности эти, явно, ранѣе шведской узды и должны быть отнесены къ III—IV стол. по Р. Х.

Лѣтомъ 1888 года г. Н. Булычевымъ сдѣланы замѣчательныя находки въ Ка-

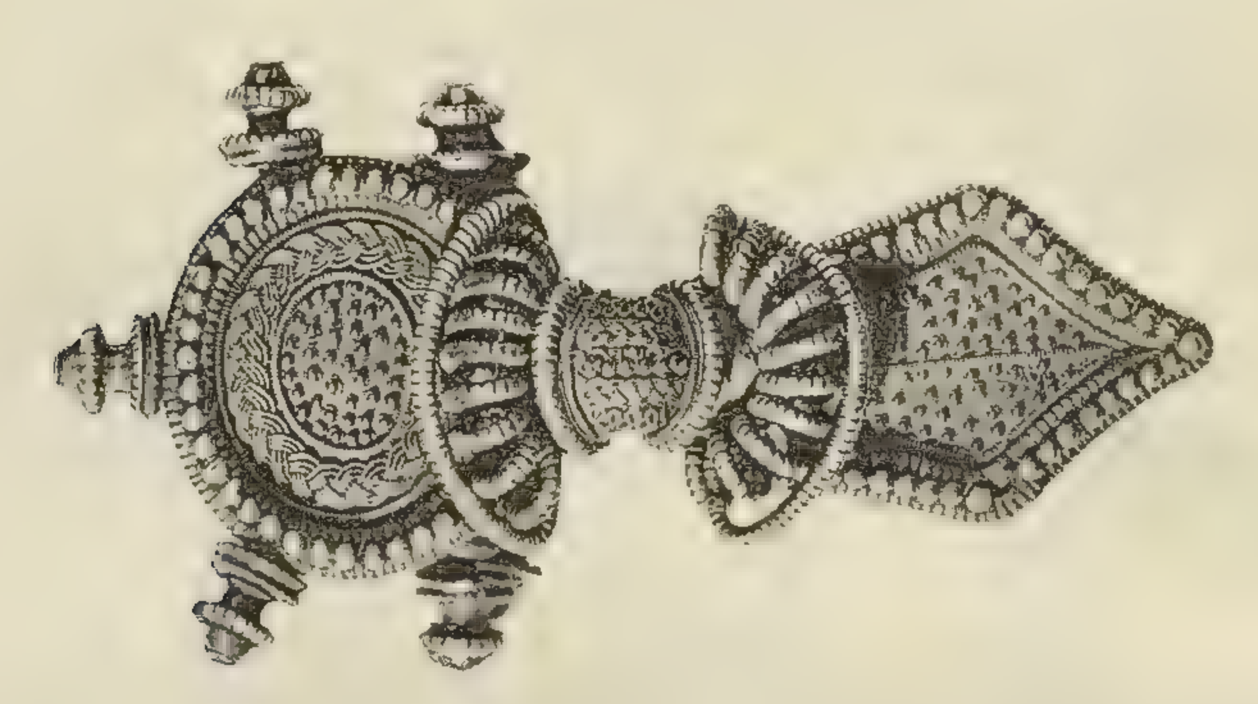
лужской губерніи, Мосальскомъ уѣздѣ, у подошвы Монзинскаго городца, въ видѣ клада, зарытаго кучею и состоявшаго изъ 12 бронзовыхъ браслетовъ, по-

182. Бронзовая узда съ эмалями изъ Калужской губерніи.

добныхъ виленскимъ «діадемамъ», множества бусъ (изъ нихъ многія красной пасты) и цѣлаго ряда отлично сохранившихся вещей съ эмалью. Среди обычныхъ бронзовыхъ древностей варварской эпохи I—V вѣковъ по Р. Х., оказался цѣлый рядъ предметовъ человѣческаго убора и украшеній изъ бронзы, какъ-то боль-

шихъ ажурныхъ пряжекъ отъ ремней поясныхъ, перевязей и пр., подвѣсокъ фигурныхъ къ ожерельямъ и серегъ въ видѣ крестиковъ (тождественныхъ съ вышеупомянутою кіевскою подвѣскою), ромбовъ, а также предметовъ конскаго убора, фигурныхъ удилъ, наборовъ узды, погремушекъ на цѣпяхъ изъ разнообразныхъ звеньевъ и пр. Главнымъ мотивомъ этихъ послѣднихъ издѣлій является тонкая рѣзьба, прорѣзныя геометрическія формы, которыя, очевидно, имитируютъ въ бронзѣ тонкія работы въ золотѣ, какими щеголяли варвары-конники, наводнявшіе Россію въ эту эпоху изъ прикаспійскихъ мѣстностей.

182. Серебряная фибула изъ Кіевской губерніи, въ Эрмитажѣ.

За недостаткомъ научной разработки въ русской археологіи періода переселенія народовъ, слѣдуетъ обращаться къ сравнительному его изученію въ древностяхъ западной Европы, которыя имѣютъ свои источники въ южной Россіи и Средней Азіи. Общимъ руководствомъ можетъ служить сочиненіе Линаса *L'orfèvrerie cloisonnée,* 1877—1887, въ 3 томахъ, дающее богатый матеріалъ, но лишенное исторической его постановки. Для древностей Румыніи (кладъ Петроссы) важно изданіе Одобеско; Венгріи—Гампеля *Trouvailles de l'âge de bronze en Hongrie,* 1886, и *Der Goldfund von Nagy Szent-Miklós, Sogenannter Schatz des Attila,* 1885. Древности Германіи изданы и разобраны Линденшмитомъ въ трехъ его трудахъ: *Handbuch der deutschen Alterthumskunde,* 1 Theil, 1889; *Die Alterthümer unserer heidnischen Vorzeit,* въ трехъ томахъ, 1864—71; *Das Römisch-Germanische Central-Museum in bildlichen Darstellungen* 1889. Для древностей меровингскихъ сочиненіе Линаса, англосаксонскихъ: Kemble, *Horae ferales, or studies in the Archaeology of the northern nations,* ed. by Latham and Franks, 1863. Для скандинавскихъ древностей руководящія сочиненія: Ворсо, *Сѣверныя древности Музея въ Копенгагенѣ,* С.-Петербургъ, 1861, Sophus Müller, *Die Thier-Ornamentik im Norden,* übersetzt von Mestorf, 1881, и Montelius, *Antiquités Suédoises,* 1873—75.

Древности Сибири и Перми изданы въ сборникѣ проф. Аспелина: *Les antiquités du Nord Finno-Ougrien,* въ 5 выпускахъ, и въ начатомъ Сборникѣ Имп. Археологической Коммиссіи: *Сибирскія древности* В. В. Радлова, вып. I, 1889. Древности Кавказа послужили матеріаломъ для обширныхъ изданій: Chantre, *Recherches anthropologiques dans le Caucase,* 5 томовъ, 1887; *Матеріалы по археологіи Кавказа, собранные экспедиціями Имп. Московскаго Археологическаго Общества,* два выпуска, 1888—89.

183. Бронзовое украшеніе изъ собранія Сибирскаго Университета.

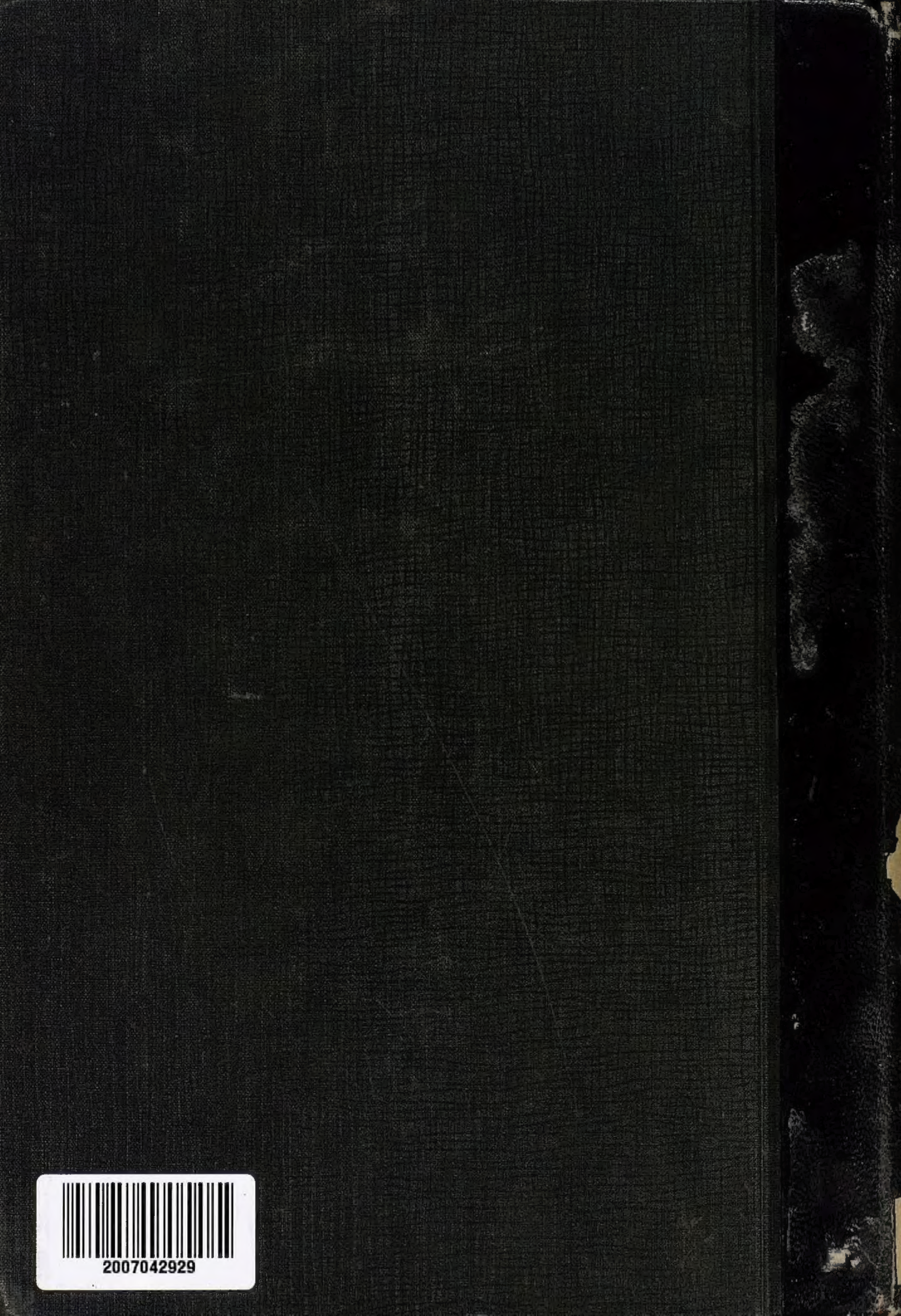

184. Бронзовое украшеніе въ Музеѣ Томскаго Университета.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

185. Южнорусскія древности.

2007042929